

Пензенский государственный педагогический
университет имени В. Г. Белинского

Факультет социологии и социальной работы
Кафедра социологии и социальной работы

VII Социологические чтения
Преподавателей, аспирантов и студентов,
посвященные
60-летию Победы в Великой Отечественной
войне

Межвузовский сборник научных трудов

Пенза, 2005

ББК 60.5

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ПГПУ им. В. Г. Белинского

VII Социологические чтения преподавателей, аспирантов и студентов, посвящённые 60-летию Победы в Великой Отечественной войне: Межвузовский сборник научных трудов. – Пенза, 2005. – 220 с.

Ответственный редактор – **А.Б. Тугаров**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальной работы

Редакционная коллегия: **М.А. Елистратова**, кандидат философских наук, доцент;
Т.И. Лаврёнова, кандидат философских наук, доцент;
Л.Я. Плешакова, кандидат философских наук, доцент
Т.Г. Скороходова, кандидат исторических наук, доцент.

Рецензенты: **О.С. Пугачёв**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Пензенской государственной сельскохозяйственной академии

Е.Н. Синёв, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского.

В межвузовский сборник научных трудов включены материалы двух научных конференций и статьи преподавателей, аспирантов и студентов, посвящённые актуальным проблемам социологии, социальной политики, социальной работы, философии и социальной лингвистики. Очередной выпуск «Социологических чтений» адресован научным работникам, преподавателям вузов и школ, аспирантам, студентам и всем интересующимся социологическими проблемами.

© Пензенский государственный педагогический университет имени В.Г. Белинского, 2005

Содержание

Материалы межвузовской научно-практической конференции «Великая Победа и современная Россия»

I. Великая Отечественная война: правда и вымысел

1. **Шеленкова А.** О необходимости объективного исследования событий Великой Отечественной войны _____ 6
2. **Руфова Е., Рыжкова О., Каюкова И.** Проблема героизма и патриотизма _____ 9
3. **Голодяевская Е.** Война глазами ее участника _____ 13
4. **Тугарова Э.** Война в судьбе женщины _____ 15
5. **Комратова Н., Субботина О., Кузнецов В.** Проблема востребованности молодежи темы Великой Отечественной войны _____ 17
6. **Комплеев А.** Немецкая методика подтверждения воздушных побед: правда и вымысел _____ 20

II. Социально-философские проблемы войны и насилия

1. **Улога М.** Война как социальное явление _____ 24
2. **Мокшанцева Е.** Философские аспекты войны _____ 28
3. **Имангулова Р.** Философские аспекты войны и терроризма _____ 31
4. **Дудкин А.С.** Война с точки зрения философии социальной помощи _____ 34
5. **Ишимская Е.В.** "Военная интеллигенция" как понятие социальной философии _____ 36
6. **Лазарева Н.** Между светом и тьмой (к вопросу о насилии и ненасилии) _____ 43

III. Социально-психологическая реабилитация участников войн и вооруженных конфликтов

1. **Плешакова О.В.** Экзистенциальные аспекты в психо-социальной помощи участникам войн и военных конфликтов _____ 46
2. **Зуброва О., Нефедова Н.** Психологическая помощь и реабилитация участников локальных войн _____ 49

Материалы межвузовской научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов

IV. История социологии

1. **Попов А.С.** Генетическая социология К. М. Тахтарева _____ 52
2. **Скороходова Т. Г.** У истоков индийской социологии: Раммохон Рой _____ 58
3. **Кухова О.** "Социологическое мышление" Зигмунта Баумана _____ 77
4. **Улога М.** Интерпретация Энтони Гидденсом "социологического воображения" Чарльза Райта Миллса _____ 79

V. Теоретическая социология

1. **Тугаров А.Б.** Теоретико-методологические основания профессиональной переподготовки современного специалиста (опыт контент-анализа)_____82
2. **Лавренова Т. И.** Социокультурные аспекты информационной революции____86
3. **Холькин Р. В.** Трансформация российского социума: общее и особенное____90
4. **Притченко Н.** Правоэстремистские силы в российском обществе_____96
5. **Рудакова А.** Интегрализм как подход к изучению национализма (концепция М.О. Мнацканяна)_____101

VI. Прикладная социология

1. **Найденова Л. И., Дунаева В. И.** Состояние здоровья детей и подростков и социально-экономическое развитие региона_____104
2. **Козина Г. Ю.** Социальные основы формирования здорового образа жизни студенческой молодежи_____112
3. **Клачкова О. М.** Особенности положения молодежи на рынке труда (на примере г. Пензы)_____118
4. **Откина И. А.** О профессиональной ориентации личности_____122
5. **Казарян О.** К вопросу о мотивах поступления на факультет социологии и социальной работы_____125
6. **Плешакова Л.Я., Вишнякова О., Федина Л., Филина В.** К вопросу об адаптации студентов-первокурсников к студенческой жизни._____127
7. **Комратова Н., Щеглова Т.** Социологические аспекты формирования окружающего пространства _____133
8. **Киреева Л. В.** Социологическое исследование социального портрета студента факультета социологии и социальной работы_____137
9. **Королева Л.А., Ключина Л.В., Безрукова Т.С.** Русская православная церковь в послевоенный период (на примере Пензенского региона)_____142

VII. Социальная политика

1. **Долотов В. А.** Направления решения проблем в системе льгот_____144
2. **Тюрина Е.И.** Управление процессами в системе социальной защиты населения _____150
3. **Колокольникова С. Н.** Социальное партнёрство: теоретический аспект____155
4. **Вишнякова О.** Беспризорность и безнадзорность как социальная болезнь общества _____158

VIII. Теория и технологии социальной работы

1. **Елистратова М. А.** Технологии и методы в социальной работе с детьми, подростками и молодежью_____161
2. **Дудкин А. С.** Вновь о взаимоотношениях религии и социальной работы____164
3. **Антипов М.** Социально-философский аспект деятельности хосписа_____173
4. **Гудкова Л.** Технология социальной поддержки студентов из малообеспеченных семей в рамках учебных заведений_____176

5. **Карев Т.** Реализация права инвалидов на труд в Пензенской области _____ 180
6. **Ядренцева Е.** Возможности социальной рекламы как средства социальной профилактики _____ 183
7. **Яценко Е.** Опекунство как одна из форм жизнеустройства детей, оставшихся без попечения родителей _____ 189
8. **Гаврилов А. В., Драгунова Е. А.** Игра как средство социально-трудовой ориентации детей-сирот _____ 192
9. **Петрунина С. В., Логинов А. А., Рубцова Н. О., Володина М. Н.** Исследование уровня общительности и помех в установлении контактов у людей с ограниченными возможностями в здоровье _____ 195
10. **Ильин В. А., Боков Г. В.** Влияние физкультурно-оздоровительных мероприятий на показатели умственной работоспособности младших школьников с задержкой психического развития _____ 198

IX. Социальная лингвистика

1. **Антонова М. В.** Возможности компьютерного обучения в процессе преподавания иностранного языка в ССУЗ _____ 202
2. **Ломохова С. А.** Обучение речи на руководимом лабораторном занятии _____ 207
3. **Зайцева А. В.** Способы достижения коммуникативной направленности упражнений в лабораторных работах _____ 209
4. **Луткова Е. В.** Реализация социокультурного подхода на занятиях по иностранному языку в педагогическом вузе _____ 211
5. **Павлова Н. А., Рыжова Е. В.** Германизмы в английском языке _____ 214
-

*Материалы межвузовской научно-практической конференции
«Великая Победа и современная Россия»*

I. Великая Отечественная война: правда и вымысел

*А. Шеленкова
(Научный руководитель Е. В. Оликова)
ПГПУ им. В.Г. Белинского*

О НЕОБХОДИМОСТИ ОБЪЕКТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Истинная наука не знает симпатий и антипатий:
единственная её цель – истина.

У. Гров

Любая правда со временем обнаружится.

Менандр

Чем больше времени отделяет нас от Великой Отечественной войны, тем более возможно возникновение вокруг нее легенд и мифов. Многие ученые, историки имеют весьма субъективное представление о войне и отдельных ее событиях. Это связано не только с индивидуальным отношением к различным аспектам войны, но и с объективными трудностями, которые возникают при изучении прошлого. Основные причины, мешающие раскрытию истинных фактов – это отсутствие материалов, документов и прочих источников, относящихся к предмету исследования; неправильное, неверное толкование исторических источников.

Интерпретация исторических источников – это проблема понимания и объяснения событий прошлого. Понимание в научном смысле есть проблема представления, которое существует как картина, рисуемая в сознании. Чем более объемно мы представляем себе то или иное событие, объект, процесс, тем лучше мы его понимаем.

Здесь возникает вопрос о том, можно ли избежать субъективности при рассмотрении исторического прошлого? Ответить на него сложно. Любой факт, интерпретированный несколькими людьми, уже не может быть объективно изложенным. Но тем не менее стремиться к точности и объективности необходимо.

Прежде всего требуется строгое отношение к историческим фактам и источникам, тщательное выяснение их подлинной сути и достоверности. В исторической науке нередко дают о себе знать элементы субъективизма.

Некоторые авторы считают это неизбежным. Известно признание одного из идеологов американского прагматизма Дж. Дьюи, который считал, что «историческое исследование ... определяется доминирующими проблемами и концепциями периода, когда оно пишется». По мнению французского историка Р. Арона, «каждая эпоха, каждый коллектив заново создает себе прошлое». Немало историков, которые полагают, что по каждому историческому событию существуют различные версии, и все они могут претендовать на истину. Академик Б. Д. Греков писал: «Источник, какой бы он ни был, может быть полезен лишь тогда, когда исследователь сам хорошо знает, чего он от него хочет». Это положение можно толковать по-разному. Сегодня есть еще исследователи, отводящие историческим источникам и фактам вспомогательную роль, недооценивающие заложенную в них историей часть объективной действительности и способность играть активную роль в познании. История не будет научной, если она по-прежнему будет рассматриваться только как политика, опрокинутая в прошлое (1).

История – основа, однажды заложенная, связь с которой мы сохраняем. Поэтому важно как можно более тесную, прочную и долговую связь сохранить. Для этого необходимо правильное понимание, толкование исторических документов. Ю. М. Лотман отмечает, что «историк обречен иметь дело с текстами. Между событием «как оно произошло» и историком стоит текст, и это коренным образом меняет научную ситуацию. Текст всегда кем-то и с какой-то целью создан, событие предстает в нем в зашифрованном виде. Историк предстоит прежде всего выступить в роли дешифровщика. Факт для него не исходная точка, а результат трудных усилий. Он сам создает факты, стремясь извлечь из текста внетекстовую реальность, из рассказа о событии – событие» (2). И от того, насколько успешно удастся справиться историку с этой задачей, будет зависеть появление на свет новых фактов или очередных выдумок, легенд и мифов.

В качестве одного из примеров «невольного мифотворчества» служит статья писателя С. Гагарина «Правда и легенды о войне». Автор знакомит нас с событиями 1942 года, которые произошли на северо-западном фронте, а конкретно – с судьбой Второй ударной армии. Известно, что Вторая ударная армия с середины апреля начала наступать в северо-западном направлении для прорыва блокады Ленинграда. Армия была создана в короткие сроки из частей, которые участвовали в обороне Москвы. Они не были укомплектованы. Армия оказалась в катастрофическом положении, немногим ее частям удалось вы-

рваться из глубокого окружения. Генерал-лейтенант А. А. Власов сдался в плен. Уже потом, сотрудничая с немцами, он создал Русскую освободительную армию (РОА). С. Гагарин старается развенчать миф о том, что Вторая ударная армия и РОА – это одно и то же. Такое представление укоренилось в сознании многих. С. Гагарин утверждает, что «никто и никогда официально, в печатных источниках, Вторую ударную предательской, «власовской» армией не называл» (3; 134).

С. Гагарина также волнует вопрос о том, что заставило генерала А. А. Власова сдаться и сотрудничать с немцами. Автор пытается «объяснить психологический перелом в поведении генерала Власова». Он пишет: «Нигде не ставился вопрос о необходимости отделить генерала Власова – героя Московского сражения ... от предателя Власова, которого Военная комиссия Верховного Суда СССР приговорила к смертной казни. Хотя это один и тот же человек, но судить о том и другом Власове надо по-разному...». (3; 134) Действительно, на вопрос, почему Власов согласился сотрудничать с немцами и давать им показания, никто пока не может ответить точно.

Доктор исторических наук В. Кулиш в своей рецензии на статью С. Гагарина делает вывод, что манера, с которой автор подошел к развенчанию данной легенды, в итоге привела его к возникновению новых вопросов и тайн. В. Кулиш считает, что «основываться на опубликованных уже документах и материалах – значит либо повторять бытующие мифы и легенды, либо выдумывать другие, им противоположные. Таким путем процесс мифотворчества не прекратится. Надо вводить в научный, да и литературный оборот новые документы, которые тщательно скрывались, и наряду с ними использовать и ранее опубликованные документы и материалы» (3; 164).

Сложность и трудность написания истории Великой Отечественной войны состоит и в том, что многие документы еще не доступны, и в том, что история эта чрезвычайно многомерна, противоречива, и поэтому бессмысленно устанавливать какие-то пропорции негативного и положительного в ее изображении. История войны не должна также писаться с жестко заданных идеологических позиций. Только при подходе с точки зрения максимально возможной объективности неразрывно существовавшие в жизни негативные и позитивные стороны исторических событий во всей их сложности и противоречивости займут в военной истории свое естественное место(4).

Примечания

1. Проект «Военная литература»: militera.lib.ru.
2. Павлова И. В. Понимание сталинской эпохи и позиция историка // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 3–18.
3. Гагарин С. Правда и легенды о войне (К изучению событий Великой Отечественной войны / Послесловие В. Кулиша // Вопросы литературы. 1989. № 7. С. 133–165.
4. Гареев М.А. О критериях объективности в трудах военных историков // Новая и новейшая история. 1992. № 1.

Е. Руфова, О. Рыжкова, И. Каюкова
(Научный руководитель к. и. н., доцент Р. А. Волкова)
ПГУ

ПРОБЛЕМА ГЕРОИЗМА И ПАТРИОТИЗМА

Идея патриотизма во все времена занимала особое место не только в духовной жизни общества, но и во всех важнейших сферах его деятельности – в идеологии, политике, культуре, экономике, экологии и т. д. В силу этого понимание современного российского патриотизма, сформировавшегося на протяжении многовековой истории русской общественной мысли, является исходной задачей для выяснения его основ.

Содержание и направленность патриотизма определяются, прежде всего духовным и нравственным климатом общества, его историческими корнями, питающими общественную жизнь поколений. Роль и значение патриотизма возрастают на крутых поворотах истории, когда объективные тенденции развития общества сопровождаются повышением напряжения сил его граждан (войны, нашествия, социальные конфликты, революционные потрясения, обострение кризисных явлений, борьба за власть, стихийные и иные бедствия и т.д.). Проявление патриотизма в такие периоды отмечены высокими благородными порывами, особой жертвенностью во имя своего народа, своей Родины, что заставляет говорить о патриотизме как о сложном и, безусловно, неординарном явлении. Период социалистического строительства весьма активно повлиял на развитие национального сознания советского общества, в котором идеологическое, классовое, интернациональное некоторое время формировалось в ущерб традиционным духовным, культурным, историческим ценностям нашего народа.

Патриотизм понимается как одна из наиболее значимых, непреходящих ценностей, присущей всем сферам жизни общества и государства, является важнейшим духовным достоянием личности, характеризует высший уровень ее развития и проявляется в ее активно-

деятельностной самореализации на благо Отечества. Патриотизм олицетворяет любовь к своему Отечеству, сопричастность с его историей, культурой, достижениями, притягательными и неотделимыми в силу своей неповторимости и незаменимости, составляющими духовно-нравственную основу личности, формирующими ее гражданскую позицию и потребность в достойном, самоотверженном, вплоть до самопожертвования служении Родине. Патриотизм представляет собой своего рода фундамент общественного и государственного здания, идеологическую опору его жизнеспособности, одно из первоосновных условий эффективного функционирования всей системы социальных и государственных институтов.

В историческом плане патриотизм является источником духовных и нравственных сил и здоровья общества, его жизнестойкости и силы, которая особенно мощно и неудержимо проявляется на переломных этапах развития, во время больших, исторически значимых событий, в годы таких трудных испытаний, как, например, Великая Отечественная война.

Формирование истинного патриотизма связано с высшим уровнем развития личности, особенно в социально-духовном и нравственном плане. На этом уровне развития личность идентифицирует себя с Родиной, Отечеством. Ее «Я» становится частицей, неразрывно связанной со множеством других «Я» социума, что в реальной действительности и конкретной деятельности проявляется в единении их чувств, ценностей, взглядов, норм, идеалов, целей, действий и поступков, и интегрирующим моментом которого выступают высшие интересы общества, активная реализация идеи служения Отечеству.

Истинный патриотизм предполагает формирование и длительное развитие целого комплекса положительных, реально проявляемых качеств личности. Стержнем этого развития являются духовно-нравственный и историко-культурный компоненты. Истинный патриотизм выступает в единстве глубочайшего духовного освоения истории и культуры своего народа и активно-деятельностного участия в решении важнейших проблем современного общества. Он представляет собой единство духовности, гражданственности и социальной активности личности, осознающей свою нераздельность, неразрывность с Отечеством, социальную роль и значимость деятельности в интересах его возрождения и надежной защиты и испытывающей потребность дальнейшего развития посредством участия в явлениях и процессах, происходящих в обществе, государстве.

Сформировавшийся в новых исторических условиях патриотизм в наибольшей мере показал свою жизненность и силу в годы Великой Отечественной войны. Именно в этот период тяжелейших за всю историю нашей Родины испытаний вся страна поднялась на защиту Отечества. И не было ничего выше и дороже этого поистине святого понятия, которое вдохновляло многих людей на преодоление любых испытаний, жертв и лишений во имя спасения родной земли. Невиданная стойкость и мужество советских воинов, массовый героизм на фронте и в тылу, огромное стремление наших людей отдать все, даже свою жизнь, во имя Победы, позволили поднять представление о патриотизме советского народа на недостижимую высоту.

История знает немало примеров героической преданности русского народа своей Родине. Советские люди всех поколений и национальностей, не дожидаясь мобилизации, требовали направления их в действующую армию, вступали в народное ополчение, истребительные батальоны, партизанские отряды. Нередко заявления с просьбой об отправке на фронт добровольцами подавали целые трудовые коллективы, цехи, бригады, учреждения.

В ходе Великой Отечественной войны, когда решался вопрос о судьбе нашего Отечества, армия и народ проявили истинный, небывалый по силе патриотизм, который явился основой духовно-нравственного превосходства над непобедимым доселе врагом. Этот исторический факт свидетельствует о том, что форма власти, общественная система не в состоянии оказать решающего воздействия на высшие духовные ценности народа в годы больших испытаний. При определенных исторических условиях происходит очищение, обновление и проявление этих ценностей в интересах всего Отечества, как «малой», так и «большой» Родины во имя всей России. Тысячи патриотов стремились попасть на фронт, нередко целыми семьями. Так, в первые же дни войны летчик-истребитель младший лейтенант Виктор Гарам обратился с просьбой о формировании авиационного звена в составе еще трех своих братьев: Михаила, Николая, Павла. Звено было создано и в воздушных боях сбило 40 фашистских самолетов.

Патриотизм всегда рассматривался как символ мужества, доблести и героизма, силы русского народа, как необходимое условие единства, величия и могущества Российского государства. В первые дни войны в один из военкоматов обратилась Ираида Николаевна Тимофеева: «Хочу пойти на фронт, так как Родина в опасности». Ей ответили, что у нее дети, а муж на фронте. Она сказала: «Мы пойдём на фронт все втроем – я и две мои девочки». И они втроем пошли на

фронт. Младшей, Маргарите, в сорок четвертом исполнилось семнадцать лет.

Пламенный патриотизм и жгучую ненависть к врагам проявила в военное лихолетье многонациональная советская молодежь, в том числе старшеклассники и студенты. Военные комиссариаты в Москве и Ленинграде, Воронеже и Чите, Ташкенте и Баку буквально осаждали тысячи комсомольцев, стремившихся попасть в действующую армию. К осени 1941 года из комсомольских организаций страны добровольцами ушли в Советскую Армию 900 тысяч юношей и девушек. Это о них потом благодарный народ сложил песню, где есть слова: «Мальчишки, мальчишки, страну заслонили собой!».

Но, к сожалению, в современное время практически не приходится говорить о патриотизме, а если это слово и упоминается, то только в отрицательном плане. Два-три поколения выросли в атмосфере ориентации на западный образ жизни без учета ментальности народа, что оказало большое влияние на формирование понятия патриотизма у современной молодежи. В настоящее время слишком силен стереотип того, что родина нам должна что-то дать. Мы, вольно или невольно, всегда внутри себя. Каждый из нас старается отвечать только сам за себя. Если в военное время человек воспринимал себя частью государства и делал все для государства, то сейчас, наоборот, среди многих людей бытует мнение, что государство должно делать что-то для человека.

Трудно сегодня говорить о патриотизме, особенно молодежном, потому что само это чувство, чувство некоего пафоса так или иначе подразумевает общность. А у нас в данный момент, наоборот, чувствуется глубокая разобщенность молодых людей и по интересам, и по экономическим факторам. Потому что на самом деле мы, несмотря на то, что принадлежим к одному поколению, вращаемся в разных кругах, читаем разные книги, по-разному мыслим. И поэтому очень тяжело оценивать молодежный патриотизм как некую общую тенденцию. Анализ современного общественного сознания показывает, что патриотизм в современных условиях претерпевает серьезные изменения. В частности это происходит из-за раскола идеи Родины на разные, порой противоположные образы, потому что каждая политическая партия устами своих лидеров стремится доказать, что именно ее модель общества, его прошлого, настоящего и будущего, ее понимание патриотизма соответствуют "истинной" любви к Родине, а стало быть, именно она является подлинным "другом" Отечества, в то время как другие политические партии – носители "ложной" любви к Родине,

мнимые "друзья" Отечества. И таким образом, в наше время патриотизм превращается в предмет политической борьбы.

Приходится сожалеть о том, что в наше время понимание патриотизма настолько изменилось, что является практически противоположным патриотизму того времени. Ведь наши прабабушки и прадедушки, благодаря своей отваге и любви к Родине, шли в бой шестьдесят лет назад для того, чтобы сегодня мы жили беззаботно и счастливо, чтобы для нас состоялось это «завтра», о котором они мечтали. Завтра, где будет сиять солнце, и где люди ни за что не узнают, что такое война.

*Е. Голодяевская
(Научный руководитель к. филос. н., доцент Л.Я. Плешакова)
Многопрофильная гимназия при ПГПУ*

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ЕЕ УЧАСТНИКА

С каждым годом война отдаляется от нас во времени. Для новых поколений, она – уже история, описанная в литературе, показанная в фильмах, проанализированная в научных трудах. Но в них война представлена в чьей-то авторской интерпретации.

Вторая мировая война явилась событием всемирно-исторического значения. Такой жестокой и кровопролитной войны, какую перенес Советский Союз, не знала мировая история. Война унесла более 20 миллионов жизней советских людей, значительная часть из них – гражданское население, погибшее в гитлеровских лагерях смерти, от фашистских репрессий, болезней, от налетов вражеской авиации. Несмотря на столь высокие потери, вера в победу и любовь к Родине служили источником мужества, отваги и стойкости русской армии. Советский народ выдержал суровое испытание войны и довел его до победного конца. Победа была завоевана дорогой ценой. Русские люди шли на фронт, не боясь ни голода, ни болезней, а самое главное – смерти.

И в настоящее время сердца миллионов русских людей скорбят по тем, кто отдал свою жизнь за свободу и независимость Родины, за светлое будущее всего человечества.

С каждым годом становится все меньше живых участников этих событий, поэтому их свидетельства особенно ценны. У нас остаются личные вещи участников войны, медали, письма. Они действительно святые. Много теряется, реликвии исчезают, поэтому нам нужно до-

рожить и беречь то, что у нас осталось со времен Великой Отечественной войны.

В связи с подготовкой к 60-летию Великой Отечественной войны молодежь навещает ветеранов войны и фиксирует воспоминания участников о войне. Пройдет совсем немного времени, и их уже не будет, а кто нам тогда скажет правду о войне? Нам очень ценны воспоминания самих ветеранов войны, т.к. они являются непосредственными участниками тех тяжелых событий.

Я хочу рассказать о письмах с фронта, хранящихся в моей семье. Эти письма присланы Александром Петровичем Голодяевским в 1942–1943 годах с Западного фронта. Открытки с таким содержанием: «Привет, Сынок! Целую тебя крепко, а также поцелуй Мамку и Мишу! Посылаю открытку на память в годы, когда все человечество занято мыслью об убийствах.

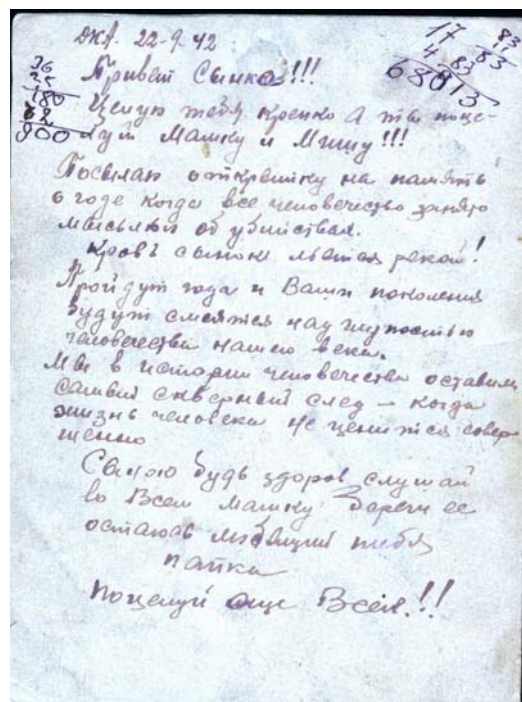
Кровь, сынок, льется рекой!

Пройдут годы, и Ваше поколение будет смеяться над глупостью человечества нашего века. Мы в истории человечества оставим самый скверный след, когда жизнь человека не ценится совершенно.

Сынок, будь здоров, слушай во всем Мамку!»

Нужно отметить, что автор не пишет о себе, в строках он обращается к будущему, он задумывается о том, что достанется будущему поколению.

Жизнь, как самая главная человеческая ценность, потеряла смысл, она становится хрупкой и ненадежной. Они переступили через порог ценности человеческой жизни. Когда погибает один человек – это трагедия, но война сталкивается с массовой смертностью, и это становится абстрактной статистикой. Такое отношение разрушает души людей. Смерть для солдата стала привычной, она уже не пугает, но она заставляет задуматься о жизни, направленной в будущее. Люди этого поколения торопятся успеть сообщить в своих письмах самое главное в нескольких словах, строчках. Это характеристика духовного уровня того поколения. Они торопятся передать свой опыт, чтобы будущее поколение не разрушило жизнь раньше, чем выполнило свое предназначение, чтобы

будущее поколение не совершило тех ошибок, которые совершили они. Ведь смерть их преследовала на каждом шагу. Даже люди, не знающие философию, доходят до глубоких обобщений, выходя на уровень философского понимания войны.

Войну с ее разрушениями, трагедиями и болью Александр Петрович называет глупостью. Эта мысль перекликается с мыслью великого европейского гуманиста Эразма Роттердамского, который в XVI веке убеждал людей в том, что все проблемы можно решить мирно, путем взаимных компромиссов. Фанатизм, в какой бы форме он не проявлялся: национальной, религиозной, – враждебен разуму.

Для современного человека эти рассуждения могут показаться странными. Не имея четких нравственных ориентиров, значительная часть современной молодежи вынуждена довольствоваться лозунгами, пропагандируемыми с экранов телевидения.

Патриотизм в годы войны выражается в защите своего Отечества. Что означало для этих людей слово «Отечество»? Во-первых, это жены, дети, которых они защищали, а во-вторых, это Родина: своя земля, образ жизни, представления о счастье. Все это укладывается в представлении об Отечестве.

Истина о войне для современного поколения открывается в свидетельствах её участников. Обращение к истокам укрепляет связь поколений. Участники войны обращаются не только к своим детям, но и к нам, поэтому связь времен еще не порвалась. Пока есть люди, способные воспринять идеи отцов, их опыт, почувствовать их боль за Родину, у России есть будущее.

Э. Тугарова
(Научный руководитель к. филос. н. доцент Т. И. Лаврёнова)
Многопрофильная гимназия при ПГПУ

ВОЙНА В СУДЬБЕ ЖЕНЩИНЫ

Широко распространено мнение, что война стала для большинства людей переломом в судьбе и особую роль она сыграла в судьбе женщины. Война и мир – это борьба зла с добром. В книге С. С. Бате-

нина «Человек в его истории» (Л., 1976.) я прочитала: «В истории общества... менялось общее представление о добре и зле» (с. 176.).

Война лишила многих женщин шанса обрести семейное счастье. Но были и такие, которые наперекор злой судьбе обрели его.

Мне довелось встретиться с одной из таких женщин. Ирина Константиновна была 16-летней девушкой, когда началась блокада Ленинграда. Она и ее семья – мама и брат (отца у нее репрессировали и он погиб) – в блокадную зиму 1941–1942 гг. жили в Ленинграде. Тогда почти никто не верил, что выживет. Слои льда на стенах, холод, голод, смерть друзей и знакомых – все это навсегда осталось в ее памяти. Ирина Константиновна рассказала мне, что надолго оставаясь дома одна, она боялась, что сходит с ума от происходящего вокруг и проверяла себя решением задач по геометрии.

Когда в конце блокадной зимы ее семью вывезли через Ладогу из города, случилось событие, которое Ирина Константиновна никогда не забудет. Блокадники были очень слабы, и многие умирали в пути, их тела выбрасывали из поезда на ходу. Это было очень страшно. В дороге мама Ирины Константиновны закрыла глаза. Дети подумали, что она уснула, но подошли наблюдающие и стали ее будить. Женщина не открывала глаз. Тогда ее взяли и начали выносить из вагона. Младший брат Ирины Константиновны закричал: «Мама, мама!» Женщина открыла глаза и ее положили на место. Правильно говорят: «Пушки будут стрелять – мать не услышит, но голос ребенка она услышит всегда».

В конце января 1944 года блокада Ленинграда была снята и Ирина Константиновна с семьей вернулась в город. Она поступила учиться в университет. Вскоре после начала занятий, придя на лекцию, она увидела слепого молодого человека. Она не знала, кто он, и не решилась подойти. Сев за стол, Ирина Константиновна ждала начала лекции. Случилось так, что этот молодой человек из всей огромной аудитории выбрал место рядом с ней. В этот момент ей подумалось, что это ее будущий муж. Разговорившись, Ирина Константиновна узнала, что его зовут Сергей и он ослеп на войне, а сейчас ищет свой путь в жизни. Узнала она и то, что этот парень хочет отчисляться из университета, т. к. не может писать и читать, а помочь ему некому. К тому же оказалось, что у Сергея сгорели все его документы на войне, и он не может их восстановить.

Ирина Константиновна решила помочь. Она ходила с Сергеем по разным организациям и учреждениям, восстанавливала его докумен-

ты. Начала помогать ему с учебой в университете. Через две недели после знакомства они поженились.

У них родились два сына, есть внуки. До сих пор, достигнув 80-летнего возраста, Ирина Константиновна и Сергей Степанович (а именно он – автор вышеназванной книги) живут вместе в Санкт-Петербурге. Они стали и остаются счастливыми, преодолев все зло войны.

Кто-то может подумать, что судьбе этой конкретной женщины война дала шанс. Не соглашусь с этим. Война может дать шанс не добру, а только злу. Чем же стала война в судьбе Ирины Константиновны? Для ответа на этот вопрос еще раз обращаюсь к книге ее мужа: «Человек свободен потому, что несет ответственность перед собой, своей жизнью, перед обществом, обеспечивающим ему эту жизнь!» (с. 115.).

*Н. Комратова, О. Субботина, В. Кузнецов
(Научный руководитель к. филос. н, доцент Л. Н. Мешкова)
ПГПУ им. В.Г. Белинского*

ПРОБЛЕМА ВОСТРЕБОВАННОСТИ МОЛОДЕЖЬЮ ТЕМЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Мы запутались. Мы потеряли себя. Куда идти? Кто мы? Кто герои нашего времени? На кого равняться? Вот те вопросы, которые должны тревожить современное общество, и особенно молодежь, от которой зависит наша судьба и будущее России. Ни для кого не секрет, что у нынешнего поколения совершенно иные взгляды, ценности, интересы и, конечно же, герои! Понятие героизма координально изменилось.

Нынешние герои не кидаются на вражеские амбразуры, не совершают трудовых подвигов. Постоянно культивируется лишь одна национальная идея – все продается и покупается. Эта идея достаточно очевидна и распространена повсеместно (во всех сферах общественной жизни), но наиболее ярко она прослеживается в фильмах. Не может не ужасать то, что культовыми фильмами у нас в стране стали такие, как «Брат», «Бригада», «Бумер» и им подобные, а такие киноленты, как «Семнадцать мгновений весны», «А зори здесь тихие», «В бой идут одни старики» и многие другие фильмы о Великой Отечественной войне незаметно ушли на второй план. Может быть, именно поэтому современная молодежь знает намного больше о преступном сообществе, его образе жизни, нравах, чем о том, как наши предки, отцы, деды и прадеды отстаивали право на нашу жизнь и свободу. Великая Отече-

ственная война не прошла бесследно и оставила в сердцах и душах людей старшего поколения глубокую, незаживающую рану. Величайшее горе не обошло стороной ни одну семью. Наши родители с уважением относятся к погибшим, к победе, а нынешняя молодежь – зачастую с безразличием и неприкрытым равнодушием. И именно поэтому мы решили выявить интерес молодежи к памяти о войне на примере ее отношения к фильмам о Второй мировой войне (самого массового и доступного вида искусства).

Мы провели исследование среди студентов и преподавателей Пензенского государственного педагогического университета, факультета социологии и социальной работы. Было опрошено 100 человек. Выявлены следующие основные тенденции. Оказалось, что среди опрошенных 40 % вообще не смотрят фильмы о войне, мотивируя это тем, что они чрезмерно жестоки, они считают их скучными, неинтересными и не несущими никакой полезной информации. Всего лишь 50 % респондентов интересуются темой Великой Отечественной войны в кино: 20 % - считают такие фильмы интересными, 15 % - нравится тема войны, 10 % - интересуются историей своей страны, а 5 % - нравятся батальные сцены. Так же следует заметить, что 10 % опрошенных смотрели фильмы о войне из-за того, что больше нечего было смотреть. На вопрос анкеты, «Какие фильмы о войне вы предпочитаете» ответы были следующие: 65 % - смотрят фильмы западного производства, 49 % предпочитают современные российские, и лишь 41 % – советские фильмы (можно было выбрать несколько вариантов). Представляет интерес то, что большинство опрошенных отдают предпочтение западным фильмам, в которых преднамеренно принижается роль советского народа в победе над фашизмом. Может быть, именно поэтому у многих представителей современной молодежи сложилось неправильное, искаженное представление о реальных событиях в ходе Второй мировой войны. Кроме того, эти фильмы вызывают более сильные эмоции, впечатления и переживания, нежели советские фильмы. В целом киноленты о войне инициируют следующие чувства: гордость за наш народ, восхищение мужеством русских солдат, патриотизм, страх перед тем, что такое может повториться вновь, сопереживание. Недоумение вызывает лишь то, что чувство благодарности за тот подвиг, совершенный во имя спасения нашей жизни, высказало всего лишь несколько человек. При ответе на вопрос, «Какие фильмы на ваш взгляд более достоверно рассказывают о войне?» большинство сошлось на мнении, что это советские фильмы (43%), лиц, ответивших западные – 30%, современные российские – 27%. Интересно, что мно-

гие из тех, кто предпочитает западные фильмы, отдали предпочтение при ответе на этот вопрос именно советским кинолентам (40%), а несколько человек отметили документальные фильмы. Опрашиваемым также предлагалось вспомнить или указать, какие фильмы о войне российского, западного и советского производства они смотрели в последнее время. Результаты следующие: из множества советских фильмов были упомянуты лишь несколько, в том числе «А зори здесь тихие» – 11 человек, «В бой идут одни старики» – 15 человек, «Семнадцать мгновений весны» – 17 человек. Наиболее часто респонденты отвечали «не помню». Что касается российских фильмов, то наиболее часто указывались такие, как: «Звезда» – 31 человек, «В августе 44-ого» – 14 человек, «Штрафбат» – 28 человек и т.д. (Закрытый вопрос). На аналогичный вопрос, касающийся фильмов западного производства: «Пирл Харбор» – 44 человека, «Спасти рядового Райена» – 32 человека и т. д.

Итак, проанализировав данные, полученные в ходе исследования, мы пришли к выводу, что, как ни печально это осознавать, наше поколение без должного уважения относится к истории России, к ее великому прошлому. Следует еще раз заметить, что опрос проводился среди студентов педагогического университета, в возрасте 19-21 года, то есть учащихся 2-3 курсов. Это взрослые люди, определившие со своей будущей специальностью, будущая интеллигенция. Так чего же ждать от студентов профессиональных училищ и техникумов, школьников. Согласитесь, это не добавляет оптимизма! Вызывает удивление, что в стране, понесшей наиболее ощутимые потери в ходе войны, широкое распространение среди молодежи получило такое явление, как национализм.

Вместо того чтобы ценить наше героическое прошлое и стремиться к сохранению культурной самобытности, нам навязывают искусственно созданные и чуждые нам ценности. Мы считаем, что в условиях увеличения влияния средств массовой информации на людей именно фильмы о войне должны взять на себя частичную роль по воспитанию в подрастающем поколении патриотизма, забытого в настоящее время и так необходимого для консолидации современного российского общества. Налицо необходимость заняться этой проблемой, пока ситуация не стала критической. И в этом должна состоять первооснова политики государства и общественных организаций, что, к сожалению не наблюдается. Но и мы не должны оставаться в стороне, ведь спасение утопающих – дело рук самих утопающих! Мы так же должны взять на себя ответственность за воспитание в подрастаю-

щем поколении патриотических чувств, привития им уважения к героям войны и памяти о них. Немаловажным представляется ограждение детей от той лавины деструктивной информации, которая присутствует в настоящее время на телевидении. Все это необходимо, в первую очередь, для того, что бы ужас войны никогда больше не повторился, и наши дети узнавали о войне только из рассказов ветеранов, из книг и кинофильмов!

А. Комплеев
(Научный руководитель к. и. н., доцент В. А. Ещин
ПГПУ им. В.Г. Белинского)

НЕМЕЦКАЯ МЕТОДИКА ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ВОЗДУШНЫХ ПОБЕД: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

С начала 90-х годов XX века на страницах многочисленных периодических изданий идет дискуссия о достоверности «астрономических» списков воздушных побед, одержанных асами Люфтваффе в годы Второй мировой войны. Оценки современных исследователей трехзначных боевых счетов лучших немецких асов колеблются от полного их неприятия до признания их абсолютно достоверными.

Вопрос о воздушных победах и их зачете очень сложен и запутан. На него влияет ряд объективных и субъективных факторов. В ходе скоротечного воздушного боя летчик не всегда способен адекватно оценить повреждения, нанесенные атакованному самолету противника и его дальнейшую судьбу, на это зачастую просто нет времени. Это одна из причин, по которой заявленное число воздушных побед почти всегда превышало реальные потери противника.

Количество сбитых самолетов противника было одной из главных составляющих характеристики летчика-истребителя. Эти данные оказывали прямое влияние на получение наград, внеочередных воинских званий, повышений по службе. Так было практически во всех военно-воздушных силах стран-участниц Второй мировой войны (за исключением Японии). Естественно, что у некоторых пилотов появлялся соблазн приписать себе какое-то количество воздушных побед, чтобы получить орден или очередную звездочку.

В этих условиях решающее влияние на достоверность данных о потерях противника в воздушных боях оказывают методики подтверждения побед, принятые в ВВС воюющих стран. А они в разных странах сильно отличались друг от друга.

Сторонники полной правдивости немецкой статистики ссылаются именно на систему зачета воздушных побед, принятую в Люфтваффе, называя ее самой строгой в мире. Вот мнение известного британского историка авиации Майка Спика: «...хотя преувеличение на войне всегда имело место, послужные списки германских летчиков-истребителей все же заслуживали доверия, так как данные, представляемые пилотами, подвергались тщательной проверке, прежде чем выносилось подтверждение их победам» (1).

Еще более категоричен отечественный историк, автор ряда книг об асах Второй мировой войны, М. В. Зефиров: «Система официального признания воздушных побед, действовавшая в Люфтваффе с истинно немецкой пунктуальностью, практически полностью исключала возможность каких-либо «приписок», или «двойного» зачета сбитых самолетов» (2).

Так в чем же все-таки заключалась немецкая методика подтверждения сбития самолетов противника, и была ли она гарантией от приписок и непреднамеренных ошибок?

Для того чтобы пополнять свой боевой счет, немецкому летчику-истребителю предстояло потрудиться не только в воздухе, но и на земле. После боевого вылета летчик, претендовавший на победу, должен был при помощи печатной машинки (только так) заполнить особую анкету (Abschussmeldung – «сообщение о победе»). Эта анкета представляла собой формуляр, включавший 21 вопрос.

Вот на какие вопросы должен был ответить заявивший о воздушной победе пилот Люфтваффе:

1. Дата, время, место, высота;
2. Фамилия и звание пилота претендующего на победу;
3. Тип сбитого самолета;
4. Его государственная принадлежность;
5. Повреждения, полученные сбитым самолетом;
6. по какую сторону фронта упал самолет;
7. Судьба его пилота (в 5-7 пунктах были уже заготовлены варианты ответов, необходимо было лишь подчеркнуть нужный);
8. Указывалось, что к анкете прилагается рапорт о проведенном воздушном бое;
9. Свидетели: а) в воздухе; б) на земле;
10. Количество выполненных атак;
11. направление атаки;
12. Дистанция, с которой велся огонь;
13. Тактическая позиция;
14. участвовали ли в поражении данного самолета другие летчики;
15. Используемые боеприпасы;
16. Расход боеприпасов;
17. Тип и число бортового оружия;
18. Тип собственного самолета, с указанием модификации;
19. Другие тактические или технические замечания;
20. повреждения собственной машины;
21. Участвовала ли в поражении самолета зенитная артиллерия (3).

Кроме того, летчик был обязан предоставить рапорт о проведенном воздушном бое и одержанной победе (Gefechtsbericht – «рапорт о бое»). В нем обязательно указывалось время вылета на боевое задание, его цель и время посадки, описание боя и обстоятельства, при которых был сбит самолет противника. Документ составлялся в произвольной форме.

Анкета и рапорт рассматривались в вышестоящем штабе, который и выносил решение о том, будет ли эта победа официально засчитана или нет. Причем главное внимание уделялось анкете, рапорт на практике оказывался лишь формальным приложением, на которое штабисты практически не обращали внимания.

Основным, естественно, был 9-й пункт анкеты, в котором указывались свидетели воздушной победы. Для подтверждения того, что самолет противника был сбит, достаточным считалось наличие всего одного свидетеля в воздухе или на земле. Если свидетеля не было, то победа, даже в том случае, когда была одержана, не засчитывалась в актив летчика.

Наиболее достоверным подтверждением воздушной победы, конечно, являются обломки сбитого самолета. Поэтому естественно, что наибольшее доверие вызывает свидетельство человека видевшего обломки сбитого самолета на земле, т. е. «свидетеля на земле». Конечно, такое подтверждение было возможно получить только в том случае, если сбитый самолет упал на подконтрольной территории.

«Свидетель в воздухе» – т. е. летчик, товарищ по эскадрилье, который вел бой вместе с претендентом на победу, был лицом, безусловно, заинтересованным. И найти свидетеля мнимой или реальной победы было не сложно: сегодня ты подтверждаешь сбитый самолет мне, завтра – я тебе.

Но в практике фиксирования воздушных побед в Люфтваффе значение «свидетеля на земле» и «свидетеля в воздухе» было абсолютно равным. Причем даже если немецкие летчики-истребители вели бой по свою сторону фронта, подтверждение о падении самолета противника с земли не требовалось, достаточным считалось лишь наличие «свидетеля в воздухе». Сейчас опубликовано и размещено в Интернете значительное количество фотокопий немецких анкет (Abschussmeldung) (4). Автору удалось найти и ознакомиться примерно с десятком таких документов. Во всех этих анкетах 9-й пункт содержал лишь фамилию летчика – «свидетеля в воздухе», подпункт «свидетель на земле» во всех анкетах остался незаполненным, хотя в большинст-

ве случаев бой происходил над «своей» (занятой немцами) территорией.

Приведенные выше данные позволяют с уверенностью сказать, что немецкая методика подтверждения воздушных побед не была абсолютно безгрешной. Наоборот, она оставляла нечестным летчикам массу лазеек для приписок, а честным – добросовестно заблуждаться. И это при том, что даже уличенные в приписках летчики не несли практически никакого наказания. В августе 1942 года на фронте в Северной Африке 4 немецких пилота (они составляли одно звено и всегда летали вместе) из 27-й истребительной эскадры (JG 27) меньше чем за месяц «сбили» 65 самолетов противника (5). Эти «победы» были им официально засчитаны с полным соблюдением всех выше описанных бюрократических процедур. Однако вскоре открылось, как им удалось добиться столь высокой результативности: летчики этого звена просто расстреливали свой боезапас в песок, а затем заявляли и подтверждали друг другу «воздушные победы». Но самое интересное началось, когда эта афера была вскрыта. Ни один из них не пошел под трибунал за такой «героизм» и не лишился незаслуженных наград. Горе «асы» были лишь разбросаны по разным подразделениям без всяких дисциплинарных взысканий и служебных понижений, как будто ничего и не произошло. А липовые «победы» так и остались зафиксированными на их личных счетах и в общей статистике Люфтваффе.

Очевидно, что несовершенство правил и безнаказанность при их нарушении вместе рожают злоупотребления и подтасовки. Приведенные факты наглядно показывают насколько осторожно нужно относиться к немецкой «бухгалтерии воздушного боя» Второй мировой войны.

Примечания

1. Спик М. Асы Люфтваффе. – Смоленск, 1999. С. 34-35.
2. Зефилов М.В. Асы Люфтваффе. Дневная истребительная авиация. – Н. Новгород, 2000. С. 6.
3. <http://members.aol.com/dheitm8612/claims.htm>.
4. Мухин Ю.И. Асы и пропаганда. Дутые победы Люфтваффе. – М., 2004. с. 98; Военные летчики: Асы второй мировой войны. – Минск, 1997; <http://members.aol.com/dheitm8612.htm>
5. Зефилов М.В. Указ. соч. С. 221.

II. Социально-философские проблемы войны и насилия

М. Улога

(Научный руководитель к. филос. н., доцент Л. Я. Плешакова)

(ПГПУ им. В.Г. Белинского)

ВОЙНА КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

История показывает, что войны – это неотъемлемый элемент существования человечества. Они пронизывают насквозь всю историю, будь то Троянская война, походы А. Македонского, Пунические войны, Крестовые походы, нашествие татаро-монголов, походы Тамерлана, Северная война, Война за независимость США, Гражданская война в США, наполеоновские войны, Русско-Турецкая война, Англо-Бурская война на юге Африки. Один только XX век изобилует войнами: Русско-японская война, Первая мировая война, Гражданская война в Испании, Вторая мировая война, войны на Ближнем Востоке, войны во Вьетнаме, Корее, Лаосе, Афганистане, Чеченская война. Новый век начался с войны в Ираке, сохраняется напряженность на Ближнем Востоке. И это далеко не весь список.

С возникновением частной собственности, формированием государства и появлением политики как особого вида деятельности война обрела общественно-политическое содержание, вызвала к жизни социальные институты (например, армия) и приобрела развитые формы.

С древнейших времен мыслители стремились понять природу этого явления. Например, у арабских мыслителей военное насилие понимается как «хирургическое лечение» больных органов общества и государства, оно стоит на третьем месте после профилактики и традиционного «лечения». Древнекитайский теоретик и полководец Суньцзы рассматривал войну как явление, связанное со многими факторами в поведении не только армии и полководца, но и государства, правителя и народа. Он придавал войне характер рационального воздействия на противоположную сторону не с тем, чтобы ее уничтожить, а с целью подчинения и включения государства противника в состав своих сил (5).

Просветители считали, что война «есть зло самопроизвольное и соединение всех зол на свете» (В. Ф. Малиновский, начало XIX века) (5;291). Они оценивали войну как абсурд, как величайшую и бессмысленную трагедию, как явление в принципе недопустимое. «Войны не

соответствуют ни человеколюбию, ни просвещению”, – писал Малиновский.

Его современник – признанный классик мировой военной науки, активный участник наполеоновских войн – генерал Карл фон Клаузевиц определил войну как «акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» (2;35). Он рассматривал войну как политический акт, считая, что она всегда вытекает из политического положения и вызывается лишь политическими мотивами. Тем самым, насилие – это средство для достижения политических целей, а «война есть серьезное средство для достижения серьезной цели», по замечанию Клаузевица (2; 54). Этим он пытается пояснить, что война не может рассматриваться как явление отвлеченное, как физическое насилие в чистом виде. Она подчинена политике. Политика – это «разумная воля», руководящая войной, задающая ей направление. «Война есть только продолжение политики другими средствами» (2; 56).

Мыслитель рубежа XIX-XX веков М. Ревон считал войну объективным естественно-историческим явлением. Он писал: «Война как мировой закон проявляется всюду, тысячами мощных столкновений разнузданных стихий, вечных агоний всего живого, борьбою добра и зла – закон необходимости и неизбежности» (5; 295).

В социологии под войной понимается силовой вооруженный, конфликт между государствами или народами (1). Политология же определяет войну как общественно-политическое явление, представляющее собой борьбу государств, наций (народов) средствами вооруженного насилия (4). Мы видим схожесть этих определений, если учесть, что одной из особенностей конфликта является жесткое ведение борьбы. Оба они подразумевают также возможность ведения борьбы помимо вооруженного насилия и другими средствами, такими как экономическая, дипломатическая, информационная борьба и т. д.

В наше время в осмыслении войны как социально-политического явления появились новые проблемы, что связано с появлением оружия массового поражения, с процессом глобализации, с новыми масштабами войны, которых человечество не знало до XX века.

Важной проблемой является вопрос о последствиях войн. Одни видели войну как явление, ведущее за собой только отрицательные итоги. Другие рассуждали о прогрессивности войн и их очистительном влиянии на нацию. Война, как нам представляется, несет в себе как положительные, так и отрицательные стороны. «Исход войны никогда не представляет собой чего-то абсолютного», – писал К. Клаузевиц (2; 43). М. Ревон привел доводы в пользу войны и доводы против войны:

«Мир приводит к изобилию, рождает чувственность, избалованность, за нею – лень, распущенность, изнеженность. Богатство, наслаждения и нравственная плоскость идут рука об руку» (5; 295-296). В связи с этим он рассматривает войну как спасительное бедствие. Но благо войны он видит не в самой нравственности, а в том, что «именно посредством войны право является в мире». Путем войны создаются государства. Ни одна нация не сложилась без войны. Источник собственности, по его мнению, также лежит в «праве сильного». Таким образом, создавая право, война приводит к порядку. «Короче говоря, война есть маг всего сущего: религий, поэзии, героизма, общественного строя и самого мира» (5; 296).

С другой стороны, Ревон видит бессмысленность войны в том, что она «натравливает отдельные существа друг на друга,... оскорбляет обыденный здравый смысл и религиозное чувство, чувство прекрасного и нравственность, нарушает все, что есть прекрасного и благого» (5; 296).

Чтобы примерить столкновение этих доводов Ревон предложил «поставить вещи на их надлежащее место посредством истории» (5; 297). Он полагал, что война была сравнительно благотворной лишь до определенного времени, когда она водворила порядок вместо первобытного хаоса, авторитетность власти взамен анархии, дисциплину взамен вечных столкновений. Но, в этом с ним можно не согласиться.

XX век показал функциональность войны. Вторая мировая война породила новый мировой порядок. В 1945 году была создана Организация Объединенных Наций, которая получила статус международного суда. Она призвана «избавить грядущие поколения от бедствий войны... и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин, и в равенство прав больших и малых наций, и создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права, и содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе» (6).

Кроме того войны в XX веке способствовали техническому прогрессу. Разрабатываемые для военных целей технологии со временем частично переходят в мирную жизнь. Пример тому – авиационные технологии, технологии автомобилестроения, Интернет и т. д.

Таким образом, война выступает в определенной степени как двигатель прогресса. Но с другой стороны, встает вопрос, какой ценой осуществляется этот прогресс? «Разумный человек, рискуя, должен

убедиться, что то, ради чего он рискует, предпочтительнее того, чем он рискует», – говорили арабские мудрецы (5; 289). Войны уносят множество человеческих жизней: Вторая мировая война унесла более 50 миллионов жизней – это наибольший ущерб, нанесенный человечеством самому себе. Помимо того, война – это огромные издержки: разрушения, которые после войны необходимо восстановить, затраты на развитие техники и технологий, которые могли бы развиваться с меньшими затратами по мере надобности в мирной жизни, в конце концов, это затраты собственно на ведение войны.

На современном этапе война приобрела новое значение. Новая мировая война опасна мировой катастрофой, что порождает стремление западных политологов обосновывать ведение локальных войн, региональных управляемых конфликтов. Но это не снимает угрозы ракетно-ядерной войны, так как почти каждый конфликт в современных условиях затрагивает интересы и силы глобального характера.

Свой взгляд на современную ситуацию предложил французский политолог Р. Арон. Он ввел термин «символическое насилие», который означает «моральное насилие посредством символов (культуры) и, в частности, посредством символов физического насилия без реального применения оногo» (5; 309). По его мнению, мировой порядок основан на неравновесии, неравноправии и насилии физическом и символическом. Именно «символическое насилие» в условиях ядерного века приобретает особое значение, так как стираются различия между миром и войной, политикой и стратегией. «Холодная война» и мир, по мнению Арона, – это лишь разновидности не-войны, различающиеся степенью насильственности.

Таким образом, на основе анализа работы Клаузевица можно построить логическую цепь: политическая цель – война (как средство) – противник лишен способности сопротивляться – политические силы противника вынуждены подчиниться. Сейчас же, в условиях опасности мировой катастрофы, часто действует и наиболее предпочтительная иная схема: политическая цель – переговоры – достижение компромисса.

Итак, идеальная цель человечества в отношении войны – это жизнь без войны. Но пока общество делится на классы, группы, нации и т. д., которые стремятся к превосходству над другими, к защите своих интересов эта цель недостижима. Сейчас перед обществом стоит задача выработки механизмов сопротивления насилию: повышение уровня образования и культуры, воспитание критически мыслящих личностей – против «символического насилия»; механизм переговоров

– против физического насилия; правовой механизм – против всех форм насилия.

Примечания

1. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. М.: Вече–Аст, 1999.
2. Клаузевиц К. О войне: Пер. с нем. – М.: Логос; Наука, 1997.
3. Питт Б. Вторая мировая война – ретроспективный взгляд // От «Барбароссы» до «Терминала»: Взгляд с Запада / Сост. Ю.И. Логинов: Перевод. – М.: Политиздат, 1988. С. 450-461.
4. Политологическая энциклопедия. М.: Мысль, 1999.
5. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учебное пособие для студентов вузов / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1999. С. 286-313.
6. Устав Организации Объединенных Наций.

Е. Мокшанцева
(Научный руководитель к. филос. н., доцент Е. Н. Синёв)
ПГПУ им. В.Г. Белинского

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЙНЫ

Война! Подъяты, наконец,
Шумят знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздник мести;
Засвищет вокруг меня губительный свинец.

А.С. Пушкин

Философский энциклопедический словарь дает определение: «война – это организованная вооруженная борьба между государствами (группами государств), классами и нациями (народами). Генезис войны уходит в глубь доклассовой истории человечества (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., Т. 46. Ч. 1. С. 480). Однако только после возникновения антагонистических классов и формирования государства, появления политики как специфического вида человеческой деятельности война обрела общественно-политическое содержание, вызвала к жизни собственные постоянно действующие институты (армия) и приобрела развитые формы.

По мнению многих геополитиков и политологов, историков и философов, людей военных и гражданских, война как одно из проявлений бытия социума есть явление вечное. Войны всегда сопровождали развитие нашей цивилизации, а вся ее история – почти одна непрерывающаяся война, которая как помогала развитию человечества, так и препятствовала ему.

Выдающийся военный теоретик и русский военный философ (боевой генерал Русской армии и первый начальник Академии генштаба Красной армии) Андрей Снесарев в своём лекционном курсе «Философия войны» отмечает: «война явление сложное, трудновыяснимое, нелегко поддающееся как нравственному, так и научному критериям». В том же труде он приводит глубокое высказывание Лассалля: «Разум есть содержание истории, однако формой ее вечно остается насилие», что, по нашему мнению, и есть война.

Этот тезис прямо содержится в трактовке понятия войны, которую даёт выдающийся военный философ и классик военной мысли К. Клаузевиц, который утверждает: «Итак, война - это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю». Заметим, что в этой формулировке К. Клаузевица уже содержится зерно общефилософского, а не собственно военного осмысления войны.

В настоящее время, понятие «война» применяется для обозначения противоборства во многих сферах существования человечества. Мы постоянно слышим о «торговых войнах», «войнах экономических», или «войнах информационных». И это не случайно, так как только термином война можно определить крайнюю степень ожесточения отношения различных субъектов, действующих в одной сфере, но с разными целями.

Таким образом, можно констатировать, что войны во многом сформировали и историю, и культуру, и современное бытие человечества, а значит, являются его (бытия) частью.

Проведенные исследования позволяют предположить, что эти тезисы могут быть объяснены следующей логикой рассуждений. Человечество, выполняя свою главную функцию – жить, выработало и философию своего бытия. Одной из важнейших составляющих этой философии, является желание жить лучше и постоянно стремиться к позитивному изменению имеющегося общественного статуса (роли). В человеческой истории эта философия всегда сказывалась борьбой между людьми и их союзами, а также государствами и их союзами за их сформулированные «интересы», что на практике приводило к почти перманентной (непрекращающейся) войне. Так война стала частью бытия человечества, частью «большого ритма» этого бытия. Чтобы побеждать в этих войнах, человечество выработало наиболее эффективные алгоритмы их ведения, открыло объективные законы войны и довело умение воевать до уровня «военного искусства». Квинтэссенцией военного искусства стали стратегии как самые продвинутые (для

своего времени, конкретных условий театра войны и ее целей) технологии достижения победы в войне.

В XX веке особенно много работ, посвященных теме войны, появлялось после крупных войн. Исследователи пытались осмыслить их итоги и спрогнозировать возможный облик будущих войн, с тем чтобы их государства смогли наилучшим образом подготовиться к ним. Как правило, в полной мере это не удавалось никогда, так как очередная новая война успешно опрокидывала опыт предыдущей.

Сегодня тема предвидения облика будущих войн особенно актуальна, так как общеизвестно, что современные средства войны способны покончить с земной цивилизацией вообще.

К сожалению, современная политическая (военная) наука практически не разрабатывает философские аспекты войны как цивилизационного явления, поэтому у нас так скудны и стратегические разработки, поэтому у России и нет национальной стратегии как искусства управления государством. За рамками анализа остаются главные вопросы: «что такое война?», «нужна ли война человечеству?», «случайны ли войны вообще?», «что делают войны?», «не являются ли войны проявлением чего-то большего, чем достаточно очевидные непосредственные причины их начала? Очевидно, что это вопросы даже не военно-стратегического, а скорее философского уровня и их можно продолжать и продолжать формулировать.

Вариант ответов на эти вопросы, сформулированный на основании проведенных исследований, предлагается предварить следующими базисными тезисами: бытие цивилизации – есть ее естественное развитие в ритме «война – мир», притом, что каждая из фаз этого «большого ритма» имеет собственную философию и собственную специфику, но в то же время единый объект приложения – собственно ее бытие.

Главная задача цивилизации – выживание человечества как вида и его развитие. Главная задача государства – его собственное выживание и развитие как субъекта и части цивилизации.

Таким образом, выстраивается следующая логическая цепь или последовательность высших определенностей любого государства и тем более державы: выживание зависит от жизнеспособности; жизнеспособность – от наличия ресурсов (доступа к ним) и качества управления государством, и ресурсными потоками; все вышеперечисленное напрямую зависит от места, роли и статуса государства в мире, в регионе и в цивилизации. Совершенно очевидна и диалектическая связь

всех этих составляющих и при обратной последовательности их произнесения.

Важное место в связи с этим занимает как сам вопрос: «что делает мир как состояние цивилизации или государства во времени без войны?» (или «что кует мирное время?»), так и ответы на него.

Таким образом, война – такое же естественное состояние цивилизации, как и мир, так как является только фазой цикла ее бытия, неким итогом мира и процедурой становления его новой архитектуры, смены существующих парадигм, ролей и ресурсов, в том числе и ресурсов глобального (регионального, государственного) управления. Война и мир есть только этапы бытия человечества (и державы), где собственно война, как борьба за новую роль и статус – это время, превышающее время мира, хотя собственно мир (мирное время), длительнее времени собственно вооруженной борьбы и по своей сути является только «фазой передышки» в войне. В связи с этим можно сформулировать следующий парадокс: Философия и цель мира – это война, а философией и целью войны является мир.

Р. Имангулова
(Научный руководитель Е. К. Ламбанина)
(ПГПУ им. В.Г. Белинского)

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЙНЫ И ТЕРРОРИЗМА

Война... Определение этого понятия в толковом словаре Ожегова очень краткое: «Война. Вооруженная борьба между государствами». А между тем на это, казалось бы, известное всем явление существует множество точек зрения. По моему мнению, проблема поиска своего взгляда на войну, вооруженные конфликты, терроризм особенно актуальна сейчас, когда эти явления становятся, увы, повседневностью. Как относится к ним, что скрывается за ними, почему они имеют место быть? Сравнить существующие в обществе позиции по отношению к войне помогает работа В. С. Соловьева «Три разговора» (1), в которой они довольно просто представлены. Итак, в разговоре участвуют Политик, Генерал, Князь, Дама и Господин Н.

По мнению Генерала, то, что в словаре определено как «вооруженная борьба между государствами», является святым делом. А как же иначе? Разве был бы солдат готов «бить врагов и самому быть убитому» (2), если бы не твердая уверенность в святости их дела? Может быть, это прозвучит кощунственно, но если война – святое дело, то почему бы тогда не признать за исламскими террористами право на-

зывать их действия священным джихадом? Ведь, например, одно из определений терроризма: «Политическая тактика, связанная с использованием и выдвиганием на первый план тех форм вооружённой борьбы, которые опираются на теракты» очень созвучно с уже приведённым определением войны. И не в первый раз в мировой истории террористы нравственное оправдание своих методов пытаются найти в религии – германский историк М. Хилдермейер отмечает, что в эсеровских декларациях демонстрировался «примечательный иррационализм и почти псевдорелигиозное преклонение перед «героями-мстителями»... Убийства объяснялись не политическими причинами, а «ненавистью», «духом самопожертвования» и «чувством чести». На террористов распространялась особая аура, ставившая их выше обычных членов партии» (3). Хочу заметить, что я вовсе не стремлюсь, да и не имею права, говорить, что та или иная позиция не верна, это было бы, пожалуй, проявлением непонимания сложности этого вопроса. Но позволю себе заметить, что такой взгляд на войну, как у Генерала, старательно культивируется в российском обществе особенно сейчас, после падения престижа службы в армии, защиты Отечества и т.п. И одна из реплик Генерала звучит просто пророчески: «Да, уж вы мастера просить молока от мёртвого быка! Кто же вам даст эти требуемые боевые качества, когда первое боевое качество... состоит в бодрости духа, а она держится на вере в святость своего дела. Ну, а как же это может стать, если будет признано, что война есть злодейство и губительство?...» (4). В одном из популярных ток-шоу «Основной инстинкт» буквально недавно речь зашла именно об этом. И снова, как у Соловьева, столкнулись Генерал и Князь. Наш Князь, конечно, не обладает этим титулом, но так же придерживается взглядов Толстого (даже книгу его в студию принес), ведь именно Лев Николаевич послужил прототипом Князя в «Трёх разговорах». Так вот для «князей» война – это абсолютное нравственное зло. Она противна разуму и всей природе человека, как и любое убийство, а значит, как и любое убийство, запрещена заповедью Божью и существует лишь в силу диких предрассудков: Генерал верит в существование каких-то «общих целей», «коллективных задач», а солдат верит в разумность такого миропорядка, в котором он должен выполнять приказы генералов, или сознательное нежелание жить по Правде и Воле Божьей. Князь учит непротивлению злу насилием и тогда, по его мнению, зло исчезнет, а вместе с ним и войны как проявления зла. Переходя к нашим реалиям, это означает, что нам не следует «мочить в сортире» чеченских боевиков, а пристало «пробудить в тёмных душах то добро,

которое таится во всяком человеческом существе» (5), и сделать это способен человек исполненный «истинного евангельского духа». Что ж, всё в наших руках, следующие выборы не за горами, осталось только найти такого...

Больше всех полемизирует с Князем Господин Н., который, по мнению многих исследователей творчества Соловьёва, представляет позицию самого философа. Своё отношение к войне он выстраивает на противоречии между субъективной и объективной нравственностью. С личностной точки зрения война есть несомненное зло, но с исторической – война является необходимым элементом человеческой истории, содержание которой и составляет борьба добра со злом. «Бог допускает зло, поскольку имеет в Своей Премудрости возможность извлекать из зла большее благо или наибольшее возможное совершенство, что и есть причина существования зла» (6). Какого же рода добро может быть извлечено из войны? Согласно Соловьёву, войны, в конце концов, приводили к тому, что составляет сущность всякого блага, всякого добра, а именно, к единству. В этом его позиция близка к позиции Политика, которая заключается в том, что война была исторически оправдана как необходимый момент в становлении государственности и цивилизации. С развитием Европы она уходит в прошлое. «Все должны стать европейцами». Но для этого иногда ещё придётся прибегать к войне, например, русским – для усмирения диких кавказцев, англичанам – для усмирения одичавших буров. Не знаю, как у англичан с бурами, а у нас что-то не очень...

Если бы я участвовала в «Трёх разговорах», то моя точка зрения была бы неким синтезом между всеми остальными. Война, как агрессия – абсолютное зло, но войну оборонительную, когда речь идет о защите Родины, по праву можно назвать священной. Главное – не допускать подмены понятий: крестоносцы тоже сражались за «освобождение гроба Господня». Таким образом, война не будет, на мой взгляд, являться злом, если ее причина не заключается в злой воле агрессора.

Примечания

1. Соловьёв В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями // Соч.: В 2-х т. Т 2. М. 1988.

2. Там же. С. 647.

3. Будницкий О.В. Терроризм глазами историка. Идеология терроризма. М., 2003.

4. Соловьёв В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории... С. 649.

5. Там же. С. 667.

6. Соловьёв В. С. Оправдание добра // Соч.: В 2-х т. Т 1. М. 1988. С. 260.

ВОЙНА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФИЛОСОФИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ

Война – это всегда сокрушающие человека беды и несчастья. Беззащитность перед стихией военного конфликта является основанием унижения достоинства личности, умаления ее свободы. Возникает вопрос: какова должна быть социальная помощь в контексте войны, если рассматривать и то и другое с позиций исторического материализма? Социально-философский аспект этой проблемы пока недостаточно ясно обозначен в трудах отечественных мыслителей, в то время как ее актуальность вновь и вновь напоминает о себе постоянно возникающими в мире очагами напряженности, многочисленными мелкими и крупными вооруженными конфликтами.

Военное противоборство представляет собой пространство для реализации нескольких форм и видов помощи. Среди них:

1. помощь раненым, осиротевшим, потерявшим кров и другим категориям нуждающихся, чьи проблемы возникли в результате боевых действий,
2. помощь военнослужащим,
3. помощь государствам–союзникам,
4. помощь военнопленным.

Какое общее содержание объединяет эти четыре формы? Достаточно очевидным ответом на данный вопрос оказывается, пожалуй, то, что общей целью и конечным смыслом данных видов помощи является победа в войне. Война ставит под угрозу само существование данной общности людей, проживающей на определенной территории. Следовательно, во всеобщей трудной жизненной ситуации для всего народа общественная взаимовыручка образуется естественно-исторически, через потребность в сохранении собственной независимости как народа и государства. Принцип взаимной помощи является необходимым основанием вообще всей повседневной жизни человека. Взаимная поддержка позволяет людям лучше адаптироваться к изменяющимся природным и общественным условиям. Война же в данном случае – исключительное обстоятельство, вынуждающее субъекта помогать не просто по зову души и по принципу "каждый сам за себя, а бог за всех нас", а исходя из общественной необходимости победы в войне, пропущенной через мелкое "экзистенциальное сито" личностных переживаний и собственного мировоззрения.

Воюющие стороны тем сильнее по отношению друг к другу, чем поддержка тыла, всего мирного населения более действенна в сравнении с аналогичной поддержкой противника. Вот почему социальная помощь в любой войне, взятая во всеобщем своем смысле, есть условие и предпосылка победы. Однако в перечисленных нами формах помощи есть, на первый взгляд, явное противоречие: зачем вообще помогать военнопленным в тот момент, когда затрачиваемые ресурсы так важны для фронта, для «своих» нуждающихся. Целесообразно ли это? Разумеется, помощь здесь выступает не в качестве "церковной" благотворительности. Вспоможенье пленным – деятельность пленивших, определяемая не столько милосердием и любовью, сколько намерением так или иначе использовать живые трофеи во имя победы. Помощь, оказываемая таким образом военнопленным (питание, предоставление одежды, крыши над головой в гитлеровских и сталинских концлагерях для военнопленных) может казаться подлобеспринципной, аморальной, а следовательно и вовсе некоторыми может не именоваться собственно благотворением. Но если хорошенько уяснить для себя как минимум то, что помощь порождается общественными отношениями, обстоятельствами, и сразу станет понятно: война диктует свои законы, определяет свои правила, в соответствии с которыми людям приходится действовать. Соответственно и помощь приобретает те свойства и особенности, которые с точки зрения мирного времени кажутся ненормальными. Так, прекраснодушные церковные морализаторства о необходимости возлюбить врага своего на войне уже не действуют. Подобострастно помогать врагу: кормить и одевать захватчиков с точки зрения патриотов оккупированной родины так же низко, как и просто взять оружие и встать на сторону противника. Религиозные принципы на войне по отношению к врагу не действуют, они превращаются в теологический туман, быстро разгоняемый пулями, штыками и кровью. Война в известной мере обесценивает жизнь и в то же время делает ее бесценной; она изменяет интернациональную толерантность по отношению к представителям других групп людей, наций, государств; она провозглашает новую жизненную норму, неприемлемую для мирного времени, но естественную для военного: «если не убьешь ты, то убьют тебя».

Социальная помощь в таких условиях обретает конкретную, явную цель – победа ради продолжения мирного и благополучного существования. А когда смысл помогающей деятельности, отношения по ее поводу и предмет благотворения становятся настолько очевидными и жизненно важными, тогда количество оказанной помощи начинает

меняться: все больше нуждающихся благодаря общественной солидарности начинают чувствовать внимание по отношению к себе и во все большей степени объекты помощи становятся ее субъектами. Вместе с изменением количества меняется и качество помощи. То, что обычно называют альтруистическим поведением начинает возобладать над эгоистическими тенденциями в людских действиях. Великая Отечественная Война и Великая Победа 1945 года явили эту непреложную истину человеческого общежития также смело и неоспоримо, как и в 1812 году. Мери же количественно-качественных взаимоотношений в данном случае определяет характер войны: национально-освободительный, оборонительный, партизанский, захватнический, информационно-психологический.

Подводя итог сказанному, следует отметить: социальная помощь в условиях войны позволяет нам вновь убедиться в ее естественно-исторической природе, общественном происхождении и развитии. Социальная помощь с точки зрения философии означает все общечеловеческое многообразие актов взаимовыручки, направленных на поддержку, защиту, обслуживание и обеспечение людей, попавших в трудную жизненную ситуацию. Война требует от людей более тесного альтруистического сотрудничества, более решительного сплочения. Социальная помощь здесь – отрицание слабости и неспособности (немощи) и переход к отрицанию отрицания – мощи. А раз победа в войне, как известно, обеспечивается не только и не столько мощью военной и технической, сколько мощью человеческой, то и синтез может, способности быть в состоянии действовать становится тождественным обязанности действовать, но уже не во имя шкурных интересов, а во имя общего блага на полях сражений, в госпиталях, на производстве. Война же может быть выиграна лишь ценой определенных жертв, минимизировать которые как раз и призвана социальная помощь в это непростое время.

*Е. В. Ишимская
ПГПУ им. В.Г. Белинского*

«ВОЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» КАК ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

В связи с проходящими преобразованиями российских вооруженных сил является актуальным обращение к вопросу о «военной интеллигенции». Новая парадигма развития современной армии проявляет-

ся прежде всего в переходе от массовых вооруженных сил к кадровым, профессиональным образованиям. Однако, по мнению философа Ю. Н. Дерюгина, неизбежным следствием этого процесса является ослабление взаимосвязи армии и общества, которое в российских условиях из-за ментальных особенностей может обернуться болезненными проявлениями. В отличие от западных армий, где в основе взаимоотношений всегда лежали правовые нормы – договор между государством и воином (чаще наем последнего), в российском военном социуме испокон веков действовал закон морали, идея артельности, принцип: «За други своя» (1).

С особой остротой и интенсивностью в такой переходной ситуации проявляется тема интеллигенции, ее движущей роли в обществе. Как должны протекать военные реформы, какова при этом роль «военной интеллигенции», кто несет ответственность за будущее России и армии – вопросы, решение которых невозможно без достаточно разработанной теоретической базы. Между тем, отправная точка – определение понятия «военная интеллигенция» – остается во многом неясной и дискуссионной, как и трактовка понятия «интеллигенция» в целом. Множество предложенных исследователями определений, часто несовместимых, не способствует успешной разработке рассматриваемой темы. Пока в этом отношении не достигнута необходимая определенность, изучение данного вопроса будет продолжать оставаться на уровне неразрешенных противоречий. Социальная философия и другие общественные дисциплины должны дать такое общегуманитарное понимание интеллигенции, которое бы представлялось наиболее продуктивным для осмысления современного употребления термина и перспективным для дальнейшего его изучения. Кого можно отнести к числу военных интеллигентов? Правомерно ли вообще, с точки зрения социальной философии, делить интеллигенцию на военную, художественную, техническую, гуманитарную, а в ретроспективе и на буржуазную, крепостную, рабочую и т. п.?

В обыденной жизни, а также большинством исследователей используется противоположный философскому классовый подход, часто отождествляемый с социологическим. Военная, техническая, гуманитарная и др. интеллигенция выделяется в социальной структуре общества, выступая как отдельная социально-профессиональная группа. При этом формальный критерий причисления к этой группе признается доминирующим или даже единственным. Так, придерживаясь традиционного классового подхода к пониманию сущности интеллигенции, историк С. Г. Осьмачко определяет «военную интеллигенцию»

через следующие статусные признаки: а) формальный – наличие высшего военного или гражданского образования, а также соответствующего служебного положения; б) деловой – преимущественно умственный характер труда, интеллектуальная занятость (2). Соответственно в группу военных интеллигентов войдут командно-штабные, военно-политические, административно-тыловые, технические кадры (военная бюрократия) и военные кадры, занятые в высших военно-учебных заведениях, научно-исследовательских и опытно-конструкторских учреждениях, военные врачи, журналисты, писатели и т. п. (военные специалисты). Л. Самуэльсон в докладе «Советская военная интеллигенция в 30-е годы» ограничивает содержание изучаемого термина военным аппаратом, который является, по его мнению, синонимом военной элиты (3).

Богатое наследие социально-философской мысли помогает рассмотреть изменение смысла понятия, тем самым прояснить его современное значение и доказать несостоятельность использования классового подхода.

Широкое распространение получила точка зрения, согласно которой понятие «интеллигенция» русского происхождения, что оно якобы впервые было введено в оборот в 1866 году русским писателем П. Д. Боборыкиным. Несмотря на то, что в отечественном и зарубежном интеллигентоведении были высказаны обоснованные суждения об ошибочности подобных утверждений, в научных и публицистических работах по-прежнему повторяется эта версия. При этом не приводится каких-либо доказательств, придающих ей убедительность. Первоисточником «интеллигенции» является греческое слово *poesis* – «сознание, понимание в их высшей степени». Исследователи М. Л. Гаспаров, Ю. С. Степанов утверждают, что под влиянием этого греческого концепта в римской культуре возникло слово *intelligentia*, первоначально означавшее просто «хорошая степень понимания, сознания» (4). Это слово засвидетельствовано у Цицерона, Боэция, далее концепт перешел в немецкую классическую философию и развит в системах Шеллинга, Вильгельма фон Гумбольта, Франсуа Гизо, Гегеля. Карл Маркс в своих статьях, объединенных названием «О сословных комиссиях Пруссии» (1842 г.) выражает вполне гегельянский взгляд, говоря об интеллигенции как о самосознающем духе всего народа. Именно в России «интеллигенция» приобрела социологическую окраску, занимая различные положения в стратификационной структуре общества. Наиболее устойчивым и типичным для России всей второй половины XIX – начала XX веков оказалось понимание интеллигенции в социаль-

ном смысле, как связанное с разночинцами. Словарь Даля определяет слово «разночинец» как человек неподатного сословия, но без личного дворянства и не приписанный ни к гильдии, ни к цеху. В основном это были дети купцов и духовных лиц, формально вышедшие из своего сословия; дети чиновников и низших офицеров, выслуживших личное почетное гражданство или личное дворянство на низших ступенях таблицы о рангах (5). Несомненно, что русские социальные мыслители не могли быть свободными от общественно-политической ситуации в России того времени. Конкретные черты интеллигенции как предмета анализа отечественной науки несли в себе отражение реальных особенностей жизни российского общества на определенном этапе его исторического развития. В силу этого многие склонны оценивать интеллигенцию как самобытное по природе, чисто русское явление. Тем не менее, по своей сути интеллигенция не может ограничиваться национальными рамками, ибо она есть продукт развития универсальных свойств человека как вида. Поэтому правильнее говорить, что прерогативой российской общественной мысли является первый опыт исследования этого явления на национальном российском материале; а по сути, интеллигенция есть явление универсального порядка. Эта мысль вложена в те определения интеллигенции, которые дают в своих трудах русские авторы. П. Н. Милюков предложил ее трактовку как некоего внеклассового образования, состоящего из лиц разных профессий (6). По мнению С. Е. Трубецкого, доминирующим признаком интеллигенции является ее общественно-политический интерес (7). Философ Е. И. Кукушкина ссылается еще на одно определение, в основу которого положен взгляд на интеллигенцию как некий постоянный элемент социума, ее особую наиболее культурную часть. Как таковая она претерпевает изменения, которые обусловлены изменениями, происходящими в самом обществе. Основу изучения данного феномена, по мнению философа, должно составлять выработанное в традициях гуманизма определение человека как духовной сущности, которая предполагает возможность развития таких качеств, как способность к осознанию своего высшего призвания, к восприятию своих привилегий как ответственности, к объективной оценке своего положения во вселенской иерархии, а также уважительное отношение к традиции, понимание необходимости ее сохранения для грядущих поколений (6). Очевидно, что приведенные определения характеризуют интеллигенцию как явление универсальное по своей природе.

Таким образом, можно констатировать разрыв между философским и классовым подходами. Философское представление об интел-

лигенции отрицает, что уровень образования или любой другой формальный признак может автоматически сделать человека интеллигентом. На передний план выдвигаются культурно-нравственные характеристики человека. Классовый же подход теряет ценностное содержание «интеллигенции», превращая ее в некую «прослойку».

«Военная интеллигенция» по определению не может просто сводиться к профессиональной группе военнослужащих или какой-либо их части, к примеру, военной бюрократии. Слой интеллигенции чрезвычайно широк – от рядового до генерала, от курсанта военного училища до студента военной кафедры гражданского вуза. Он не имеет строго очерченных границ; интеллигенция не иерархична и не может быть объединена какой-либо организационной структурой. Далеко не каждый генерал, к сожалению, является интеллигентным человеком. Воинская среда складывается из самых различных личностей, среди которых есть немало людей со скудным содержанием элементов интеллигентности.

Отмечу еще один существенный момент. Несмотря на сложившийся в науке стереотип о равнозначности социологического и классового подходов, появляются исследования, отвергающие это утверждение. Современные социологи учитывают философские представления о сущности интеллигенции, говоря о ней как о социальной общности, наиболее развитой в культурном аспекте, тем самым сохраняя приоритет духовных характеристик при определении понятия. Другие социологи говорят об интеллигенции как о мифологическом феномене. Однако, такая крайность также ошибочна; в общественном сознании, по данным социологических исследований, существуют представления об интеллигенции как о реальном образовании (8). Социальная философия и методологически зависимая от нее социология должны объединить свои усилия в попытке выработать определение интеллигенции. Имея общий объект исследования, они должны сочетать как социальный, так и моральный критерии при изучении данного феномена. В отношении двух общественных дисциплин важным здесь является не их предметные разграничения, а межпредметное сотрудничество и взаимодействие. Особенно актуален такой диалог в настоящее время, когда в науке проявляется тенденция междисциплинарной интеграции. Социальная философия должна использовать материалы социологических исследований, а социология – опираться на социально-философскую базу. Лишь на этом пути можно рассчитывать на получение обоснованного ответа на вопрос о сущности такого многогранного и неоднозначного понятия как интеллигенция. Это в свою оче-

редь предполагает соотнесение природы и универсальных характеристик интеллигенции с теми ее признаками, которые имеют производный и исторически преходящий характер. И если социологию могут интересовать различия между «типами» интеллигенции в зависимости от формальных признаков, «отпечаток» профессиональной деятельности, то социальную философию – то общее свойство, что их объединяет; именно оно и является основным критерием причисления к интеллигенции.

Таким образом, употребление термина «военная интеллигенция» во многом условно. Нельзя понимать его лишь как отдельную социально-профессиональную группу, выделенную в стратификационной структуре общества. Приставка «военная» означает для социальной философии область исследования, сферу поиска (военный социум), а предметом остается интеллигент с присущими ему универсальными признаками, носящими наднациональный, надпрофессиональный характер. Несомненно, социальная философия как один из аспектов изучения «военной интеллигенции» учитывает специфику военной организации, воинскую субкультуру, особенности мировосприятия военного человека.

Личность, условно причисленная к одному «типу» интеллигенции, может одновременно принадлежать и к другому или даже нескольким «типам». Например, историк И. В. Купцова, описывая участие представителей «художественной интеллигенции» на театре военных действий Первой мировой войны, делит их по способу пребывания на войне на «добровольцев», «призывников» и «командированных» (операторы военной хроники, художники-баталисты, артисты, военные корреспонденты). Восприятие войны и социальное поведение представителей каждой из этих групп имели свою специфику (романтизация и эстетизация войны, доминирование игрового поведения, героизация личного участия) (9). Но все они как граждане своей страны ответственно выполняли свои обязанности. Ими в первую очередь двигало чувство долга.

Как уже отмечалось, содержание качеств интеллигентности может меняться в зависимости от требований времени. Тенденция к профессионализации армии, гуманизации отношений в воинской среде трансформирует военного интеллигента в профессионала, через деятельность которого осуществляется важная функция, прямая обязанность военного – обеспечение безопасности страны. Это не отказ от этических идеалов, а напротив, более высокая ступень нравственной зрелости. Речь идет не о любом профессионале, а о профессионале

саморефлексирующем, обладающем развитыми культурно-нравственными характеристиками. Военному интеллигенту должны быть присущи такие ценности как патриотизм, верность Конституции и военной присяге, чувство воинского достоинства и чести, мужество и героизм. Без этих качеств невозможно выполнение профессионального долга. С другой стороны, большинство из них относится к любому добропорядочному гражданину своей страны, интеллигенту любого «типа». Это еще раз подчеркивает условность употребления термина и отсутствие строго очерченных границ «военной интеллигенции».

Разрешение кризисной духовно-нравственной, социальной, социально-политической ситуации в российской армии зависит не только от деятельности военных реформаторов, но и от соучастия, активной гражданской позиции и осознания значимости преобразований каждым, имеющим отношение (прямое или косвенное) к вооруженным силам, тем самым выполняя свою роль в качестве интеллигента.

Примечания

1. Дерюгин Ю. Н. Армия России: взгляд в XXI век // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 82.
2. Осьмачко С. Г. Противоречивость социального облика военной интеллигенции // Материалы конференции РГГУ: «Российская интеллигенция». – М., 1998. <http://conference.rsuh.ru/intel1/tosch.htm>.
3. Самуэльсон Л. Советская военная интеллигенция в 30-е годы // Российская интеллигенция: критика исторического опыта: Тез. докл. Всерос. конф. с международным участием, посвященной 80-летию сборника «Смена вех». Екатеринбург, 2001. С. 43.
4. Гаспаров М. Л. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Русская интеллигенция. История и судьба. М.: Наука, 2000. С. 17.
5. Степанов Ю. С. «Жрец» нарекись и знаменуйся: «Жертва» // Русская интеллигенция. История и судьба. М.: Наука, 2000. С. 27.
6. Кукушкина Е. И. Традиции русской социологии в изучении природы интеллигенции // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2001. № 1. С. 79.
7. Трубецкой С. Е. Минувшее. М., 1991. С. 79.
8. База данных ФОМ «Как россияне понимают слово «интеллигенция» // <http://www.fom.ru/>
9. Купцова И. В. Первая мировая: армия и культура // Военно-исторический журнал. 2004. № 9. С. 29-34.

Н. Лазарева
(Научный руководитель Е. В. Оликова)
ПГПУ им. В.Г. Белинского

МЕЖДУ СВЕТОМ И ТЬМОЙ (К ВОПРОСУ О НАСИЛИИ И НЕНАСИЛИИ)

Начало всегда происходило во мраке,
то есть в том, что противоположно
свету Разума, – в насилии.

Г.-Г. Гадамер

Насилие есть подавление человека во всех его разновидностях и формах – не только прямое, но и косвенное, не только физическое, но и экономическое, политическое, психологическое и т. д. В этом широком смысле насилие есть не исключительно философское или политическое понятие, а общая социологическая и морально-правовая категория. Насилие столь же возможно в области личных, семейных, гражданских отношений, сколько в сфере государственной жизни.

В основании любого насилия лежит конфликт, участники которого не только не могут прийти к согласию, а отказались от самой установки на это согласие. Насилие вырастает из конфликта на такой стадии, когда люди радикально расходятся по вопросам о том, что есть добро и что есть зло. То, что одни считают злом, другие считают добром, и наоборот. Речь идёт не о различиях в понимании добра и зла, а о конфронтации по тем или иным жизненно важным вопросам. Особенность конфликта, разрешающегося насилием, состоит в том, что вовлечённые в него стороны придают противостоянию моральный смысл; у каждой из них есть основания считать свою позицию морально достойной, а позицию противоположной стороны – неприемлемой. Первая сторона всячески дискредитирует вторую сторону. Моральная аргументация насилия даёт последнюю санкцию на насилие, придаёт ему необратимый, тотальный характер. Всё сводится к логике: когда мы убиваем – хорошо, когда нас убивают – плохо. (5, 446) Что же можно противопоставить насилию как неприемлемой для человечества формы сосуществования? Если с точки зрения морали его нельзя победить большим насилием, то как его преодолеть в реальной жизни? Сейчас много пишут и говорят о толерантности, видя в ней источник разрешения проблемы насилия. В основе толерантности лежит тезис «ненасилие как образ жизни».

Ярким представителем философии ненасилия был Л. Н. Толстой, который в своих философских и религиозных произведениях развивал христианское учение о непротравлении злу насилием («Нагорная проповедь», «Царство Божие внутри нас» и т. д.). Он верил, что придёт

время, когда человечество отвергнет насилие и установит более справедливую форму жизни (4, 30). Л.Н. Толстой писал: «Всякое насилие: война, грабёж, казни – происходят не вследствие неразумных сил природы, но производятся людьми заблудшими. И потому чем большее зло эти люди приносят христианину, тем несчастнее они и тем нужнее им знание истины. Передать же знания истины людям можно ... воздаянием добра за зло».

Насилие как средство достижения всеобщего счастья, оказалось неприемлемым и для другого великого русского классика – Ф.М. Достоевского: «...Спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только замученного ребёнка».

В своих убеждениях они не были одиноки. Принцип миролюбия в жизнь притворял М. Волошин. Он отвергал всякое насилие – будь то революционное или над душой человека. Говоря о причинах войны, он указывал на алчность, жажду наживы. Ещё в 1905 г. он писал в стихотворении «Ангел мщения»:

Не сеятель сберёт конечный колос сева.
Принявший меч погибнет от меча.
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачом иль жертвой палача.

Эти и многие другие философы не принимают насилие ни в каких формах, акцентируя внимание в своем творчестве именно на этике ненасилия.

В то же время, например, Л. Д. Троцкий пытался доказать, что без насилия нельзя противостоять самому насилию. Б. Г. Капустин утверждает, что ненасилие не может выступать синонимом добра и этики. «Ненасилие» может выглядеть содержательным определением добра лишь в рамках самой теории этики. Оно предстаёт специфическим моментом и формой насилия, но никак не равновесной ему категорией. Ненасилие как политическое понятие не равнозначно непротивлению. М. К. Ганди, в противоположность Л.Н. Толстому, видел в ненасилии «моральный эквивалент войны». Добром оно может быть лишь в том случае, если оно в состоянии устранить существующие структуры насилия. Способность пересиливать насилие и отличает ненасилие от способствования злу. В реальной жизни моральность можно доказать только в борьбе со злом, что требует применения силы. Отказ от насилия, даже если он полностью оправдан морально, на практике влечёт за собой состояние рабства: кто чурается насилия, никогда не будет свободным. На протяжении всей истории свобода достигалась

преимущественно посредством насилия, и сегодня за неё приходится бороться. Б. Г. Капустин противопоставляет реальную жизнь и мораль, видя в последней лишь умозрительную конструкцию (1).

Таким образом, мы обнаруживаем противоречие в приведенных размышлениях. Как можно его преодолеть? Вслед за А. А. Гусейновым попытаемся дать ответ на этот вопрос. «Ненасилие отличается от насилия прежде всего пониманием того, как распределены добро и зло среди людей, – пишет философ. – Оно исходит из взаимной связанности всех людей в добре и зле. Согласно ему, человеческая душа является ареной борьбы добра и зла. Человек предстаёт амбивалентным (двойственным). Сторонник ненасилия считает, что человек открыт добру, как и злу. Но он ориентируется на доброе начало в человеке, что даёт возможность сотрудничать. Он не исключает себя из того зла, против которого ведёт борьбу и не отлучает оппонента от того добра, во имя которого ведётся эта борьба. Он отказывается от монополии на истину и открыт диалогу, способен критиковать своё поведение, анализировать ситуацию глазами оппонента, борется со злом, но любит людей, стоящих за ним, открыт в поведении. Можно сделать вывод, что по критерию эффективности и ценности насильственное сопротивление выше пассивной покорности, а ненасильственное сопротивление выше насильственного» (5, 445).

Следовательно, в отношении насилия необходимо занять активную гражданскую позицию, противоположную пассивной рабской покорности. Каждый человек способен отстаивать свои права в рамках закона. Само насилие можно преодолеть его активным неприятием, осознанием его губительности и разрушительной силы.

На протяжении всей истории человечества общество не раз прибегало к насильственным методам разрешения конфликтов. Сегодня лишь тонкая грань отделяет нас от полного уничтожения. И именно осознание ненасилия как жизнеутверждающего принципа послужит гарантом сохранения и созидания. Даже если Г.-Г. Гадамер был прав, и начало действительно происходило во Мраке, путь нашего общества – движение к Свету, к гуманности, справедливости, ненасилию.

Примечания

1. Капустин Б. Г. К понятию политического насилия // Полис. 2003. № 6.
2. Межуев В.М. Насилие и свобода в политическом контексте // Полис. 2004. № 3.
3. Социальная философия: Хрестоматия. Ч. 2 / М.: Высш. школа, 1994. 352с.
4. Павлова Т.А. Исторические судьбы русского пацифизма // Вопросы истории. 1999. № 8. – С. 28–42.
5. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. М.: Гардарики, 2003. – 472 с.

III. Социально-психологическая реабилитация

участников войн и вооруженных конфликтов

*О. В. Плешакова
(ПГПУ им. В.Г. Белинского)*

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В ПСИХО-СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ УЧАСТНИКАМ ВОЙН И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Война в любой ее форме затрагивает основы личного бытия человека, делает факт его существования особенно хрупким и ненадежным. Именно в период военных действий индивид особенно остро осознает конечность своей жизни. В этой ситуации ускоряется процесс взросления личности и становление рефлексивных способностей. Постоянно находясь перед лицом возможной смерти человек задумывается о смысле жизни, о собственной экзистенции. Это относится и к прошлым войнам, и к современным.

Военные конфликты стали неотъемлемой частью бытия современного общества вообще и России в частности. Прекращение участия в боевых действиях не означает, что война полностью ушла из жизни их участников. Она остается в их потрясенном сознании и делает актуальной проблему адаптации к мирной жизни. Война калечит людей и физически. Последствия ранений, контузий, инвалидность приводят к тому, что в мирную жизнь возвращаются люди, ставшие другими. Их «бытие-в-мире» часто оказывается конфликтным. Этим людям необходима социально-психологическая помощь в решении проблем, связанных не только со здоровьем, бытом, трудоустройством, но и с решением психологических проблем, прежде всего в осознании себя в новом качестве и в поиске своего места в мирной жизни.

Одним из способов решения возникших проблем является использование методов экзистенциальной терапии. Так, например, группы экзистенциального опыта (ГЭО) помогают решить человеку проблему адаптации в обществе. Терапия в них направлена не на личность как изолированную психолого-социальную целостность, а на человека как «бытие-в-мире». Внимание в группе концентрируется не на решении личных проблем участников, а на созидании жизни группы, которая может служить моделью жизни в обществе, таким образом люди учатся воссоздавать нарушенные социальные связи.

Терапевтическая группа является структурированной жизненной ситуацией, в которой каждый участник обладает возможностью для многомерного самовыражения – личные события, взаимодействия уча-

стников между собой и с терапевтом создают ту или иную жизнь группы.

Участники существуют не как разные проблемы, характеры или клинические категории, а как люди, по-разному строящие свою жизнь, поддерживающие специфические отношения с миром.

ГЭО предоставляет для участников необычную возможность для самоисследования на глазах у других и с их помощью с целью терапевтического изменения. Для изменения особенно важным является понимание своего опыта – какой смысл он имеет в жизни самого участника и в жизни других, чем опыт других участников может быть полезным для каждого отдельного участника. Чтобы понять себя, для человека важно, чтобы его кто-нибудь понимал.

Экзистенциальная терапия стремится не столько лечить, сколько гармонизировать жизнь участников. Работу в группе можно считать успешной, если достигнуты следующие результаты: расширение границ сознания и самопонимания; принятие ответственность за свою жизнь; развитие способности завязывать и поддерживать близкие отношения; развитие способности желать и получать без вины (способность радоваться жизни); развитие способности свободно выбирать и рисковать, принимая неизбежность переживания тревоги и вины; развитие чувства бытия; увеличение осмысленности жизни; развитие способности ориентации в реальном времени.

Одним из главных аспектов работы ГЭО является ее направленность на настоящее, работа «здесь и сейчас». Это означает, что в группе участники не столько делятся воспоминаниями прошлого или планами будущего, сколько пытаются удержать в центре внимания настоящее, превращающееся в будущее. Постоянный акцент на настоящем помогает каждому участнику лучше раскрыть экзистенциальный процесс внутри себя. Конечно, опыт войны невозможно стереть из памяти, убрать из жизни, но его негативный и деструктивный потенциал можно преобразовать в положительный и созидательный. Этого нельзя достигнуть только с помощью специальных упражнений, нужны еще желание и сила воли самого участника. Одним из стимулов укрепления желания и силы воли и является работа в группе, где участники, решая сходные проблемы, помогают и поддерживают друг друга. Таким образом, между личностью и обществом появляется посредник – группа.

Совместная жизнь в ГЭО по сути своей создается благодаря самораскрытию участников, которое важно как способ открытого общения, помогающего участникам понять друг друга – чтобы тебя поняли,

важно позволить другим познать себя таким, каков ты есть. В группе наиболее ценно двоякое самораскрытие: когда участники делятся своими переживаниями по поводу групповых ситуаций; когда они делятся своими внутренними и межличностными конфликтами, нерешенными личными проблемами, болезненными переживаниями, своей слабостью, своими надеждами и ожиданиями.

Самораскрытие одного участника помогает стать более открытыми и другим участникам. Обоюдная открытость делает участников в равной степени уязвимыми и благодаря этому их взаимная связь становится более тесной и глубокой. Когда кто-нибудь откровенно говорит о себе, другие могут соприкоснуться с собственными проблемами и появляется возможность глубже познать себя.

Больше чувствовать и понимать себя и других в ГЭО помогает и постоянная обратная связь участников по отношению друг к другу. Эта форма помощи друг другу, которая дает возможность участникам оценить, насколько их поведение соответствует намерениям.

Важную роль играет также телесная терапия. Она помогает человеку осознать себя в новом качестве. Она затрагивает самые глубокие слои психики, глубинное Я. Процессы рисования или лепки строятся таким образом, чтобы человек смог оказаться «лицом к лицу» с самим собой. Осознание себя в новом образе требует естественного рождения новых форм бытия, их созревания. Во время работы внимание обращается к телу, происходит собирание себя и укоренение себя в своем собственном теле, а через это и в предметном мире.

Человек движется в глубину и к центру своего существа, к своей сути. Встреча с сутью рождает новые идеи, смыслы, ассоциации, устремленные в будущее. Их обретение сопровождается чувством радости и удовлетворения, в зависимости от степени погруженности в процесс работы.

Методики и техники экзистенциальной терапии разнообразны. Их выбор зависит от состава группы, проблемы, которая объединяет участников, и задач, стоящих перед ней. Наиболее эффективным было бы комплексное использование экзистенциальных методик. Нужно отметить, что экзистенциальная терапия – процесс достаточно длительный и трудоемкий. И успешность терапии зависит в первую очередь от желания самого человека изменить свою жизнь, а также от компетенции терапевта.

*(Научный руководитель к. филос. н., доцент Л. Я. Плешакова)
ПГПУ им. В.Г. Белинского*

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ И РЕАБИЛИТАЦИЯ УЧАСТНИКОВ ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙН

Потрясающие нашу страну за последние годы катастрофы, стихийные бедствия, межнациональные и межрегиональные конфликты, рост преступности и насилия с очевидностью показали, насколько важна психологическая готовность служб МЧС, МВД, ФСБ к работе в экстремальных условиях. Ведь профессиональная деятельность сотрудников любых спецподразделений сопряжена с повышенными, а часто и экстремальными, психическими и физическими нагрузками, обусловленными как чрезвычайными ситуациями, так и боевыми действиями. В силу указанных обстоятельств сегодня возникла необходимость в структурах, оказывающих помощь в адаптации участников войн и преодолении ими стрессовых ситуаций. Эта проблема, стоящая перед обществом, одна из наиболее актуальных и сложных.

И сегодня наше общество уже готово и способно принять предлагаемую помощь в решении психологических проблем. Люди осознали, что психологическая помощь специалиста подчас действительно необходима. Они все чаще, не боясь осуждения и разговоров окружающих, сами приходят со своими проблемами. И хотя некоторая настороженность по отношению к психологам сегодня существуют, но тем не менее имеется тенденция к её снижению.

В современном мире каждый человек подвергается воздействию стрессовых факторов, что же касается людей – военных, то на них оказывается психическое давление в несколько раз больше. Поэтому следует говорить не только о психологической помощи и реабилитации как таковых, но и о важности своевременного проведения этих процедур.

При оказании психологической помощи и реабилитации участников войн очень важна не только квалификация специалистов, но и своевременность необходимых мероприятий и процедур. Это подтверждает следующая статистика: в результате упущений в работе по восстановлению психологического статуса ветеранов военных конфликтов сегодня в местах лишения свободы находится около 20 % бывших участников боевых действий, совершивших правонарушения в период затрудненной адаптации к мирным условиям жизни. 10 % во-

еннослужащих, совершивших суицидальные действия в 2000 году, имели признаки посттравматического стрессового расстройства.

В ходе выполнения боевых задач по наведению конституционного порядка на территории Чеченской республики боевые психотравмы наблюдались у 80–85% военнослужащих.

Во время антитеррористической операции этот показатель снизился незначительно и достиг 70 %, что говорит о психологическом характере обстановки на Северном Кавказе и постоянном пополнении нашего общества людьми с признаками боевой психической травмы. Уже имеется практический опыт проведения социально-психологической реабилитации военнослужащих. Первый опыт был получен коллективом шестого Центрального военного клинического госпиталя в 1990 году, когда в госпиталь поступили для реабилитации участники боевых действий в Афганистане. С этого времени и стала формироваться основная концепция в перспективном развитии госпиталя как Всеармейского реабилитационного центра.

Некоторые из основных задач социально-психологической реабилитации:

1. оценка психофизиологического состояния пострадавших, определение качества и степени психоэмоционального расстройства;
2. определение оптимальных путей и методов психологического воздействия, направленных на восстановление оптимальной работоспособности;
3. формирование оптимальной психологической реакции на течение и последствия ранений;
4. изучение динамики психических нарушений в процессе лечения;
5. коррекция психосоматического статуса методами психотерапевтических, психофизиологических и психофармакологических воздействий.

Но проведение мероприятий по социально-психологической реабилитации раненых не должно ограничиваться текущими задачами: восстановить их здоровье и психику, обеспечить протезами. Система мероприятий только тогда может стать целостной и законченной, когда раненные уже на госпитальной койке получают уверенность в завтрашнем дне, которая может базироваться на возможности дальнейшего обучения и трудоустройства. Подобную программу предлагает пермский центр «Социум», она называется «Жизнь после войны».

Действительно проблемы существуют, и необходимо их решать вместе и согласованно. Последствия воздействия военных действий на психическое и физическое здоровье их участников имеют двойкий характер. При работе с пострадавшими в помощи иногда нуждаются и сами специалисты, т. е. последствия стресса косвенно влияют и на них. Что же говорить о родителях и семьях участников боевых дейст-

вий? Но, к сожалению, зачастую близких военнослужащих оставляют вне специальной работы профессиональных психологов. Говоря о работе с родителями и семьями участников боевых действий, необходимо выделить как минимум два аспекта:

- 1) работа с ними как с одним из наиболее важных и значимых факторов психореабилитации и психологической помощи вернувшимся с войны;
- 2) оказание непосредственной психологической помощи и психореабилитации самих родителей и членов семей воевавших.

В заключение хотелось бы призвать всех людей не быть равнодушными к чужим проблемам, потому что когда-нибудь они могут стать и вашими, а может быть и общечеловеческими, если мы не будем их решать вовремя.

Проблема реабилитации участников военных действий очень актуальна сегодня и становится все более важной с каждым днем. Ведь от того, как скоро мы начнем контролировать проблему реабилитации, зависит здоровье значительной части нашего населения. Хотелось бы выступить с предложением, ввести специальность психолога, который способен работать с такой частью населения.

Примечания

1. Власова Л.С. Психотерапевтическая помощь участникам локальных войн // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. 2002. № 2.
2. Иванов А. Л., Жуматий Н. В., Рубцов В. В. Опыт Всероссийского реабилитационного центра по социально-психологической реабилитации военнослужащих, получивших тяжелые ранения и увечья при выполнении служебного долга в Чеченской Республике // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. 2003 №4.
3. Кучер А. А. «Психологическая помощь и реабилитация участников боевых действий и членов их семей» // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы 2002 № 1.
4. Малышев К. П. Опыт работы пермского центра «Социум» по программе «Жизнь после войны» // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы 1998 № 4.
5. Родионов А. В., Берковская М. И., Комаров К. Э., Сухоруков Н. В. Применение средств психологической реабилитации участников локальных военных конфликтов // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы 2002 № 3.
6. Соловьёв Н. В. Психологическая работа с семьями военнослужащих, участвовавших в боевых действиях: особенности оказания психологической помощи, психологической реабилитации // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы 1998 № 3.

IV. История социологии

*А.С. Попов
ПГПУ им. В.Г. Белинского*

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ К. М. ТАХТАРЁВА

Талантливый русский социолог Константин Михайлович Тахтарёв (1871–1925) увлекся генетической социологией под влиянием выдающегося ученого М. М. Ковалевского. Генетическую социологию он рассматривал также как и его учитель, как важную составную часть социологии. При этом сама социология представлялась ему наукой, проникнутой духом естествознания и научного реализма, которая «изучает общественную жизнь, взятую в целом, выясняет общественные явления в их естественных и необходимых соотношениях и устанавливает выражающиеся в них закономерности» [2; 24]. По мнению Тахтарёва, конечной целью социологии как особой номологической отрасли знания, является поиск социальных законов и всестороннее выяснение необходимых соотношений различных явлений, а также изменение этих соотношений в ходе общественной жизни. Он утверждал: «Социология должна быть наукой о соотношении явлений общественной жизни, обуславливающим её закономерность» [4; 238]. Именно в поиске закономерностей общественного развития Тахтарёв видел главное предназначение социологии. Совершенно в духе позитивизма Огюста Конта он утверждал, что настоятельная потребность в социологии обусловлена тем, что знание законов развития общества позволит эффективно управлять общественной жизнью людей [4; 238].

Необходимо учитывать, что Тахтарёв разделял социологию на общую и частную. Общая социология включала, согласно его концепции, три основных учения. Во-первых, учение о человеке как общественном существе, об общественной жизни как совокупности всех сторон жизни в целом, о человеческом обществе как самодостаточном общественном сожитии людей, проявляющемся, прежде всего, в общественном сотрудничестве. В центре внимания социологии Тахтарёва находился человек как член общества. Он утверждал: «Человек должен быть изучаем как сообщественник, а общественная жизнь должна быть понимаема как совокупность всех развивающихся форм жизнедеятельности и общения сожителей людей» [4; 223].

Во-вторых, учение об обычаях, формах повседневной жизнедеятельности и общения людей, о группировках и обусловливаемых ими общественных отношениях. Согласно Тахтарёву, это учение показывает, как складывается определенный уклад общественной жизни и создаются отдельные учреждения.

В-третьих, учение о соотношении различных явлений общественной жизни, общем укладе жизни, закреплённом в определенном общественном строе. По мнению социолога, оно позволяет понять «почему общественная жизнь является закономерной, чем обусловливается и в чем выражается её закономерность» [4; 237].

С точки зрения Тахтарёва, общая социология в совокупности всех трёх её составных учений служит необходимым введением в частную социологию, перед которой стоит задача изучения закономерности общественной жизни в прошлом и настоящем.

В свою очередь частная социология делится на два больших раздела. Первый раздел охватывает изучение соотношения различных явлений общественной жизни в прошлом. Его задача заключается в выяснении условий происхождения как различных форм жизнедеятельности и общения людей, так и общего уклада их жизни, условий развития, как отдельных общественных учреждений, так и всего общественного строя, порожденного данным укладом жизни. Именно этот раздел частной социологии, по утверждению Тахтарёва, и представляет собой генетическую социологию. Её задача, как считает ученый, состоит в том, чтобы «показать, как на почве данного образа жизни людей и определенных форм их жизнедеятельности происходит группировка сообщественников в те или иные общественные группы; каково соотношение этих групп в том общественном сотрудничестве, каким раньше всего является всякое человеческое общество; как на почве этого группирования людей, расслоения общества и соотношения отдельных общественных групп складывается определенный общественный и политический строй и организация верховной общественной власти, регулирующая все стороны жизни членов данного общества; как, наконец, все это отражается в мире обычных понятий и господствующих представлений» [4; 237–238]. Тахтарёв полагал, что, выясняя закономерность общественной жизни в прошлом, показывая неизбежную необходимость смены отдельных общественных форм на примере общего хода развития прошлых человеческих обществ, этот раздел служит самым убедительным научным доказательством правильности положений, лежащих в основе общей социологии.

Второй раздел частной социологии, по мнению Тахтарёва, был призван исследовать соотношение различных явлений современной общественной жизни, выяснять закономерности её развития, уделяя особое внимание отклонениям от её нормального хода.

Заметим, что в работе более позднего периода Тахтарёв несколько уточняет структуру социологического знания. Его научная система социологии состоит из двух основных частей или отделов. Первая часть включает в себя анализ общественной жизни, разложение её на основные явления и их изучение. Вторая часть посвящена исследованию необходимых соотношений явлений общественной жизни, взятой в целостном соотношении ее различных сторон и явлений. Её задача состоит в установлении закономерностей общественной жизни [2; 28].

Видя главную задачу социологии в выявлении законов общественной жизни и социальных явлений, Тахтарёв утверждал, что научные средства для этого предоставляются, с одной стороны, сравнительной историей общества и отдельных общественных учреждений, а с другой – сравнительной статистикой.

Тахтарев был убежден в том, что именно история развития общественной жизни человечества служит и богатейшим научным материалом и нагляднейшим доказательством того, как складывается известное соотношение различных форм жизнедеятельности и общения людей, как оно выражается в определенном укладе жизни и утверждается в общественном строе. «Вот почему, – заявляет ученый, – история развития человечества или, точнее, человеческого общества неизбежно является одним из главнейших предметов социологического исследования» [4; 219].

Сравнительная история обществ, на его взгляд, дает данные, которые свидетельствуют о повторяемости социальных явлений в исторической жизни различных народов, у которых на соответствующих ступенях их культурного и общественного развития обнаруживаются одинаковые формы культуры и общественные учреждения. Сравнительная же статистика поставляет количественные данные, свидетельствующие о повторяемости общественных явлений в различных областях современной жизни людей.

К. М. Тахтарёв был убежден, что с помощью соотносительного, сравнительно-исторического и сравнительно-статистического методов, а также эволюционного метода, метода пережитков и тенденций, диалектического метода, методов сходства, различия, остатков и сопутствующих изменений, можно установить известные закономерности со-

циальных явлений и законы общественной жизни. «Таким образом, – приходил к выводу ученый, – становится очевидным, что социология как особая наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности должна строиться на двойном и чисто социологическом основании. Её социологическим фундаментом должны служить как данные так называемой генетической социологии, так и данные сравнительной статистики» [3; 22].

Предмет генетической социологии Тахтарёв определял как историю человеческих обществ и различных общественных форм. В своем главном труде по данной проблеме «Сравнительная история развития человеческих обществ и общественных форм» он пишет: «История человеческих обществ и различных общественных форм составляет предмет той области знания, которая известна под названием генетической социологии» [3; 11]. Генетическую социологию ученый определяет как науку, которая «изучает различные формы жизни общества в процессе их возникновения и развития, пользуясь данными и выводами многих других наук, как необходимыми предпосылками» [3; 11]. Данное определение весьма близко пониманию предмета генетической социологии Ковалевским, который рассматривал её как науку о происхождении социальных институтов, видя в ней «часть науки об обществе, его организации и поступательном ходе, которая занимается вопросом о происхождении общественной жизни и общественных институтов, каковы: семья, собственность, религия, государство, нравственность и право» [1; 1].

По мнению Тахтарёва, генетическая социология пользуется данными всех наук, которые помогают выяснить историю развития общественной жизни людей в условиях, как окружающей природной среды, так и искусственной среды, создающейся по мере развития производительных сил совместным творчеством людей. Среди них – этнология, раскрывающая доисторическое прошлое человека, антропология, археология, история культуры, хозяйства, религий и другие науки. Однако особое значение для генетической социологии, по мнению ученого, имеют общая социология, изучающая различные явления и закономерности общественной жизни, и сравнительная история различных общественных учреждений. Именно эти две области научного знания лежат в основе генетической социологии.

Хотя генетическая социология стала настоящей наукой лишь недавно, её истоки могут быть отнесены, как считает Тахтарёв, к классической древности, а именно к учению «истинного родоначальника научного обществоведения» Аристотеля, которое содержало не только

общее социологическое учение о человеческом обществе и закономерности развития общественной жизни, но и попытки сравнительной истории общественных форм. Именно в трудах этого «гениального мыслителя и ученого классической древности», по мнению Тахтарёва, был сформулирован эволюционный научный метод, который до сих пор используется для выяснения истории развития различных общественных форм. В подтверждение данного вывода, Тахтарёв приводит высказывание Аристотеля: «Тот, кто рассматривает вещи в их происхождении и развитии, будь то политическое общество или что-нибудь другое, может лучше всего судить о них» [3; 12].

К. М. Тахтарёв утверждает, что в своей «Политике», которая является не чем иным, как учением о закономерной смене политических форм, обусловленной развитием новых общественных отношений, кроме эволюционного, Аристотель пользуется трансформистским (динамическим), сравнительно-индуктивным и аналитическим методами. Так, эволюция и смена политических форм в совершенстве изучены им на основании сравнительного наблюдения общего хода развития более полутора столетия современных ему политических обществ. Тахтарёв напоминает, что Аристотель дал чисто социологическое определение человеческого общества, как самодостаточного общения людей с целью всестороннего обеспечения жизни.

В подтверждение мысли о том, что сравнительный и исторический методы являются важнейшими средствами изучения истории человечества и собственно генетической социологии, Тахтарёв прибегает к авторитету основоположника социологии Огюста Конта, приводя его высказывание: «Чтобы история получила действительно научный характер, необходимо, чтобы исторические сравнения различных степеней цивилизации самым существенным образом были приведены в соотношение с общим ходом социальной эволюции» [3; 23]. Но Тахтарёв отмечает, что Конт подходит к анализу различных состояний, последовательно проходимых человечеством, скорее как философ истории, чем социолог, и что основной закон «социальной динамики», открытие которого Конт приписывал себе, мало чем отличается от схемы Кондорсе, который по праву может быть назван наряду с Контом родоначальником генетической социологии и сравнительной истории общественных форм. Вместе с тем Тахтарёв считает подлинной заслугой Конта то, что он обратил особое внимание на значение сравнительного и исторического методов для выяснения основных ступеней развития общества и общественных форм. Главное же заключается в том, что Конт «указал правильную социологическую точку зрения, го-

воря, что все явления общественной жизни и все общественные учреждения надо всегда изучать в их взаимной зависимости и естественном отношении» [3; 24].

Рассматривая основания генетической социологии, К. М. Тахтарёв обращается к авторитету своего учителя М. М. Ковалевского, подчеркивая, что тот особое внимание уделял методологии изучения ранних общественных учреждений посредством применения сравнительно-исторического метода. Он напоминает, что Ковалевский, стремясь выяснить на основе необъятного материала общий ход развития форм человеческого общежития, указывал на громадное научное, социологическое значение сравнительного исторического метода. Тахтарёв напоминает оценку, данную историко-сравнительному методу Ковалевским, согласно которому этот метод можно рассматривать как средство построения совершенно новой ветви описательной социологии – естественной истории человеческих обществ, т. е. генетической социологии. По свидетельству Тахтарёва, его учитель пытался применить сравнительный метод одновременно к изучению самых разнообразных сторон общежития, ибо для позитивиста, коим, несомненно, он был, немислимо изучение лишь одной стороны быта народа. Таким образом, по мнению Тахтарёва, Ковалевский превращается из исследователя отдельных общественных учреждений в социолога, стремящегося к построению генетической социологии, которую он, по примеру Генри Сомнера Мэна, иногда называл «эмбриологией человеческих обществ», ограничивая задачи генетической социологии сравнительной историей развития ранних общественных форм [3; 48].

Развивая идеи генетической социологии своего учителя, Тахтарёв полагал, что главное её содержание составляет сравнительная история обществ, в основе различных форм которых лежит тот или иной образ жизни как удовлетворение человеческих потребностей с помощью определённых способов и средств существования. Он утверждал, что в соответствии с изменениями в образе жизни можно выделить пять ступеней развития общества: 1) тотемическое общество, 2) родовое общество, 3) территориальное, земляческое сельско-общинное общество, 4) феодальное общество, 5) политическое общество. Так в целом у К. М. Тахтарёва выглядела схема социальной эволюции. Он отмечал, что социолог, наблюдая общий ход развития человеческого общества и отдельных общественных учреждений, видит как повторяемость этих форм у самых различных народов на соответствующих ступенях их общественного развития, так и определенное соотношение различных общественных учреждений (систем хозяйства, брака,

семьи, форм психической жизни, правовых и политических учреждений и, наконец, общих форм организации общества, общественного сотрудничества, разделения общественного труда, образа мышления, систем мирозерцания и т. д.) как определенных общественных форм, соответствующих каждой ступени развития человечества.

Таким образом, К.М. Тахтарев, как и его учитель, М.М. Ковалевский, в своих исследованиях в области генетической социологии подвергал историко-социологическому анализу проблемы генезиса общества и его социальных институтов, осуществляя поиск общих законов общественного развития.

Примечания

1. Ковалевский М. М. Социология. Т. II. Генетическая социология или учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности. СПб., 1910.
2. Тахтарев К. М. Наука об общественной жизни, её явлениях, их соотношениях и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии. Пг.: Кооперация, 1919.
3. Тахтарев К. М. Сравнительная история развития человеческих обществ и общественных форм. Ч. 1. Л.: Госиздат, 1924.
4. Тахтарев К. М. Чем должна быть социология? // Современный мир. 1911. № 8. С. 206–238.

Т. Г. Скороходова
ПГПУ им. В.Г. Белинского

У ИСТОКОВ ИНДИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: РАММОХОН РОЙ

Поиск истоков индийской социологической мысли приводит к трудам раджи Раммохона Роя (1772–1833) – социального и религиозного реформатора, философа и просветителя, которого называют отцом современной Индии. Его жизнь и деятельность были связаны с началом периода модернизации в истории его страны, вызванным британским колониальным завоеванием Индийского субконтинента, с эпохой Индийского Возрождения. Традиционная система экономических и социальных отношений стала трансформироваться под воздействием колониальной экономики и управления, введения правовых и политических структур, характерных для индустриального экономического уклада метрополии. Раммохон Рой был одним из первых представителей нового социального слоя, связанного с колониальной компрадорской торговлей, частным землевладением, а также со службой в коло-

ниальной администрации. Этот слой в силу ряда объективных причин стал источником формирования индийской интеллигенции Нового времени, которая получала образование европейского типа и стояла у истоков развития современной науки на Субконтиненте.

Раммохон Рой родился в семье ортодоксального индуся-брахмана, получил двойное (исламское и санскритское) традиционное образование, затем самостоятельно овладел английским, греческим, древнееврейским и латинским языками, изучал историю, философию и культуру Европы, когда служил в Ост-Индской компании помощником сборщика налогов. Поселившись в 1815 г. в Калькутте, Раммохон Рой развернул активную социально-реформаторскую деятельность, боролся против самосожжения вдов (сати), детских браков, против неравноправия женщин, за распространение образования, свободу индийской прессы. В 1828 г. он основал религиозно-реформаторское общество «Брахмо Самадж» для содействия распространения монотеизма (в противовес индусскому идолопоклонству) и социальным реформам. В 1830 г. в качестве посла могольского императора Дели Раммохон Рой прибыл в Англию, где выступал в качестве эксперта по различным проблемам, связанным с возобновлением Хартии Ост-Индской компании.

В отечественное индологию наследие Раммохона Роя анализировали такие ведущие специалисты, как Е.В. Паевская, В.В. Бродов, Э.Н. Комаров, Р.Б. Рыбаков, В.С. Костюченко, С.Д. Серебряный, Е.Б. Рашковский, В.А. Пименов. В предлагаемой работе предпринята попытка реконструкции социологического содержания трудов Раммохона Роя. Истоки западной социологии обычно возводят к XVII–XVIII вв.; истоки индийской мы склонны связывать с трудами Раммохона Роя 20 – начала 30-х гг. XIX века. Само слово «социология», введённое Сен-Симоном и Контом, у него, разумеется, не присутствует, однако у него прослеживается целый ряд моментов, позволяющих говорить о формировании основ теоретического и эмпирического изучения общества.

Во-первых, его обобщения и интерпретации состояния социальных структур и институтов в современной Р. Рою Индии строятся на обширной эмпирической основе – как правило, это социальные факты, с которыми он был знаком непосредственно на личном опыте. На наш взгляд, можно говорить о присутствии в трудах Раммохона Роя социологического метода – он идёт от анализа конкретных социальных проблем (практически во всех сферах жизни индийского общества) к выявлению закономерностей функционирования и развития общества.

Во-вторых, у Раммохона Роя складывается терминологический аппарат для анализа социальной реальности; он стремится выявить в социальных процессах закономерности и рационально объяснить причины возникновения социальных проблем воздействием различных факторов.

В-третьих, можно говорить о становлении социологического мышления у Раммохона Роя: он сочетает анализ социальных отношений и структур с представлением о прогрессивном развитии общества во времени, т. е. с историческим методом. Именно у Раммохона Роя под воздействием исламской и европейской мысли впервые появляется понимание истории как поступательного линейного прогресса общества в отличие от традиционного индийского аисторизма.

Эти три предварительные соображения, выведенные нами благодаря анализу трудов Раммохона Роя, позволяют говорить о возможности реконструировать социологические аспекты его наследия.

В отличие от западной интеллектуальной традиции, вплоть до XVIII в отождествлявшей понятия общества и государства, у Раммохона Роя сразу прослеживается чёткое разграничение этих терминов. С одной стороны, он знаком с европейской мыслью эпохи Просвещения, в которой эти категории уже разделены, с другой – это объясняется и особенностями индийской цивилизации, на которые указал востоковед Л. С. Васильев: общество в Индии вполне могло существовать без сильного государства, без эффективной администрации, ибо внутренние его законы с успехом выполняли политико-административные функции [1; 158]. Жёсткая кастовая система статусов-сословий была формой самоорганизации и саморегуляции индийского общества, что позволило учёному утверждать: «Образно говоря, индийское общество могло бы и не заметить, если бы государство исчезло вовсе,... тогда как во всех остальных древневосточных структурах не только гибель, но и ослабление государства влекли за собой кризисные явления, болезненно отражавшиеся на всём обществе» [1; 238]. И в древней, и в средневековой Индии преобладали относительно кратковременные государственные образования, поэтому неудивительно, что Раммохон Рой чётко разделяет общество и государство.

Взгляды Раммохона Роя на общество сочетают универсальный подход и конкретно-историческое видение. В широком смысле общество выступает как всё население земли: «Всё человечество есть одна великая семья, в которой многочисленные нации и племена существуют в качестве её разнообразных ветвей» [5; 502.]. В узком смысле общество – это население определённого региона или страны: европей-

ское, английское, французское, индийское, и т. д., локализованное в географическом пространстве, где люди создают собственную социальную структуру и культуру. Социальное и культурное пространство (включая общность религии и языка) предстаёт у мыслителя как первичное, а пространство политическое – не просто вторичное, но и нарушающее социальное единство общества (как, например, в Индии) [7; 1–2]. Основным вектор развития современных ему обществ Раммохон Рой, как истинный просветитель, видел в поощрении человеческого взаимодействия в любом виде и снятия препятствий на его пути [5; 502], то есть в прогрессе универсального общества, объединяющего всё человечество.

Фундаментальная для европейской мысли XVII–XIX вв. идея гражданского общества была воспринята Раммохоном Роем и применена в анализе состояния современного ему индийского общества, а также в социальной практике борьбы за реформы. Так, в ответ на «Правила и Постановление» британского генерал-губернатора в 1823 г. о введении политической цензуры было составлено Прошение в Королевский Совет о защите свободы прессы. В нём Раммохон Рой указывает, что благотворная роль господства Британии в Индии состоит в совершенствовании духовной и социальной жизни индийцев благодаря поощрению образования, совершенствованию политического управления и правосудия, поощрению гражданских и религиозных свобод. Свобода печати – это неотъемлемая черта гражданского общества, позволяющая людям защищать свои социальные, гражданские и политические права от посягательств со стороны политических структур. Благодаря свободе печати общество получает ряд преимуществ – распространение знания, социальное и интеллектуальное совершенствование, осуществление связи и взаимодействия властными структурами и обществом, социальный контроль за законностью действий власти и устранение злоупотреблений [5; 444, 431, 439, 443, 438].

Гражданским в понимании Раммохона Роя является не всякое общество. В деспотических государствах люди не обладают гражданскими свободами, находятся в состоянии угнетения, вызывающем деградацию общества, социальную нестабильность, восстания и революции. «Непросвещённое», деспотическое государство не знает и разделения властей, что оборачивается бесконтрольностью и безнаказанностью злоупотреблений. В таких государствах «народ... всегда готов к восстанию» [5; С.443]. В просвещённых, цивилизованных странах, где политическая власть разделена на законодательную, исполнительную и судебную, охраняет нерушимые права граждан, мятежи и революции

редки, так как общество сопротивляется не власти, а её злоупотреблениям с помощью различных институтов, в том числе – прессы. Гражданское общество в представлении Раммохона Роя – это общество, в котором каждый человек обладает равными правами и свободами и имеет все возможности для их защиты, в том числе в суде и в печати. Это общество, которое контролирует властные структуры на предмет соблюдения законности действий и прав граждан. В «Ответах на вопросы о состоянии судебной системы» Раммохон Рой обращает особое внимание на формы общественного самоуправления (например, сельские *панчаяты*), которые решают, помимо прочего, правовые вопросы. Значимая роль местного самоуправления, таким образом, является ещё одной характеристикой гражданского общества.

Соответственно критерию наличия или отсутствия гражданского общества у Раммохона Роя складывается дихотомия-типология «недостаточно цивилизованных» (или «непросвещённых») и цивилизованных, просвещённых народов, причём эта типология тесно привязана к характеру политической власти – «деспотической», которая подавляет общество, и «просвещённой». Разграничивая типы обществ, мыслитель указывает, по сути, на традиционные и модернизированные общества, причём это разграничение основано на сравнении восточных и западных обществ.

В отличие от западных социально-философских концепций, представляющих государство производным от общества институтом, являющимся одним из его структур, у Раммохона Роя прослеживается известное противопоставление государства обществу. Это во многом объясняется «внешним» по отношению к населению Индии характером британской (а ранее – мусульманской) власти, а также отмеченными выше особенностями взаимодействия индийских общин с политическими структурами. Общество либо противостоит деспотическому государству и поэтому оказывается более конфликтогенным, либо находится в состоянии сотрудничества с «просвещёнными» властными структурами. В последних государство выступает более как инструмент защиты интересов личности и общества, в противоположность деспотизму восточных или европейских монархий. Только такое взаимодействие между обществом и государством способно содействовать обновлению и развитию. В применении этой социологической по содержанию схемы к исторической ситуации в Индии очевидно стремление реформатора воспринять, «поставить на службу» обществу все позитивные достижения и институты, принесённые британским колониальным господством. На это обращает внимание профессор Радха-

раман Чокроборти: «Раммохон был первым, кто почувствовал, что с приходом западной державы, которая выказала столько признаков связывания Индии в сплочённую политическую единицу, настало благоприятное время для того, чтобы устранить клин, вбитый между государством и обществом в этой стране, и позволить государству сделать всё возможное для обновления общества, прежде чем последнее начнёт движение в этом направлении» [4; 20].

Социологический по содержанию анализ Раммохон Рой применяет к рассмотрению проблем индийского общества. Особое внимание он уделяет социальной структуре – это первый анализ, сделанный индийцем Нового времени. Раммохон Рой сравнивает средневековую и современную ему социальную структуру колониальной Индии и определяет три основных социальных слоя по экономическому принципу (владение землёй) – крестьяне (райяты), помещики (заминдары) и правительственные круги. Сменившие мусульманских правителей британцы сохранили прежнюю систему получения государственных доходов и превратили землевладельцев-заминдаров в частных собственников – некое подобие британских лендлордов. Помимо этих социальных слоёв Раммохон Рой указал на возникновение слоя чиновников-управленцев, а также торговцев, делающих состояния на посреднических операциях и нередко становящихся заминдарами.

В работе «О состоянии индийского общества» мыслитель предлагает несколько иную структурную модель индийского общества – делит его на классы, учитывая экономическое положение, образование, отношение к власти: сельское население, жители столиц, городов и пригородов, которые занимаются торговлей и бизнесом, либо занимают должности клерков и агентов. В такой структуре Раммохон Рой связывает социальное положение с моральным состоянием. Наиболее высокий уровень нравственности у крестьян, зарабатывающих на жизнь собственным трудом, живущих впроголодь в бедных лачугах и получающих гроши за свой труд. Сельское население, «как и народ любой другой страны», отличается высокой моралью, простой и воздержанной жизнью: «Чем дальше я продвигался к северу и западу, тем с большей честностью, непритязательностью и независимостью характера я встречался», – пишет Р. Рой [7; 77]. Представители двух других классов воспринимают у европейцев новые привычки и взгляды на жизнь, их религиозные убеждения были поколеблены, а новые принципы не были усвоены, и в большинстве своём они находятся в «плачевном» моральном состоянии и склонны к совершению бесчестных поступков. Но достаточно среди них и людей, действительно занятых

достойным трудом, носителей высоких моральных качеств, пользующихся уважением в обществе за свой труд, заслуги и характер [7; 78]. Социологический подход к определению состояния морали в обществе привёл Раммохона Роя к установлению зависимости между экономическим расслоением, местом проживания и возможностями межличностного общения. Носителем и хранителем морали выступает сельское население, а размывание этических и религиозных принципов у более высоких слоёв социальной иерархии имеет тенденцию обернуться их моральной и социальной деградацией.

Предпринятый Раммохоном Роем анализ структуры, слоёв и классов, которые присутствуют в конкретном индийском обществе, говорит о формировании социологического подхода в индийской мысли Нового времени. Структурирование идёт не по традиционной кастовой системе (хотя в работах по вопросам религии Раммохон Рой характеризует брахманов как влиятельный слой индусской общины), а по критериям дохода, по отношению к собственности, к власти, по уровню образования, а также по месту проживания. Тенденция к рассмотрению социальной структуры через объединение критериев дифференциации сочетается у Раммохона Роя с неизменным объяснением реальных причин явлений, с попыткой выявления зависимостей и закономерностей социальных процессов. Не менее важно внимание реформатора к моральным ценностям в обществе. Он приходит к выводу, что в моральном отношении более цельно и стабильно сельское (т. е. традиционное) общество, в котором основную массу составляют крестьяне – беднейшие слои населения. Размывание ценностей в городах, на стыке европейской и индийской цивилизаций оборачиваются упадком морального состояния и образа жизни индийцев-горожан.

Рассмотрение социальных проблем колониальной Индии в трудах Раммохона Роя позволяет говорить о формировании основ институционального подхода к анализу общества. Тематика его трудов касается всех основных институтов – семьи, образования, политики, экономики, религии, а также права и прессы.

Масштабного анализа института семьи у Раммохона Роя нет, однако вскрыты основные социальные проблемы, возникающие из-за подчинённого положения женщин в семье и в обществе, и предпринята попытка объяснить зависимость между упадком морали в обществе и бесправием женщин. Работы Раммохона Роя в известной степени ограничены рассмотрением положения женщин в высоких кастах индусской общины, однако обличение таких социальных пороков как пожизненное вдовство и обычай самосожжения вдов, детские браки, по-

лигамия высококастовых мужчин-брахманов позволило реформатору придти к выводу, что бесчеловечное, негуманное отношение к женщине – это, в сущности, бесчеловечность в отношении каждого члена общества, оборотной стороной которой становится социальный упадок социума.

Во «Второй беседе Защитника и противника сожжения вдов заживо» Раммохон Рой не просто показал вопиющую картину бесправия женщин, но и предложил положительную программу социального реформаторства в этом направлении: 1) образование для женщин; 2) освобождение женщин от тирании патриархального общества, в котором господствуют мужчины; 3) борьба с многожёнством; 4) признание равных прав женщин и мужчин во всех сферах жизни, в первую очередь – в семье [7; 154–155]. Помимо этого, как отмечал в своей работе Э. Н. Комаров, Раммохон Рой высказывался против ранних браков и за вторичное замужество вдов, хотя и не публично [2; 32]. Таким образом, очевидно, что социологическое содержание трудов Раммохона Роя, касающихся семьи и положения женщин, ориентировано на практическое применение в социальной жизни – улучшение общественной морали, борьбу против социально-патологических явлений, позитивное развитие, движение к гендерному равенству прав.

В сфере образования Раммохон Рой выступил в поддержку распространения европейских наук и системы образования, не отвергая ценности традиционного восточного знания. Образование, воздействующее на образ мышления и образ жизни, является для мыслителя решающим фактором общественного развития. Устранение социокультурного, политического, экономического и религиозного упадка возможно, если индийцы получают широкий доступ к европейскому научному знанию. В письме к генерал-губернатору У.П. Эмхерсту Раммохон Рой призвал британские власти поддерживать в Индии «свободную и просвещённую систему образования, которая включала бы в себя математику, естественную философию, химию, анатомию и прочие полезные науки» [5; 460; рус. перевод см: 3; 167–169], а также повышать расходы на образование, а не оказывать правительственную поддержку санскритской системе обучения. Последняя «наилучшим образом рассчитана на поддержание невежества» и, подобно системе схоластического обучения, существовавшей до XVII в. в Европе, может оказаться «наилучшим образом рассчитанной на поддержание нашей страны во тьме, если только сему попустит политика Британского Законодателя» [5; 460; 3; 168]. Поэтому реформатор выступает за синтез двух систем образования для общественного прогресса. С одной

стороны, традиционные системы образования, носящие религиозный характер, интегрируют социокультурный опыт поколений и позволяют воспроизводить его, поддерживая стабильность общества. С другой стороны, западная система носит по большей части светский характер и практически ориентирована на социокультурное и экономическое развитие; в центре её внимания находятся естественные и точные науки. Каждая из систем образования важна, но недостаточна сама по себе. Необходимость преодоления социального упадка диктует индийцам обращение к западным наукам и системе образования, не отказываясь от традиционного наследия, которое не перестаёт воспроизводиться через собственные индийские образовательные институты.

Политические системы, их отличия и особенности на Востоке и Западе также находятся в сфере внимания Раммохона Роя. Одной из главных заслуг мыслителя стало, по нашему мнению, рассмотрение колониальной системы управления и выявление её характера. Англия была для него страной, где действует модель правового государства: в ней существует разделение властей на три ветви, равенство прав граждан и возможность защищать их с помощью правовых институтов. В древней Индии также, по мнению мыслителя, существовало разделение властей – между варнами (брахманы представляли законодательную, кшатрии – исполнительную власть), и, пока власти не смешивались, общества были стабильны [7; 167].

Нарушение принципа разделения властей в деспотических государствах вызывало тиранию и угнетение, и, следовательно, ущемление прав населения. В средние века системы правления в Индии чаще строились по деспотической модели. Британское завоевание Индии стало вполне закономерным, если учесть, что отсутствие стабильного политического единства делало различные области страны уязвимыми со стороны иноземных завоевателей, а «понятие патриотизма никогда не возникало» [7; 3]. Другие причины завоевания – междоусобицы и малодушие индийских князей, невежество населения, современное искусство ведения войны, применённое англичанами, могущественная поддержка Ост-Индской компании со стороны военных и морских сил британской короны [7; С.3,4].

В Индии установлена система британского управления, сочетающая и европейские, и азиатские черты: политические и правовые функции исполняются по западному образцу, но у местных властей было до 1793 г. право вносить изменения по своему усмотрению. Консолидацию британской власти в Индии в политическом и юридическом плане Раммохон Рой связывает с деятельностью маркиза Корнуоллиса:

он приблизил системы управления, налогообложения и судопроизводства к институтам, существующим в Англии [7; 6]. Однако «азиатские» черты продолжают присутствовать в деятельности исполнительной и судебной власти на местах. Совмещение двух ветвей власти, когда чиновник разрывается между решением «вопросов жизни и смерти», охраной правопорядка и коммерческими делами, касающимися политики и налогообложения, по мнению Раммохона Роя, «с точки зрения морали... невозможно... для осуществления ожиданий правительства и обществу» [7; 22]. Поэтому важнейшее требование к политической системе – реализация интересов общества, содействие его развитию. Для развития индийского социума, находящегося под властью Ост-Индской компании, полезно не только становление и закрепление политических и юридических институтов по английскому образцу, но и культурно-просветительская политика новой власти, ориентированная на распространение европейского просвещения и науки.

Важная тема социально-политической аналитики Раммохона Роя – отношение индийского населения к существующей форме правления. Здесь он прослеживает социально-структурную дифференциацию: основная масса народа – крестьянство и жители внутренних районов страны «совершенно не знают и абсолютно безразличны как к прежнему, так и к настоящему правлению и связывают защиту, которой они могут пользоваться, и угнетение, от которого они могут страдать, только с управлением чиновников, непосредственно стоящих над ними» [7; 80–81]. Иными словами народу, занятому добыванием хлеба насущного, нет времени даже задуматься о своём положении, не говоря уже о политике.

Недовольство новой властью выражают слои населения, утратившие прежние позиции и статус в новых условиях. Однако существует слой населения, представители которого заняты бизнесом или являются крупными земельными собственниками. С британским правлением они «не только примирились, но и реально рассматривают его как благо для страны» [7; 81]. Поэтому британцы должны предоставить им возможности постепенного продвижения на ответственные и уважаемые должности.

Тема участия населения во власти обусловлена симпатиями Раммохона Роя к демократическим государствам; однако здесь существует и практический момент – стремление к совершенствованию социально-политической системы в Индии. В начале XIX века индийцы были изолированы от власти, но, возможно, что они были бы верными сторонниками новой системы правления, если бы участвовали в работе

исполнительной власти. Отвечая на вопросы британских парламентариев о налогообложении и судебной системе, Раммохон Рой впервые предложил увеличить масштаб участия индийцев в системе отправления правосудия и в исполнительной власти. По его убеждению, это позволит улучшить состояние местного населения, а со временем приведёт к продвижению «уважаемых и способных туземцев на достаточно высокие должности и посты в государстве, – либо в сотрудничестве, либо *отдельно от их британских братьев-подданных*» (курсив наш. – Т.С.) [7; 35–36].

В трудах Раммохона Роя предлагается конструктивная схема анализа политических систем, исходя из дихотомии «деспотия – демократия», а также наличия или отсутствия правового государства. В системе правового государства, по мнению реформатора, ведущая роль должна принадлежать судебной системе и свободной прессе.

Анализируя достоинства и недостатки Судебной системы Индии, Раммохон Рой показал, что за правовыми отношениями стоят отношения социальные. Именно социальные отношения оказывают отрицательное воздействие на отправление правосудия в Индии. Каждый недостаток судебной системы влечёт за собой вереницу следствий, которые в комплексе вызывают недоверие населения к суду как таковому. Бедность основной массы сельского населения не позволяет ему защищать свои интересы в суде из-за высоких расходов и увеличивающихся эти расходы злоупотреблений. К тому же судебные инстанции находятся вдали от сельских территорий: «бедные классы вообще не могут идти искать разоблачения любой несправедливости, в частности такой, когда их угнетают более богатые соседи, обладающие большим влиянием в своей местности» [7; 8]. Отношения господства над крестьянами землевладельцев, арендаторов-сборщиков налогов, местных властей ставит истцов-крестьян в неблагоприятное положение.

Для слоёв населения, которым доступно отстаивание своих интересов в суде, отправление правосудия также сопряжено с множеством трудностей. Делопроизводство ведётся на персидском языке, одинаково чуждом и для истцов, и для ответчиков, и для судей-европейцев. Существующее законодательство – это конгломерат инструкций и законов мусульманского и индусского права, что порождает всевозможные злоупотребления. Раммохон Рой указывает и на «различие нравов» между европейцами и индийцами, что затрудняет общение и взаимодействие, а значит, и вынесение справедливых судебных решений. Европейские судьи не всегда с должным уважением относятся к местным истцам, и это объясняется принадлежностью судей к прави-

телям страны и их отношением к местному населению как к людям низшего ранга [7; 12]. Подобные расовые предубеждения оборачиваются коррупцией: чтобы избежать враждебности судей, индийцы вынуждены давать взятки – как, впрочем, и для того чтобы ускорить рассмотрение дел [7; 13]. Особое внимание Раммохон Рой уделяет гласности судебной системы. Отсутствие гласности не позволяет обществу контролировать отправление правосудия, что имеет следствием подделку документов, лжесвидетельство и коррупцию. Для того чтобы право было реальным средством достижения гармонии и прогресса в обществе, Раммохон Рой предлагает систему принципов и мер. К принципам он относит гласность судопроизводства, доступность суда для всех слоёв населения, упорядоченность законодательной системы и общественно-политический контроль за деятельностью чиновников. Необходимы механизмы пресечения подделки документов и коррупции. Не последней мерой в этом направлении является повышение социального статуса юристов (особенно местных, индийских) в обществе – поскольку они выполняют сложную и необходимую и власти, и населению работу, то должны получать достойную оплату за свой труд [7; 15–17]. Правовая система должна стать, во-первых, механизмом обеспечения реализации социальных и гражданских прав населения, а во-вторых – способствовать развитию социума, разрешая возникающие конфликты.

Пресса и печать – другой важный общественный институт, имеющий политическое значение и вес. Помимо просветительских и информационных функций она позволяет свободно выражать и отстаивать мнение населения по политическими социальным вопросам [5; 442]. В условиях, когда население не имеет доступа во властные структуры, пресса становится средством взаимодействия между гражданами и государством – разоблачает злоупотребления, выявляет проблемы, предотвращает назревающие конфликты, информируя власти о нарастающих противоречиях. Власти получают возможность улавливать недовольство населения и предпринимать меры, чтобы гасить напряжение. Правительство, со своей стороны, использует прессу для разъяснения своих намерений или как орудие защиты от критики [5; 438]. Если же власть наступает на свободу прессы, это говорит о её «деспотическом» характере: таким путём государственные служащие стараются скрыть свои злоупотребления.

Пресса в трудах Раммохона Роя выступает как полноценный социальный институт, отвечающий потребности общества в информации

и выполняющий, помимо перечисленных, функцию социального контроля над властными институтами.

Вопросы экономики в трудах Раммохона Роя рассматриваются в связи с проблемой взаимоотношений колониального британского бизнеса, а также с вопросами налогообложения. Отношение Раммохона Роя к вторжению европейского капитала в экономику Индии можно характеризовать как положительное: он был сторонником отмены ограничений на расселение в Индии европейцев, которые приносят индийцам образование, науку, философию, культуру, технические достижения и новые экономические возможности [7; 82–83]. Возможную отмену монополии Ост-Индской компании на индийском рынке он приветствует, выбирая принцип свободной торговли в противовес протекционизму. Однако за стремлением привлечь европейцев к труду на благо Индии Раммохон Рой не видит опасности, на которую справедливо указали исследователи его воззрений: приветствуя европейский бизнес-капитал и технические ноу-хау, чтобы дополнить местное предпринимательство, он не сумел понять, что вторжение бесчисленных фритредеров скоро поглотит позитивные приобретения, пришедшие в страну из-за рубежа [4; 29]. Тем более удивительно, что он не видел постоянного разрушения производственной экономики Бенгалии из-за деятельности британского капитала [См. 8]. В контексте всех остальных социологических выводов Раммохона Роя защита свободы торговли выглядит больше прагматической, чем научной: ряд его соратников были предпринимателями, считавшими отмену монополий выгодной.

Однако известная узость взгляда Раммохона Роя на отношения в торгово-промышленной сфере щедро компенсировалась глубоким социологическим анализом отношений собственности в сельском хозяйстве. Прежняя мусульманская система правления признавала владельческие права крестьян и помещиков; новая система признала помещиков-заминдаров частными собственниками (в Бенгальском президентстве). Там же, где собственником является крестьянская община, положение райятов ничем не лучше, чем положение крестьян, которые платят ренту заминдару. Защищая интересы беднейших социальных слоёв, Раммохон Рой представляет анализ социальной поляризации и её причин.

Попытка насаждения в Индии с 1793 г. системы, подобной британскому лендлордизму, не удалась, поскольку выгодна в первую очередь Правительству Индии, которому обеспечивает стабильный высокий доход в казну. Заминдары, ставшие полноправными собственни-

ками, уплачивают в казну крупный фиксированный налог (9/10 или 10/11 от полученной ими с крестьян ренты), но это не ведёт к улучшению способов хозяйствования, а оборачивается разорением крестьянства и непроизводительными тратами средств (доход идёт на предметы роскоши, обряды и т. п.). «Собственники в большинстве своём добровольно пренебрегают земледелием, чтобы избежать повышения налогов, причём это разорительно для них самих и невыгодно Правительству», – отмечает Раммохон Рой [7; 60].

Раммохон Рой выявил главную социальную проблему индийского общества – бедственное положение индийского крестьянства, у которого забирают последнее в виде ренты. Обе существующие системы налогообложения – *заминдари* (налог с помещика) и *райятвари* (налог с крестьян на землях, где отсутствует крупное землевладение) – вызывают бедность: «в одной они (крестьяне. – Т.С.) предоставлены на милость алчности и амбиций заминдара, в другой – подвергаются вымогательству и интригам инспекторов и других правительственных чиновников по сбору налогов» [7; 50]. Крестьяне полностью бесправны перед любыми злоупотреблениями, а за неуплату ренты их арестовывают, конфисковывают имущество и земельный участок. Механизм юридической защиты их интересов отсутствует. Раммохон констатировал перспективу тупикового развития экономики из-за резкой социально-экономической поляризации общества и обнищания крестьянства. Мыслитель не ограничился констатацией печальной перспективы, но на основе анализ проблемы бедности предложил конкретные меры её решения: запрет на увеличение ренты с крестьян, снижение слишком высоких ставок ренты, фиксация максимального уровня ренты в разумных пределах, ограничение произвола чиновников и помещиков в судебном порядке и введение налога на роскошь [7; 63,52,56,64]. Последняя мера позволит стимулировать экономическую активность заминдаров, превратит их в действующих субъектов экономических отношений.

Раммохон Рой не только первым из индийцев проанализировал социально-экономическую структуру индийских регионов, но и впервые указал на роль, которую могло бы играть государство в снижении масштабов бедности и в повышении социальной и правовой безопасности населения страны. Социально-политическая роль государства выступает на один из первых планов именно в трудах Раммохона Роя, посвящённых экономическим проблемам.

Наконец, целый ряд трудов мыслителя посвящён религии. Помимо теологических вопросов, связанных с реформированием индуизма,

в работах содержатся социологические аспекты. Уже в первом трактате «Дар верующим в Единого Бога» («Тухфат-ул-Мувахиддин», 1804) Раммохон Рой определил структурные компоненты религии, которые присутствуют в разных конфессиях и сектах – абсолютная вера, обусловленная «природой» («естественной» верой в Бога), относительная вера, являющаяся результатом особого воспитания и обычая, доктрины и заповеди запретного и дозволенного, а также обряды и ритуалы, искусственно созданные людьми (в отличие от «естественной веры») [6; Т.4., 948, 943]. В любой религии присутствует вера в душу и иной мир, но со временем она обрастает множеством ритуалов, ограничений и представлений, которые становятся «причиной ущерба и вреда для общественной жизни и источником трудностей и лишений для людей, вместо того чтобы способствовать улучшению состояния общества» [6; Т.4., 947].

Раммохон Рой обосновывает рационалистический подход к анализу религий и необходимость их сравнительного изучения. Он впервые в Индии Нового времени стал рассматривать различные религии с исторической точки зрения: все события и явления в жизни верующих и их последователей от современности отделяют столетия, поэтому их истинность доказывают только с помощью авторитета традиции, но и традиции изменяются во времени, обрастают вариантами и дополнениями. Таким же образом меняются религиозные установления и формы на различных стадиях развития общества. Однако авторитет традиции и религиозных лидеров оказывает огромное воздействие на верующих.

Заслугой Раммохона Роя стал анализ социальных противоречий, связанных с религией. Он выявляет противоречивую роль священнослужителей и религиозных лидеров социума: с одной стороны, они устанавливают порядок отправления богослужения и организации жизни верующих, оказывая этим известное влияние на упорядоченность социальной жизни; с другой – заявляют об исключительной истинности своей религии, делают всё для поддержания своей репутации, подавляют всякую склонность к поиску религиозной истины, подчиняют своей воле огромные массы верующих. Авторитетом религиозных лидеров Раммохон Рой объясняет тот факт, что большинство верующих подчёркивают особенности своей веры, форм богослужения и практик, что ведёт к разделению религий.

В трудах Раммохона Роя прослеживается также идея о том, что догматизм и сектантство не способствуют социальному единству, так как превращают жизнь в конфликтное существование узких групп,

противостоящих друг другу: «...Члены каждой частной группы полагаются на хорошие результаты их собственных действий и на плохие результаты действий последователей других религий в жизни после смерти. ...Следовательно, они сеют предубеждения и разобщение вместо чистоты и искренности...» [6; Т.4, 948].

Сравнивая индуизм и ислам, индуизм и христианство, Раммохон Рой выдвигает положение о противоречии между верой в Бога и верой в установленное людьми. Ритуалы, обычаи, традиции, представление о запретном и дозволенном имеют чисто социальный характер, и в силу этого вызывают проблемы и конфликты, отрицательно сказывающиеся на жизни общества как такового.

Структурная и институциональная аналитика неотделима у Раммохона Роя от выяснения факторов, воздействующих на жизнь и развитие обществ. В объяснении явлений и процессов социальной жизни Раммохон Рой далёк от монокаузальной интерпретации. В работе «О состоянии индийского общества» он объясняет слабость физической конституции и сниженную физическую активность индийцев воздействием жаркого климата (географический фактор), а также религиозными запретами на употребление животной пищи у индусов [7; 76]. Бедственное положение сельского населения Раммохон объясняет низкой оплатой труда (экономический фактор) и демографическими процессами: положение бедняков отягощено высокой рождаемостью, обусловленной ранними браками и постоянным проживанием мужчин со своими семьями. В этом случае эпидемии и смертность от болезней являются едва ли не единственными естественными средствами ограничения роста населения и парадоксальным образом улучшают положение бедных тружеников [7; 78].

Одним из важнейших факторов развития общества у Раммохона Роя выступает образование, в котором он видит панацею от большинства социальных зол. Недостаток образования оборачивается узостью мышления, распространением суеверий, упадком общественной морали, возможностью для одних, более высоких социальных слоёв держать в подчинении другие. Классический пример этому в трудах Раммохона Роя – варна брахманов, которая, ограничивая доступ к изучению священных книг, обеспечивает себе высокий социальный статус и монопольное право диктовать населению свою волю в сфере религиозной и социальной жизни. «Скрывая ваши священные книги от вас, брахманы постоянно учат вас следующим образом: верьте во всё, что мы ни скажем вам, не изучайте и даже не прикасайтесь к вашим священным книгам, совершенно забудьте о своих мыслительных способ-

ностях, какими бы принципами мы ни руководствовались, смотрите на нас как на земных богов, смиренно почитайте и умиловляйте нас, жертвуя нам большую (если не всю) часть вашего имущества», – так в предисловии к переводу одного из священных текстов Раммохон Рой характеризует социальную позицию служителей культа [6; Т.1, 71].

Е. Б. Рашковский справедливо отмечает, что Раммохону Рою, как и другим восточным просветителям, не хватало остроты социального видения, поскольку внедрения тонкого синтеза европейской и автохтонной культуры в узкие кружки местных мыслителей было явно недостаточно, чтобы вывести из состояния подавленности и гнёта многомиллионные низы. Но культурологическая сторона дела была угадана правильно [3; 65].

Интерпретация фактов и событий в трудах Раммохона Роя, на наш взгляд, более всего напоминает просветительские трактовки, однако внимание к множеству факторов делает его своеобразным предтечей позитивистского подхода к анализу и объяснению общественно-исторических процессов.

Впервые в индийской мысли Нового времени Раммохон Рой ставит вопрос о развитии социума в духе линейного понимания истории. Р. Чокроборти указывает, что Раммохон Рой страстно выступал за социальные изменения и работал на них, но не был революционером: «У него было трезвое понимание того, что индийское общество его времени просто не подходит для революционных трансформаций, но податливо к медленному корректированию. Поэтому он всегда выступал за реформы изнутри» [4; 22].

И революции, и реформы были для Раммохона Роя необходимым компонентом общественного развития, совершенствования социальных отношений и повышения «комфорта и счастья» человека. Хорошо известны его симпатии к революциям и освободительным движениям в европейских странах – к Великой Французской революции, борьбе испанцев, итальянцев, ирландцев. Не меньшие симпатии вызывали движения за политические и социальные реформы. Так, он проявлял огромную заинтересованность в победе движения за парламентскую реформу в Англии (1832), считая, что от успеха реформы «зависит благосостояние не только Англии, но и всего мира». В одном из писем он оценивает её следующим образом: «Борьба идёт не просто между реформаторами и противниками реформ, но между свободой и тиранией по всему миру, между справедливостью и несправедливостью, между добродетелью и грехом. ...Размышляя над событиями истории, мы ясно видим, что либеральные принципы в политике и религии медленно, но

неуклонно обретают почву, несмотря на противодействие и упорство деспотов и изуверов» [6; 925].

Приведённое высказывание, как и многие другие, свидетельствует о присутствии в построениях Раммохона Роя представления об общественном прогрессе, который складывается из диалектического взаимного дополнения реформы и революции в социальном развитии. Развитие идёт через преодоление сопротивления консервативных сил и устаревших традиций, перестающих отвечать общественным потребностям. Однако Раммохон Рой никогда не зовёт к полному разрыву с традицией и наследием прошлого. В духе просветительского рационализма он предлагает оценивать явления с точки зрения здравого смысла, отбрасывая всё, что противоречит разуму. Между тем для получения действительно реальных результатов реформ требуется найти сходство между элементами традиции и инновации, изменить отжившее новым, сохранить испытанное временем.

Представления о развитии у Раммохона Роя неразрывно связаны с историческим подходом к анализу общественных явлений и институтов – религии, имущественных отношений образования, положения женщин в индусской общине, государства. В записке для британского парламента «Индия, её границы и история» он представляет развитие общества как поступательный процесс и даёт периодизацию индийской истории – период княжеств и государств (т. е. древний); период мусульманского завоевания; период британского завоевания. В отличие от многих современников, считавших, что «золотой век» индийцев остался в прошлом, Раммохон Рой связывает с британским завоеванием в первую очередь положительные изменения, принесённые Индии, не забывая критиковать негативные черты нового политического режима. «Я чувствую вдохновение при мысли, что в Европе усердно поощряется литература, широко распространяются знания, в почти совершенном состоянии находится механика, ежедневно прогрессирует политика и в целом соблюдаются с образцовой точностью моральные обязанности...» [7; 6]. По его убеждению, на смену современному состоянию индийского общества должно придти новое, просвещённое, чему будет способствовать британское правление. Типично просветительский исторический оптимизм Раммохона Роя имеет и социологическое содержание, заключённое в идее общественного прогресса в направлении совершенствования общественной системы.

Интерпретация социологического содержания трудов Раммохона Роя позволяет говорить о складывании предпосылок развития социологии в Индии, о создании общих теоретических основ социологиче-

ского анализа общества и о практической ориентации его выводов на социальные реформы.

Предпосылки становления социологии как особой науки о социальных отношениях в трудах Раммохона Роя складываются, во-первых, из представления об обществе («гражданском обществе»), которое включает в себя ряд сфер, в том числе – политическую. Государство мыслится Раммохоном Роем как инструмент достижения общественных целей, а не как институт, подавляющий общество. Во-вторых, возникает историзм как способ мышления и один из подходов к анализу развития общества. Наконец, в-третьих, Раммохон Рой стал первым индийцем, обосновавшим важность науки в развитии общества и – косвенно – научного рационального подхода к его анализу. Заметим, что благодаря «эпохальной деятельности» (Ш. Шоркар) Раммохона Роя, освоившего наследие европейского Просвещения и цивилизации, к началу 1830-х гг. сложились предпосылки возникновения социологии не только на Западе, но и на Востоке, в Индии.

В работах Раммохона Роя формируются теоретические основы социологического анализа общества: типология обществ и политической организации, институциональная направленность анализа, представление о социальной структуре и различных критериях дифференциации, гендерное измерение социальных явлений, идея социального развития (путём реформ и/или революций), кроме того, сделан акцент на социальном взаимодействии.

К теоретическим обобщениям Раммохон Рой приходит от эмпирии индийской действительности, которую анализирует в первую очередь как практик-реформатор. Одно то, что он рассматривает индийский социум, заведомо исключает европоцентризм, столь характерный для западной социальной мысли. Но и «азицентризм» у мыслителя отсутствует: он одинаково ценит как европейский, так и азиатский социально-исторический опыт. Объективно такой анализ обогащает представления о многообразии и особенностях мировых сообществ.

Все труды Раммохона Роя, касающиеся общественных проблем, изначально создавались с практическими целями – либо для защиты прав различных социальных групп, либо для инициирования социальных реформ, либо для содействия (или противодействия) принятию политических решений, имевших социальное содержание. Его выводы имеют гуманистический характер, так как сопровождаются поиском путей решения социальных проблем и практическими рекомендациями программного характера. Поэтому социологическое содержание трудов Раммохона Роя вырастает из обобщения реальных фактов, содер-

жит социально-политические и социально-реформаторские компоненты и ориентируется на борьбу с социальным злом и общественное развитие.

Примечания

1. Васильев Л. С. История Востока: В 2-х тт. Т.1. М., 1993.
2. Комаров Э. Н. Рам Мохан Рай – просветитель и провозвестник национального движения в Индии // Общественно-политическая и философская мысль Индии. М., 1962.
3. Рашковский Е. Б. Научное знание, институты науки и интеллигенция в странах Востока XIX–XX века. М., 1990.
4. Chakraborti R. Rammohun Ray: His Vision of Social Change // The Bengali Intellectual Tradition: From Rammohun Roy to Dhirendranath Sen / Ed. by A. K. Mukhopaddhay. Calcutta, 1979.
5. Collet S. D. (and Stead F. H.) The Life and Letters of Raja Rammohun Roy. Ed. by D. K. Biswas and R. Ch. Ganguli. 3rd. ed. Calcutta, 1962.
6. Roy Raja Rammohun. The English Works. / Ed. by J.C. Ghose. 4 vols. New Delhi, Cosmo, 1982.
7. Roy Raja Rammohun. Selected Works. New Delhi, 1977.
8. Sen Asok. The Bengal Economy and Rammohun Roy // Rammohun Roy and Process of Modernization in India. New Delhi, 1975.

О. Кухова

(Научный руководитель д. и. н., проф. А. С. Попов)

ПГПУ им. В.Г. Белинского

«СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ» ЗИГМУНТА БАУМАНА

Автор известной концепции «социологического воображения» американский социолог Чарльз Райт Миллс считал, что индивид может осмыслить свой жизненный опыт только в контексте своего времени и своего общества. Он был убежден, «только тот, кто обладает социологическим воображением, способен понимать какое влияние оказывает действие исторических сил на внутреннее состояние и жизненный путь людей» [2; 13].

Несомненным развитием концепции «социологического воображения» Миллса явился призыв видного британского социолога Зигмунта Баумана «мыслить социологически». Под этим он совершенно в духе Миллса понимал необходимость постоянно сравнивать наш личный опыт с судьбой других людей, «увидеть социальное в индивидуальном, общее в частном», понимать «как наши индивидуальные биографии переплетаются с историей, которую мы разделяем с другими людьми» [1; 16]. Для этого, как полагал Бауман, следует преодолеть стереоти-

пы так называемого «здорового смысла», а именно – отойти от кажущейся самоочевидности предписаний рутинной, монотонной природы повседневной жизни, её привычности и узнаваемости, взглянув на неё с социологической точки зрения. Искусство мыслить социологически, по его мнению, подталкивает к переоценке нашего опыта, к обнаружению разнообразных способов его интерпретации, что делает нас более критичными и вместе с тем более понимающими мир и окружающих нас людей.

Бауман ставит перед собой цель донести до людей истинную пользу социологии, доказав, что социологическое мышление способно стать силой свободного человека. Он утверждает, что социология должна представлять собой комментарии – набор объяснительных примечаний к нашему повседневному опыту, поскольку социология – это углубление того знания, которым мы обладаем и пользуемся в нашей повседневной жизни. Она не совсем удобна, так как нарушает уютную и спокойную жизнь своими острыми вопросами. Подобные вторжения в обыденность не каждому могут понравиться, более того многие люди предпочли бы отвергнуть такое превращение известного в неизвестное, поскольку оно предполагает рациональный анализ вещей, которые до сих пор просто «шли своим чередом». Социолог приводит пример с киплингской многоножкой, которая без труда переставляла свои сто ножек, пока коварный льстец не начал перевозносить её исключительную память, благодаря которой она никогда не поставила бы тридцать седьмую ножку раньше тридцать пятой, пятьдесят вторую до девятнадцатой. Поверив ему, многоножка не могла больше ступить и шагу. И всё же превращение, о котором идёт речь, имеет свои преимущества, а самое важное в нём то, оно может открыть новые, до сих пор неведомые возможности для жизни с большим самосознанием и пониманием и даже с большей свободой и самоконтролем.

Ученый считает, что мыслить социологически – значит несколько больше понимать всех людей, окружающих нас, их пристрастия и мечты, их опасения и несчастья. Более того, мы сможем не только лучше понимать людей, но даже, возможно, и больше уважать их право делать то, что делаем и чем дорожим мы, – их право самим выбирать тот образ жизни, какой им больше нравится, строить свои жизненные планы, самоопределяться и, наконец, всеми средствами защищать своё достоинство.

Социологическое мышление, по мнению Баумана, по меньшей мере подрывает веру в исключительность и полноту какой бы то ни

было интерпретации. Оно привлекает внимание к множественности опытов и форм жизни, показывает каждую из них как целостность саму по себе, как мир со своей собственной логикой и в то же время разоблачает всю фальшь ее самодовольства и якобы явной самодостаточности. Социологическое мышление не затрудняет, а способствует потоку переживаний и их обмену. Если говорить прямо, замечает Бауман, социология прибавляет неопределенности, поскольку подрывает усилия «заморозить поток» и захлопнуть все входы и выходы. С точки зрения власти, озабоченной установленным ею порядком, социология является частью хаотичного мира, причем, скорее проблемой, чем решением. Но наилучшая служба, которую социология может сослужить людям в повседневной жизни и сосуществовании, – это стимулирование взаимного понимания и терпимости как постоянных условий общей свободы. Согласно Бауману социологическое мышление не может не способствовать пониманию, которое порождает терпимость, и терпимости, делающей понимание возможным.

Бауман утверждает, что «искусство социологического мышления ведет к увеличению объема и практической эффективности нашей с вами свободы» [1; 22]. По его мнению, индивидом, освоившим и применяющим это искусство, уже нельзя просто манипулировать, поскольку он сопротивляется насилию и регулированию извне, тем силам, с которыми, как до сих пор считалось, бороться бесполезно. Фактически, приходит к выводу ученый, что социологическое мышление может сильно способствовать нашей общей солидарности, основанной на взаимопонимании и уважении, солидарности нашего совместного противостояния страданиям и общей обреченности. «Если такой результат будет достигнут, - заключает Зигмунт Бауман, - то дело свободы укрепитя и будет возведено в ранг общего дела» [1; 23].

Примечания

1. Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996.
2. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998.

М. Улога

*(Научный руководитель д.и.н., проф. А. С. Попов)
ПГПУ им. В.Г. Белинского*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭНТОНИ ГИДДЕНСОМ «СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ» ЧАРЛЬЗА РАЙТА МИЛЛСА

Разработанная известным американским социологом Чарльзом Райтом Миллсом концепция «социологического воображения» оказала значительное влияние на мировое социологическое сообщество. Дос-

таточно вспомнить, что вслед за Миллсом «мыслить социологически» призывал британский социолог Зигмунт Бауман. [1; 16]. Взглядам Миллса близки мысли американского социолога Джона Масиониса, считавшего, что сердцевиной социологии является «особая точка зрения, называемая «социологический подход» [4; 24].

Пристальное внимание проблеме социологического воображения уделяет также один из самых известных сегодня в мире социологов Энтони Гидденс. Полагая, что Миллс употреблял данный термин в весьма расплывчатом смысле, сам Гидденс предлагает вкладывать в него совершенно определенное содержание. Под «социологическим воображением» он понимает «определенные взаимосвязанные формы восприятия действительности как неотъемлемые составляющие социологического анализа в том виде, в каком я его себе представляю» [3; 134]. Гидденс убежден, что задача социологии состоит в том, чтобы помочь нам понять этот мир и его будущие возможности. С этой точки зрения он утверждает, что «социология дает нам возможность получить знания о нас самих, об обществах, в которых мы живем, и о других обществах, отделенных от нас в пространстве и во времени» [2; 28]. В этом социологу призвано помочь социологическое воображение.

По мнению Гидденса, социологическое воображение, прежде всего, предполагает способность «отстраниться» от привычной рутины нашей повседневной жизни, чтобы взглянуть на нее по-новому [2; 34]. В качестве примера ученый показывает, как можно взглянуть «по-новому» на простейший акт нашего поведения – выпивание чашки кофе. Так, человек, обладающий социологическим воображением, видит за этим действием ежедневный социальный ритуал, символ, который, причем, важнее, чем сам акт потребления кофе. Еще интересный момент, который может увидеть человек с развитым социологическим воображением: кофе – это наркотик, но в индустриальных обществах любители кофе не считаются наркоманами, хотя есть общества, в которых разрешено, к примеру, курить марихуану, но кофе является запрещенным продуктом. Что самое важное, социологическое воображение за актом выпивания кофе позволяет увидеть целую сеть сложных социально-экономических отношений, охватывающих весь мир, и процесс совершившегося социально-экономического развития.

Гидденс выделяет три аспекта социологического воображения: историческое, антропологическое и критическое восприятие социальной действительности. Заостряя внимание на историческом направлении социологического воображения, британский социолог полагает,

что мы сможем постичь особую природу нашего современного мира только в том случае, если сравним его с прошлым. Прошлое он рассматривает как «зеркало, вглядываясь в которое, социолог может понять настоящее» [3; 35].

Антропологическое направление, по его мнению, позволяет увидеть калейдоскоп различных форм социальной жизни. Сравнивая с ними нашу собственную жизнь, мы больше узнаем об уникальных особенностях нашего поведения. Причем, именно антропологическое направление, как видит Гидденс, помогает преодолеть этноцентризм Запада, который выражается в том, что критерием оценки всех других обществ и культур служит точка зрения западного капитализма. Таким образом, социологическое воображение помогает «отстраниться» от наших собственных обычаев и привычек – для более глубокого их понимания.

Из исторического и антропологического аспектов социологического воображения, по мнению Гидденса, вытекает третий его аспект – критический. Критика существующих форм общества, основанная на предварительном анализе, позволяет рассматривать «альтернативные варианты будущего». Именно на этот момент социологического воображения, как считает Гидденс, делает ударение Миллс.

Подчеркивая роль социологии в обществе Э. Гидденс, отмечает, что она позволяет лучше понимать социальные обстоятельства, что дает шанс их лучше контролировать. На его взгляд социология способствует росту культурной восприимчивости людей, позволяя в любых политических акциях учитывать различия культурных ценностей. С помощью социологии можно оценить преднамеренные и непреднамеренные последствия принятия определенных политических программ. И, наконец, самым важным, по мнению Гидденса, является то, что социология способствует развитию самопознания, представляя индивидам и группам большие возможности изменять условия своей жизни.

Э. Гидденс убежден, что социологическое мышление развивает самопознание, которое способствует лучшему пониманию социального мира. В целом, по его мнению, «занятие социологией открывает возможности развития свободы в человеческой личности» [2; 20].

Примечания

1. Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996.
2. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
3. Гидденс Э. Социология // Социологические исследования. 1994. № 2. С.129–138.
4. Масионис Дж. Социология. СПб.: Питер, 2004.

V. Теоретическая социология

*А. Б. Тугаров
ПГПУ им. В.Г. Белинского*

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПОДГОТОВКИ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА (ОПЫТ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА)

В настоящее время социальная философия сталкивается с необходимостью совместить предметно-методологические ориентации отдельных социально-гуманитарных дисциплин (теоретических основ практической социальной работы, менеджмента, маркетинга, конфликтологии, логистики и др.) со схемами повседневного опыта, в которых люди осваивают проблемность своего бытия. Теория социальных систем обеспечивает исследователей проблем профессиональной подготовки и переподготовки специалистов социальной сферы концептуальным инструментом для разработки подхода, который охватывает, к примеру, практику социальной работы во всей её широте и глубине.

Таким подходом может стать комплексный («генералистский») подход к переподготовке специалистов социальной сферы, сторонники которого оцениваются как утилитаристы-универсалы, способные разбираться и действовать в самых различных ситуациях. Методология комплексного подхода заключается в том, что практика, основанная на комплексном подходе, предполагает у специалиста способность всестороннего анализа возможной ситуации и умение осуществлять необходимые действия. В этом случае формируется представление о многометодном работнике, т. е. специалисте, глубоко владеющем несколькими специальными методами или способами практики и, таким образом, способном осуществить практическую деятельность на нескольких уровнях, используя широкую гамму методик в ситуациях, требующих его участия.

Комплексный подход допускает специализации практической деятельности. С одной стороны, формой специализации («клиницисты») является более углубленное изучение конкретных явлений, например, практики социальной работы. Средствами специализации могут быть методы, приемы, конкретная социальная проблема, характеристики клиентов, условия оказания социальной помощи или их комбинация. Другой формой специализации является более фундамен-

тальная переподготовка специалистов – так называемых продвинутых универсалов.

В теории четко не определена разница между уровнем переподготовки обычных специалистов и «продвинутых» универсалов. Можно предположить, что если специалистов начальных уровней готовят к оказанию непосредственных услуг индивидам семьям и группам, то специалисты продвинутого уровня получают знания, необходимые для оказания услуг в опосредованной форме, например, ведение административной деятельности или разработка социальных программ и проектов.

Подтверждение или опровержение выдвинутого предположения представляется частным случаем решения методологической задачи выхода философии за рамки конкретной повседневности с помощью средств специализированного знания, к примеру, контент-анализа. В теории качественных методов полевых социологических исследований под контент-анализом обычно понимается процесс идентификации и категоризации первичных структур, содержащихся в интервью или наблюдениях.

В анализируемом исследовании подлежащие идентификации первичные структуры содержались в материалах прямого наблюдения и представляли собой информационные письма, полученные нами по электронной почте в марте-апреле 2004 года. Наш логин входил в список адресатов, число которых колебалось от 25 до 100 и в среднем составляло 40–45. Выбор адресатов отправителями информационных писем был, скорее всего, случайным и произвольным, поскольку адресатов объединял только формальный признак – одинаковые три первые буквы в логике.

Информационные письма содержали предложения специалистам получить переподготовку и повысить квалификацию по соответствующим направлениям: «эффективная логистика», «логистика для директора», «успешный секретарь – сильное звено компании», «мастер коммуникаций», «техника продаж и переговоров», «активные продажи».

Данные предложения были адресованы менеджерам отделов торгового маркетинга и рекламы, менеджерам по работе с клиентами, работникам «служб сервисного обслуживания», руководителям, профессиональным секретарям, менеджерам-логистам (менеджерам по логистике, логистическим менеджерам), офис-менеджерам, менеджерам по продажам. Предлагаемые формы переподготовки специалистов сводились к семинарам, циклам семинаров, практическим семинарам,

открытым семинарам, авторским семинарам-тренингам, тренингам, программам повышения квалификации. Общее количество первичных структур составило 29.

Контент-анализ, помимо характеристики первичных структур, предполагает организацию данных, содержащихся в этих структурах, по темам. Процесс организации «меток» для различных типов данных является важным моментом контент-анализа, с помощью которого классифицируется содержание первичных структур. В анализируемом исследовании такими «метками» стали: «коммуникация», «общение», «конфликт», «клиент» и «персонал».

Методологически важной является предварительная разработка классифицированной системы, без которой в данных первичных структур царит полный хаос. На основании изучения содержания первичных структур была составлена классификация направлений профессиональной переподготовки специалистов: «многометодный» специалист, «клиницист», «продвинутый универсал». Затем данные классифицировались по каждому направлению, что позволило выделить несколько методологически значимых моментов и признаков, исходя из содержания предложенных программ переподготовки.

По направлению «многометодный» специалист: организационно-технологические моменты переподготовки (интенсивная групповая работа, эффективная организация рабочего времени, стимулирование сбыта на местах продаж); конфликтогенные моменты (предотвращение и разрешение конфликтных ситуаций, профилактика конфликтных ситуаций, бесконфликтное общение); мотивационные признаки (оценочные суждения, мотивация к дальнейшему сотрудничеству, навыки мотивации самого себя, умение мотивировать подчиненных, система мотивации персонала, техники мотивации «на победу и на избежание поражения», принципы мотивации – «каким образом можно объективно заставить всех работать, чтобы минимизировать расходы?»); признаки общения (взаимоотношения с начальником, эмоциональный настрой на работу, навыки общения с коллегами, конструктивное поведение в переговорах)

По направлению «клиницист»: индивидуально-личностные признаки (корпоративные стандарты, понятия языкового стандарта, положительная самооценка как фактор равновесия и самообладания, корпоративное обучение персонала, профессиональные роли и специфика профессиональных задач, личное позиционирование, активизация ассоциативного мышления); характеристики клиента (уровни работы с клиентами, типы клиентов, посетителей, собеседников и «подстройка»

к ним; выявление намерений посетителя, планирование встречи с клиентом, психологическая самозащита от «трудных» клиентов, работа с ключевым клиентом, корпоративная культура работы с VIP-клиентами, креативная составляющая процесса подготовки к работе с клиентом); моменты коммуникации (совершенствование навыков коммуникации, динамика общения – приветствие, установление доверия, обратная связь, стимулирование, принятие решения, зоны общения, невербальные компоненты общения).

По направлению «продвинутый универсал»: философско-теоретические моменты (иерархия отношений, лидерство как искусство и навык; алгоритм разрешения конфликтов, осознание всех составляющих процесса продажи, стратегии организационного развития, корпоративная культура, или ключ к эффективной реализации стратегии, декомпозиция цели, пространство денег – «как отношение к людям и как отношение людей к Вам влияют на деньги в Вашей жизни»; микро- и макрологистика, функциональные области логистики, логистика как прикладная наука, основные области и задачи логистики, взаимодействие логистики со смежными областями менеджмента); конкретно-теоретические средства (делегирование ответственности и полномочий, баланс между делегированием полномочий и организацией контроля, использование стратегического планирования в управлении, макро- и микропланирование, их взаимосвязь, личное развитие и эффективность руководителя, таймменеджмент – базовые принципы управления временем, лайфменеджмент – эффективная организация собственной повседневной жизни, зона внешнего контроля и зона влияния, мерчендайзинг как средство увеличения продаж); функционально-прикладные свойства (умение эффективно делегировать полномочия, оценка управленческого потенциала, определение границ личной ответственности, профилактика профессионального сгорания – «burnout», приемы эффективного лидерства, обязанность и ответственность владельца информации, функциональное и технологическое разделение труда, квалификационные требования к должности).

Проведенный контент-анализ подтвердил предположение, что в настоящее время преобладающей в практике переподготовки специалистов является концепция комплексного подхода. Она исходит из понятия «работник-универсал» или «утилитарный работник», которое используется для обозначения специалиста, владеющего общим знанием людей, ситуаций, ресурсов и имеющего навыки наблюдения, коммуникации, решения проблем и др.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В середине прошлого века в западной науке (Д. Белл, А. Турен) для объяснения сущностных характеристик современной организации социума появляется термин «постиндустриальное общество». Понятие вполне прижилось в отечественном гуманитарном знании, хотя, надо признаться, во многом его содержание продолжало оставаться несколько абстрактным. Информатизация всех сфер жизни общества, как одно из последствий научно-технической революции, стала у нас осознаваться как реальный процесс совсем недавно. Распространение информационных средств и технологий сделало осязаемым тезис о приоритетности информации и всей «околоинформационной» деятельности по отношению к производству товаров как основе рыночной экономики. И несмотря на то, что наша страна с опозданием приобщилась к этим процессам, противоречия и перспективы российского варианта «всеобщей информатизации» можно рассматривать в общецивилизационном контексте.

Специалисты рассматривают информатизацию не просто как фактор общественной жизни, а подчеркивают, что содержание развития данного направления следует определять как «глобализацию инфосферы». Все более широко проникая во все области деятельности, предоставляя человеку принципиально новые возможности, информационные средства и технологии не только коренным образом изменяют его привычный образ жизни, улучшая его качество, но и создают новые, ранее не известные проблемы.

Проблема глобализации общества не первый год привлекает внимание ученых в различных своих аспектах. В данном случае хотелось бы обратиться к гуманитарному ее аспекту именно в связи с фактором глобальной информатизации.

В частности прогнозируемые последствия затрагивают мировоззренческие аспекты, развитие интеллекта, морально-нравственные установки. Так, одна из ожидаемых тенденций становления глобального информационного общества связывается с глобализацией сознания. Основные факторы, способствующие этому процессу: 1) развитие глобальной системы телевидения и радиовещания, благодаря чему практически в любой точке планеты обеспечивается прием нескольких телевизионных и радиопрограмм крупнейших вещательных компаний,

работающих в круглосуточном режиме; 2) развитие глобальных информационно-телекоммуникационных сетей; 3) глобализация телефонии, в том числе мобильной; 4) появление принципиально новых средств и технологий для информационных коммуникаций, обеспечивающих интеграцию функций мобильного телефона, терминала сети Интернет и видеокамеры. И это не предел. Быстро развиваются технологии Интернет-телефонии, расширяются функции обычных телеприемников. Использование этих возможностей формирует у человека ощущение непрерывной включенности в мировое информационное пространство, что и создает реальную основу глобализации сознания.

К ожидаемым изменениям относится изменение представлений о времени и пространстве. Расстояния уже не кажутся такими большими, как раньше. Понятие «отдаленность» по отношению к какой-либо географической точке меняется, во всяком случае, никакое расстояние уже не определяет оторванности от цивилизации. Время воспринимается как «текущее быстрее», хотя все дело только в интенсивности самой деятельности, осуществляемой в единицу времени и в количестве информации, перерабатываемой в определенном временном интервале.

Таким образом, создаются предпосылки, способные серьезно изменить отношения человека со средой. Хорошо это или плохо, зависит от того, насколько человеку удастся сохранить самого себя, свою духовную сущность.

Даже в гипотетическом варианте последствия информатизации для самого человека выглядят противоречиво. С одной стороны, информационные средства и технологии являются эффективным средством развития интеллектуальных способностей – памяти, пространственного мышления, воображения, что в конечном итоге должно привести к повышению интеллектуального потенциала общества. Вместе с тем очевидно, что сама по себе возможность доступа к средствам информации и связи еще не означает реализации этих возможностей. Специалисты всерьез говорят о все более заметной оппозиции «Сеть – Личность», в которой есть все предпосылки для развития и культивирования идеи бессмысленности жизни, предопределенности и бессмысленности человеческого бытия. В этом контексте персональный компьютер может рассматриваться как воплощение модели полной индивидуализации существования человека. Средство коммуникации вполне может заменить реальные социальные контакты на виртуальные. Поначалу возможность «общаться со всем миром», конечно, кружит голову. Хорошо, если реальная жизнь не менее интересна, и че-

ловек все же имеет шанс сохранить себя, свою идентичность, формируемую живыми социальными связями. Если же этого не происходит, то последствия могут быть непредсказуемы, ведь человечество просто не имеет подобного опыта. Никто, наверное, не может сегодня однозначно ответить, насколько знакомство с информационными технологиями способствовало личностному развитию нескольких поколений людей.

К проблемным аспектам информатизации относят и такие явления, как обеспечение информационной безопасности человека и общества, что связано не только с информационной и компьютерной преступностью, но и с использованием технологий воздействия на массовое сознание (проще говоря, манипуляцией сознанием). В связи с этим появляется опасность разрушения традиционных национальных культур и в первую очередь национальных языков. Лингвисты говорят о том, что в настоящее время каждые две недели навсегда исчезает один из языков. Если не драматизировать ситуацию, все равно нельзя не заметить, что, например, в русском языке происходит снижение языковых норм как в устной, так и в письменной речи. Прямое влияние информатизации здесь видеть было бы нелепо, но стиль информационного общения в значительной степени способствует упрощению форм и примитивизации языковых средств выразительности. Взаимобусловленность языка и мышления определяет влияние вербальных средств коммуникации на форму мыслей.

Наконец, один из самых существенных аспектов информационной революции связан с проблемами развития образования. Во-первых, сегодня существует информационное неравенство между людьми, странами и регионами, что, в свою очередь, подпитывает сохраняющуюся дифференциацию в экономической, политической и культурной сферах жизни. Существует огромная потребность в получении равного доступа к информации, что для миллионов людей ассоциируется не только с технической возможностью выхода, допустим, в Интернет, но, самое главное, с возможностью использования новых технологий для повышения своей конкурентоспособности. Другими словами, востребован проводник, который поможет найти нужную информацию и подскажет, как она может работать. Уметь обращаться со знаниями всегда обучала школа, обобщенно говоря, система образования. Во-вторых, процессы, происходящие внутри отечественной системы образования, оцениваются специалистами как не соответствующие современным требованиям. Однозначно говорится о том, что в ближайшем будущем образование станет непрерывным, продолжающимся в течение всей

жизни человека, его задачей будет формирование нового типа мышления, способного быстро адаптироваться к изменениям, в связи с чем необходимо осваивать и развивать новые способы обучения. Очевидно, что информационные средства и технологии должны стать материальной базой для развития новых систем и видов обучения. Закономерно, что все большее распространение получают электронные библиотеки, в которых представлены базы данных образовательной информации, учебные компьютерные программы, электронные учебники. Одним из эффективных направлений реализации новых социокультурных функций образования является дистанционное обучение. Дистанционное образование открывает большие возможности для инвалидов, женщин с маленькими детьми, лиц, нуждающихся в повышении квалификации и не имеющих возможности прервать основную работу. Дистанционные методы подготовки все чаще используют крупные фирмы, прибегая как к возможностям сети Интернет, так и создавая собственные корпоративные обучающие системы.

В России данное направление пока не составляет сколько-нибудь заметной конкуренции традиционным способам обучения. Но логика процесса информатизации с неизбежностью потребует и расширения дистанционных форм и более предметного подхода в разработке учебно-методических комплексов нового поколения. Например, известно, что пространственные представления об изучаемых объектах и процессах при изучении физики, химии, геометрии, биологии крайне важны. Известно также, что существует техническая возможность представления знаний в различных формах (текстовой, графической, звуковой, динамической). Но для того, чтобы учитель в школе мог этим воспользоваться, необходимо выполнить целый ряд условий, начиная с создания компьютерных программ и заканчивая пересмотром нормативных основ образовательной деятельности.

Специалисты утверждают, что проблема информатизации самого образования не может рассматриваться лишь как инструментально-технологическая. Не менее важно осмыслить сами цели образования, привести их в соответствие с реальными условиями жизни в новой информационной среде. Именно система образования должна давать людям необходимые знания об этой среде. Но, что не менее важно, она должна формировать новую информационную культуру общества.

Об этом стоит сказать особо. Информационная культура рассматривается как способность общества эффективно использовать имеющиеся у него информационные ресурсы, средства и технологии. В современной ситуации важно понимать, что информационная культура

не сводится к наличию навыков использования вычислительной техники и телекоммуникационных систем. Она включает в себя не просто компьютерную грамотность, но умение создавать, перерабатывать и применять информацию. В конечном итоге именно формирование новой информационной культуры общества является наиболее масштабным прогнозируемым результатом информационной революции.

Примечания

1. С. П.Капица, С. П.Курдюмов, Г. Г.Малинецкий. Синергетика и прогнозы будущего. М., 2001
2. К. Колин. Информатизация образования. // Вестник высшей школы. 2002. №2
3. Комраков Е. С., Чернявская А. Г. Практическая педагогика: инновационное образование взрослых. М., 1998
4. Реформы образования в современном мире. М., 1995
5. Филиппов В. М., Тихомиров В. П. Открытое образование – стратегия развития XXI века для России. М., 2000

*Холькин Р.В.
ПГПУ им. В.Г. Белинского*

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Современный переходный этап российского социума характеризуется термином «трансформация». Данное понятие отражает переход мирового сообщества от индустриального к постиндустриальному типу общества. Трансформация российского социума протекает в условиях социального кризиса, охватившего все структурные компоненты системы. Она имеет как общие, так и особенные моменты, отражающие специфику данного процесса. Характеризуя современные происходящие события, Э. Гидденс написал: «Мы живем сегодня в эпоху ошеломляющих изменений, отмеченных трансформациями, которые радикально отличаются от трансформаций предыдущих периодов. Коллапс социализма советского образца, исчезновение глобального биполярного распределения власти, формирование мощных мировых коммуникационных систем, явный триумф капитализма во всем мире. И в то же время глобальные размежевания становятся все более решающими, а экологические проблемы все более и более масштабными. Эти и другие проблемы стоят перед современной социальной наукой» [1, 15].

Действительно, современная переходная эпоха, проходящая под знаком социального кризиса, инициировала научный интерес к проблемам изменений общества. Процессы социальных изменений затро-

нули не только Россию, но и развитые страны, находящиеся в процессе перехода от индустриального к постиндустриальному обществу.

Данные понятия отражали возникновение некоего нового качества, иного уровня организации общества, знаменуя собой новый этап развития. Анализ происходящих социальных изменений в России позволил В. А. Ядову прийти к выводу, что современные социальные процессы могут характеризоваться термином «модернизация».

Модернизация представляется нам как обновление, устранение отживших элементов, переход на иной уровень, то есть процесс перехода от старого к новому. Следовательно, общество, находящееся в процессе модернизации, мы можем понимать как переходное общество, то есть трансформирующееся. Трансформация отражает внутреннюю сущность происходящих преобразований и понимается как «наиболее общее адекватное понятие, которое свободно от «векторной нагрузки» [2; 66].

Свобода «векторной нагрузки» в данном случае отражает отсутствие детерминизма и заданности направления трансформирующегося общества, актуализируя социально-философский дискурс поиска начальных координат преобразования и условий, влияющих на дальнейшее поведение социальной системы и выбора ею конечных координат. Элемент непредсказуемости добавляет остроту научному поиску.

Анализ процессов, происходящих в современной России, подразумевает разумное, сбалансированное выделение как общих моментов, характерных для других стран и имеющих глобалистские тенденции, так и особенных, отражающих специфику данной страны с учетом ее доминантных признаков. Совокупный анализ общего и особенного позволяет повысить достоверность вероятностного исхода переходного этапа и своевременно внести необходимые коррективы для предупреждения нежелательных последствий трансформирующейся России.

Россия, как и мир в целом, находится сейчас в состоянии глубочайшей трансформации, порождающей возникновение противоречий во всех сферах. Характер происходящих преобразований в обществе определяется степенью ее интенсивности. Глубина и масштабы любой трансформации, по мнению Ю. В. Яковца, определяются характером и длительностью исторического цикла. Автор выделяет четыре его основных уровня:

- 1) Сравнительно умеренная трансформация, связанная с переходом к новому среднесрочному циклу (примерно раз в десятилетие) и охватывающего 10 % состава социальной системы и временные рамки 2–3 года;

- 2) Более глубокая трансформация, которая происходит примерно раз в полвека и находит выражение в смене преобладающих технологических укладов, социально-политической структуре экономики. Трансформация охватывает примерно 20 % системы и занимает период 8–12 лет;
- 3) Происходящая раз в несколько веков глубокая трансформация, которая отражает переход к новой цивилизации и сопряжена с длительным разрушительным глобальным кризисом. Преобразование охватывает 30–40 % системы и длится около полвека;
- 4) Крупномасштабные и сверхдлительные преобразования, связанные с тысячелетними циклами. Преобразования при этом охватывают более половины общественной системы [2; 265].

В циклической динамике любого общества периодическая трансформация является неизбежным этапом и повторяется при очередном переходе от одного цикла к другому. Общественная система переходит из одного равновесного состояния к другому через период кризиса. При этом в обществе наблюдается спад производства, обострение социальных противоречий, усиление неопределенности, неравновесности.

По сути, речь идет о переходной эпохе, несущей в себе элемент неожиданности и непредсказуемости. Закат индустриальной цивилизации «проявляется в эскалации внутренних войн. Череду войн ведет к надлому, который, усиливаясь, переходит в распад» [3, 335].

России, втянутой в процесс тотальной трансформации, в полной мере присущи многие негативные тенденции, отражающие упадок индустриальной цивилизации. Наряду с общемировыми закономерностями перехода следует учесть также исторический опыт предыдущих лет, повлекший крах системы социализма, и развернувшиеся вслед за этим негативные процессы. «Общество распадается на ряд локальных государств, что служит основанием для кровопролитной междоусобной войны» [3; 336].

С одной стороны, необходимо признать, что переходное состояние мирового сообщества отождествляется с глобальным кризисом, поразившим все структурные элементы общественной системы. Одновременно наблюдается резкое обострение противоречий в социально-политической сфере, волна межконфессиональных и межгосударственных конфликтов. Глобальный кризис является завершающим этапом индустриального цикла и переходом к новому, постиндустриальному. С другой стороны, следует учесть, что кризис, поразивший российское общество, является уникальным по своей сути, ибо он являет-

ся своеобразным продуктом симбиоза общемировых трудностей переходного периода с имеющими место процессами и противоречиями внутреннего плана.

Данное обстоятельство обуславливает тяжесть и длительность российского кризиса, носящего, без сомнения, общесистемный характер. Ни одна сторона общественной жизни не осталась нетронутой. Кризис поразили структуру производства, сферу национальных и социально-политических отношений, область культуры и идеологии, сферу науки, образования и прежде всего человека. «Невозможно найти укромный уголок, чтобы укрыться от бурь и штормов кризиса. Не осталось ничего незыблемого, все пришло в движение, меняется с пугающей быстротой» [2, 316].

Нынешний российский кризис характеризуется как затяжной. И это не просто слова. Когда ученые провели сравнение важнейших показателей российского общества и экономики со значениями, которые в мире считаются катастрофическими, оказалось, что по 20 показателям Россия находится в критической зоне (продолжительность жизни, доля населения, живущего за чертой бедности, доля высокотехнологичной продукции в экспорте и т. д.). И под кризисом, безусловно, понимается то положение, в котором сейчас находится большинство отраслей нашей промышленности.

Вместо обычной трансформации, предполагающей постепенность изменений с несколькими этапами, происходят скачкообразные, внезапные изменения, приводящие в конечном итоге к потере системой устойчивости.

Опыт проведенных российских реформ показал невозможность спонтанного, скачкообразного перевода сложной социально-экономической системы из одного состояния в другое.

Результаты реформ в России убеждают в том, что она находится в кризисном состоянии и их курс должен быть серьезно изменен. «При реформации сложной системы должен быть обеспечен общесистемный принцип, согласно которому изменения внутри целого важнее, чем изменения отдельных частей. Нельзя проводить реформы любой ценой, поскольку сохранение жизнеспособности системы более важно, чем ее частичные изменения» [4, 281].

Известно, что по мере развития и обострения кризисных процессов непредсказуемость усиливается и все с меньшей вероятностью можно предвидеть, какими структурными, количественными и качественными характеристиками будет обладать данная система через определенный промежуток времени. Варианты дальнейшего развития

будут зависеть от временного фактора. Если своевременно не будут приняты меры, то далее могут возникнуть потеря устойчивости и развал социальной системы, то есть потери ей основных характеристик.

Причиной современного российского социального кризиса во многом может служить реформирование по западному образцу, без учета специфических особенностей. Отсюда и резкое сокращение производства, монополизация рынка, обнищание народных масс, кризисное, если не катастрофическое, положение науки, образования и культуры. Вытекает положение о необходимости смещения акцентов в реформировании с учетом национальных интересов России. Темпы проводимой реформации также необходимо соотносить с адаптивными возможностями нашей системы. Политика так называемого «разового» реформирования всей базы вызвала социально-экономическую неустойчивость, которая спровоцировала социально-экономический и политический кризис. Кризисное состояние данных сфер общественной жизни оказало резонансный эффект и на другие сферы, поразив тем самым всю общественную систему.

Возникший социальный кризис нельзя редуцировать только к закономерностям циклической динамики. Он представляет собой не только итог аккумулированных почти за столетие противоречий, накопившихся в социальной сфере, но и во многом общесистемный поиск новых ориентиров в связи с утратой доминирующей идеи построения социалистического общества. Падение системы социализма не повлекло за собой становление новой системы, качественно лучшей по своим характеристикам. До сего дня идут поиски и выбор оптимальных путей развития страны и перестройки ее структурных компонентов.

Особенности исторического развития России, связанные прежде всего с отставанием от развитых стран в сфере экономического производства, несовершенстве политических технологий, развитием социальной сферы, с одной стороны, обуславливают необходимость применения мировых «клише», то есть набора стандартизированных программ выхода из кризисных ситуаций, апробированных различными странами, а с другой, проводить реформирование социальной системы с учетом собственно внутреннего потенциала, специфики развития страны, не подгоняя под какие-либо готовые образцы.

Без сомнения, «новый курс» Ф. Рузвельта, курс на государственное регулирование экономики в Великобритании при М. Тэтчер, милитаризация экономики фашистской Германии, «японское чудо», явились в свое время своеобразной «панацеей», выведшей страны из затяжных кризисов. Несмотря на внешнее различие данных курсов и форму

их проявления, внутреннее содержание было в чем-то идентичным, так как существовал один немаловажный аспект, явившейся своеобразной «формулой успеха», а именно учет ментальных особенностей.

Ментальные доминанты отражают специфику, самобытность любой нации, являясь «инструментом настройки» системы на нужный лад во избежание негативных диссонансных явлений. Носителем ментальности любой страны является народ как «социальный наполнитель» общественной системы, по большей части выполняющий функцию пассивного созерцателя. Всколыхнуть эту инертную массу способны, по выражению Л. Н. Гумилева, либо «пассионарии», дающие новый пассионарный толчок для подъема этноса, либо гениальные люди, согласно Г. Гегелю, несущие в себе частицу Абсолютного духа и выражающие акт творческой воли, реализуя тем самым заложенную в них творческую потенцию.

Зачастую данная реализация наталкивается на сопротивление внутри самой системы в лице государства, представленного политической элитой. В данном случае целесообразным будет рассмотрение дихотомии государство – народ. Рассмотрение этих понятий изначально предполагает их взаимодействие. Действительность рисует нам иные картины. Налицо определенное дистанцирование элиты от массы простого народа, что являет собой отсутствие консенсуса как необходимого условия сохранения стабильности. Перед Россией открылись две возможности: или, по словам летописи, «грозно и честно нести дело» России, или же начать «Русь нести розно». Как показала практика, мы пошли по второму пути.

Примечания

1. Штомпка П. Социология социальных изменений./ Пер. с англ. Под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.
2. Яковец Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М.: Наука, 1999. 448 с.
3. Тойнби А. Дж. Постижение истории. Пер. с англ./ Сост. А. П. Огурцов; Вступ. слово В. И. Уколовой; Закл. ст. Е. Б. Рашковского. М.: Прогресс, 1991.- 736 с.
4. Прангишвили И. В. Системный подход и общесистемные закономерности. Серия «Системы и проблемы управления». М.: СИНТЕГ, 2000. 528 с.

Н. Притченко
(Научный руководитель к. и. н., доцент Т. Г. Скороходова)
(ПГПУ им. В.Г. Белинского)

ПРАВОЭКСТРЕМИСТСКИЕ СИЛЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Может ли фашизм как социально-политический и морально-психологический феномен быть в наши дни сочтен категорией сугубо исторической? Кажется, совершенно ясно, что не может. Парадоксально, но факт: пережив Вторую мировую войну и испытав на себе всю тяжесть «нового порядка» в Европе, современное общество оказалось не в состоянии полностью оградить себя от рецидивов фашизма.

Тема данной статьи посвящена фашистским тенденциям, проявившимся в последнее время в нашей стране. Попробуем понять, как и почему в стране, которая в жестокой борьбе победила фашизм, появляются направления, пытающиеся примирить новое послевоенное поколение с нацистской заразой. Почему, несмотря на тотальное военное поражение держав фашистской «оси» во Второй мировой войне и последовавшую за этим глубокую дискредитацию фашизма как идеологии и практики, он не только дожил до XXI века, но и во многом сохранил свой потенциал?

Сейчас в России начались экономические процессы, которые объективно вызывают крупнейшие социальные, политические и культурные изменения, и среди них – радикализация национального чувства, так что лозунги отечественного фашизма могут оказаться вполне приемлемыми для массового слуха.

Фашизм отличается от обычных, традиционных диктатур тем, что черпает свои силы в массовом движении протеста. Отсюда – огромная роль фашистских организационных структур, способных направить недовольство граждан, стимулируемое кризисным развитием, в желательном направлении. Массовое движение обычно нуждается в идеологии, способной доступно сформулировать цели и способы их достижения, а также создать образ врага, низвержение которого откроет путь к успеху. Такая идеология может основываться на любой системе ценностей. Однако правоконсервативная ценностная система в этом отношении более эффективна, так как апеллирует к страстям, врожденным инстинктам, неизменным чувствам человека. Поэтому в особо кризисных условиях она обладает преимущественными шансами.

Одна из главных особенностей фашизма – оценка нации как определяющего, неизменного, внутренне непротиворечивого элемента

истории человечества, единственно судьбоносного фактора, то есть все стороны общественного развития в решающей степени детерминируются взаимоотношениями между нациями, их подъемом или упадком, способностью сохранять, наращивать или растрчивать свой потенциал.

В данной статье будет рассмотрено проявление фашизма в форме нацистского движения, которое в последнее время бурно развивается в России.

Многим встречались группы молодежи с бритыми головами, в одинаковых черных джинсах и камуфляжных куртках без воротников, в высоких армейских ботинках, с нашитым на рукаве флагом рабовладельческой Конфедерации? Это и есть бритоголовые, или иначе – скинхеды. Сами себя они называют коротким словом «скины».

Самые первые скинхеды появились в Англии в 1968–1969 гг. С сегодняшним образом скинхеда – хулиганствующего молодчика, тупого расиста, фашиста и антисемита – они не имели ничего общего. Скорее наоборот. Скинхеды «первой волны» были субкультурой рабочих районов Британии, которая возникла как молодежная классовая культура протеста против официальной буржуазной культуры и против контркультуры 60-х гг.

Чтобы подчеркнуть свою классовую принадлежность, скинхеды выработали собственный стиль одежды: «донки» – теплая грубошерстная куртка или полупальто с кожаной кокеткой (одежда докеров), грубые брюки с «вечной стрелкой» («стапресс»), длинный, до колен, пиджак «зут» и тяжелые прочные высокие ботинки строительных рабочих и докеров (*working class shoes* – «обувь рабочего класса»), желателен «Dr. Martens'», желателен с носком, армированным сталью. Стильным прическам «маменькиных сынков» из буржуазных семей скинхеды противопоставили короткий бобрик (обычно с бачками) – бритоголовыми их, собственно, обзывала тогдашняя длинноволосая молодежь.

Самое интересное, что скинхеды «первой волны» любили чернокожих. Они слушали «музыку черных» – вест-индскую и ямайскую музыку стилей ска, реггей и рок-стеди.

В клубах и на концертах скинхеды толпились вместе с мулатами и неграми – и никаких конфликтов не было. Даже сама прическа скинхедов была скопирована с прически чернокожих «руди-бойз» (молодежная субкультура Ямайки). В отчаянных драках скинхедов с роккерами на рубеже 70-х чернокожие вест-индцы участвовали плечом к плечу с англосаксами и ирландцами: дети рабочих против детей бур-

жуазии. Но году к 1973-му скинхеды исчезли: поколение повзросло, обзавелось семьями и детьми и, как говорят в таких случаях, «перебесилось».

Скинхеды «второй волны» появились в Англии в конце 70-х гг. Это был продукт разложения движения панков, с одной стороны, и экономического кризиса – с другой. Экономику страны постиг жестокий кризис. Безработица выросла до невиданных размеров. К середине 80-х целые графства в Англии превратились в «зоны социального бедствия» (их стыдливо называли «депрессивными регионами»). Именно в этих «депрессивных регионах» и расцвела субкультура скинхедов «второй волны». Дети безработных, сами безработные, подростки из «депрессивных регионов» не видели никаких перспектив – они знали, что работы нет и не будет, денег нет и не будет. Единственным развлечением было подраться с другими такими же – но из соседнего района. Так установился новый канон одежды скинхеда. В этой одежде все строго функционально, приспособлено для «стритфайтинга» – уличной драки: плотные черные джинсы, дешевые, прочные, на которых плохо видны грязь и кровь; тяжелые шнурованные армейские башмаки на толстой подошве (или тот же «Dr. Martens'»), удобные для бега и являющиеся оружием в драке (профессиональный удар подошвой в живот может быть смертельным); короткие куртки-«бомберы» без воротника – чтобы противнику не за что было ухватиться; бритая или стриженная «под ноль» голова – тоже чтобы противник (или полиция) не могли схватить за волосы. Ничего лишнего: никаких очков, никаких значков, никаких сумок, погончиков, клапанов – ничего, что мешает увернуться из рук противника.

С конца 70-х в Великобритании активизировались неофашисты. Национальный фронт и другие ультраправые устраивали уличные шествия и нападали на «цветных» – азиатов, африканцев, выходцев из Вест-Индии. Правые обвиняли в свирепствующей безработице не правительство, а иммигрантов-«цветных»: мол, понаехали тут всякие, заняли наши рабочие места. Правительство это устраивало. С ультраправыми никто не боролся. Нацистская демагогия срабатывала. Для скинхедов неофашисты быстро стали образцом для подражания. С другой стороны, и неофашисты начали активно работать среди скинхедов. Фашисты дали деньги на создание скин-клубов. Самодеятельные скин-группы, тяготевшие к пост-панку, стали петь песни на откровенно расистские тексты. Сформировалось понятие «наци-скин».

Говоря иначе, между скинхедами «первой волны» и скинхедами «второй» не было ничего общего, кроме названия и обуви. Даже соци-

альная среда, породившая их, была разной: в первом случае – «рабочая аристократия» и «low middle class», во втором – деклассированная (из-за массовой безработицы) среда «депрессивных регионов».

В первой половине 80-х наци-скины появились в Скандинавии, Голландии, ФРГ, Австрии, США, Канаде, Австралии. В середине 80-х – во Франции, Бельгии, Дании и Швейцарии. Возможно, движение скинхедов и зародилось в Великобритании, но сегодня очень больших масштабов оно достигло в России. И это несмотря на то, что фашизм в России осуждается как зло, ведь нация понесла огромные потери в борьбе с фашизмом. В российском обществе создались условия, которые способствуют всплескам агрессии со стороны скинхедов: бедность, чувство унижения после распада Советского Союза и гнев в связи с атаками чеченских сепаратистов. Число российских скинхедов растет, и они становятся более организованными и жестокими.

Сегодня в России проживает половина от числа скинхедов в мире. Их идеология – уникальная смесь неонацизма и неистового русского национализма. Российские скинхеды – самые безжалостные. Известно, что они устраивают жестокие избиения людей нерусской национальности, причем даже детей, и порой эти нападения приводят к смертельным исходам.

По мнению экспертов, если не предпринять мер по борьбе со скинхедами, через несколько лет число "бритоголовых" в России вырастет до 100 тысяч человек. В Москве сейчас действуют группировки "Скинлегион", "Русский филиал B&H" (Blood&Honor – запрещенная в Германии нацистская организация) и "Объединенные бригады-88" (8 – порядковый номер буквы h в латинском алфавите, и 88 означает начальные буквы приветствия "Хайль Гитлер!"). Число скинхедов в Москве оценивается в 10 тысяч, в Санкт-Петербурге – в 5 тысяч.

Прежде всего, скинхедов объединяет ненависть к иностранцам, особенно к кавказцам, азиатам и чернокожим. Скинхеды не делают больших различий между детьми и взрослыми, молодежью и стариками. Так, в прошлом году в Санкт-Петербурге они убили девятилетнюю таджикскую девочку Хуршиду Султанову на глазах ее отца. Ей нанесли 11 ударов ножом.

Некоторые эксперты утверждают, что иногда скинхеды становятся футбольными хулиганами, и их любимые команды – ЦСКА и московский "Спартак". Эта теория набрала вес в 2002 году: тогда российская футбольная сборная проиграла Японии на чемпионате мира и в центре Москвы начались беспорядки с поджогами машин и избиением прохо-

жих. Многие считают, что эти беспорядки были заранее спланированы скинхедами.

Есть мнение, что проблема скинхедов – это следствие болезни российского общества. Алла Гербер, глава фонда Холокоста, считает, что проблема вышла из-под контроля: "Общество больно ксенофобией, которая, как рак, распространяется по стране". Она говорит о том, что 28% взрослых россиян хотели бы устроить специальные поселения для евреев, и еще 48% являются сторонниками ограничения прав национальных меньшинств.

Российские власти утверждают, что проблему скинхедов преувеличивают, мол, подобные проблемы есть во многих странах. Но правозащитники не согласны с этими утверждениями и заявляют, что движение порождено проблемами общества, где высок уровень безработицы, низкие зарплаты и у многих молодых людей нет перспектив в жизни.

"Когда возникают экономические проблемы, есть два способа отреагировать на них. Первый – это решать эти проблемы, а второй – искать врага и обвинять его в своих проблемах. К сожалению, Россия выбрала второй вариант", – говорит директор Московского бюро прав человека Александр Брод.

Нацизм в России развивается столь стремительно не только потому, что он не встречает реального сопротивления в обществе. Наоборот, общество само его поддерживает. Многие россияне, если их назвать нацистами, оскорбятся, но в глубине души они одобряют то, что делают русские скины. Они, конечно, не призывают к погромам, но и не скрывают своего раздражения к людям, которых называют "лицами кавказской национальности". И они (скинхеды) чувствуют это. Важно понять одну простую вещь: нацисты – это не инопланетяне, периодически прилетающие к нам, чтобы подебоширить и погромить витрины, а реальные живые люди, которые живут среди нас, учатся в школах, посещают дискотеки и т. д. И именно в этом, на мой взгляд, их главная опасность. Они влияют на молодые, еще не сформировавшиеся умы своей идеологией.

По моему мнению, вопрос о нацистском экстремизме уже созрел до того, что его нужно ставить на международном уровне, так как и в других странах (особенно в европейских) нацизм тоже дает о себе знать. Призрак нацизма бродит по Европе...

Примечания

1. Лакер У. Черная сотня. М, 1994.

2. Лихачев В. Нацизм в Россииж. М, 2004.
3. Праворадикальная угроза России // Политические исследования. 1995 г.№2.
4. Глобачев М. Бритоголовые дети Шарикова // Новое время –1999г. -№13.
5. Марш черепов // Новое время. 2002 г. №6.
6. Кузнецова Н. Призрак бродит по России // Москва. 1995г. №11.

А. Рудакова
(Научный руководитель к. и. н., доцент Т. Г. Скороходова)
ПГПУ им. В.Г. Белинского

ИНТЕГРАЛИЗМ КАК ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛИЗМА (КОНЦЕПЦИЯ М. О. МНАЦКАНЯНА)

Этносоциологи всего мира и всех направлений с поразительным единодушием отмечают неуклонное возрастание в последние десятилетия роли и значения этнонационального фактора в мировом развитии и в жизни многонациональных, стран. Разнонаправленные процессы национально-этнического характера, интеграционные и дезинтеграционные тенденции, сопровождающиеся множеством трений и конфликтов, в том числе и военных, ставят перед исследователями трудные задачи. Весьма расхожими в научной лексике стали выражения "этнический взрыв", "этнический парадокс" и т. п. Опираясь на социальную доктрину постмодернизма, ряд западных ученых из школ "инструменталистов" и "конструктивистов" выдвинули концепцию, согласно которой национально-этнические общности – это социальные конструкты, искусственно созданные интеллектуалами и политическими лидерами, преследующими свои корыстные интересы, провоцирующими национальные движения и конфликты.

Конструктивистские идеи проникли в Россию с распадом СССР, когда возникли серьезные опасения дезинтеграции Российской Федерации в связи с ростом межэтнических конфликтов. Некоторые радикально настроенные исследователи, выражая идеологические устремления части федеральной политической элиты, предложили свои варианты политического "нациестроительства", концепция которого была разработана Эрнестом Геллнером. Единственный выход из существующего теоретико-методологического тупика, по мнению отечественного исследователя М. О. Мнацаканяна, – интегралистский подход к изучению нации и национализма в целом. [2].

Интегралистское толкование национально-этнической общности, по убеждению М. О. Мнацаканяна, крайне своевременно и необходимо прежде всего потому, что способно обеспечивать истинно объективный,

корректный подход к существующим теориям и концепциям, применяя метод интегрализма, признавая их научную значимость и полезность, связывая отдельные дифференцированные направления в единое целое, используя возможности, приемы и каналы интегрального познания сложнейшего явления социума. Оно не отвергает материалистическую или психологическую, политическую или релятивистскую теории, но считает таковые недостаточными, узкими, не способными познать природу предмета изучения во всей его глубине. Интегральность "снимает" бесплодную взаимную борьбу, противоречия и противостояния между теоретическими школами, парадигмами. Односторонность выпячивания, абсолютизация тех или иных сторон национальной жизни уступает место целостному научному исследованию нации как единого функционирующего организма.

Интегральная теория позволяет воссоздать также и последовательную картину исторического пути становления национально-этнической общности, раскрывая роль и функции в этом процессе ее различных интегральных компонентов, показывая вместе с тем и разновременность их появления, и относительную самостоятельность. Формирование, скажем, национально-этнической психологии как "духа" народа, продукта коллективной творческой деятельности берет свое начало еще в первобытном обществе, но генетический анализ в чисто психологическом аспекте не может выявить сущности национального бытия. Включенность же психологического склада и этнического характера в сложившуюся систему связей и отношений общества – политики, экономики, культуры, рассмотрение во взаимодействии с ними раскрывает выдающуюся роль психологии и сознания как ядра, системообразующего интегрального фактора в этой системности.

М. О. Мнацаканян считает, что многие современные модные концепции поблекли бы, а дискуссии вокруг них сразу же потеряли бы свой предмет и смысл, если бы проблема о субстанции национальной общности получила серьезную постановку и обоснование. Главное в субстанции – не сами элементы, явления, а их взаимосвязи, составляющие основное начало всех конкретных форм национального существования. Этничность, этнические постоянные величины цементируют субстанциональную основу нации. Не случайно Э. Смит пишет, что «национализм – это и есть этноцентризм» [5]. Именно интегральная национальная связь делает национальную общность единым комплексом признаков и черт, свойств и отношений амбивалентного характера, со структурными, взаимопроникающими и взаимодополняющими компонентами.

П. А. Сорокин, заявляя, что «интегрализм – его философия», социологически весьма умело и убедительно применял свое философское кредо в подходе к нациям. Почему, спрашивал он, несколько поколений коллективной общности людей, живших в XVI–XX веках, называли себя русскими? Потому что «все поколения взаимодействовали друг с другом; взгляды, привычки, вкусы, обычаи – короче – поведение старших передавалось младшим... в силу традиций устанавливалось между ними большее или меньшее сходство: сходство языка, верований, обычаев, уклада жизни – словом, сходство поведения» [7].

Интегральная национальная связь, как субстанция, формируя типы общностей, соединяет присущие им свойства и элементы в их историческом становлении: этничность с национальным; историю с современностью; культуру с психологией и сознанием. Она делает нацию целостным и единым по своим функциям и роли феноменом. В превращении взаимодействия людей в интегральную общность важное место принадлежит не только сознательным элементам психологического свойства, но в огромной степени и элементам изначальной душевной субстанции человека. Вероятно поэтому В. Вундт, характеризуя субстанцию "национальной души", немалое значение придавал бессознательному [6]. Механизм апперцепции, разработанный З. Фрейдом, применительно к нациям проявляется в таком контакте национального сознательного и бессознательного, когда последнее "высвечивается" на уровне психологии и сознания (под воздействием внешнего толчка) в некоторых гипертрофированно иррациональных выражениях. М. О. Мнацаканян определяет пять субстанциональных явлений, несущих интегралистски важные функции: историчность, устойчивость, атрибутивность, энергичность, солидарность [4], и представляет их развернутый анализ в работе «Нации: психология, самосознание, национализм».

Примечания

1. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1998.
2. Мнацаканян М.О. Интегрализм и национальная общность как социальная реальность // Социологические исследования. 2001. №3.
3. Мнацаканян М.О. Интегрализм, феноменология и национальный интерсубъективный мир повседневности // Социологические исследования. 2000, №3.
4. Мнацаканян М.О. Нации: психология, самосознание, национализм (интегральная теория). М., 1998.
5. Мнацаканян М.О. Об интегральной теории национально-этнической общности // Социологические исследования. 1999, №9.
6. Мнацаканян М.О. Этносоциология. Нации, национальная психология и межнациональные конфликты. М., 1998.
7. Сорокин П.А. Социологические теории современности. М., 1992.

VI. Прикладная социология

*В. И. Дунаева, Л. И. Найденова
ПГУ*

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА

Социологическое понимание региона исходит из того, что, будучи социально-территориальной системой, регион обладает социально-пространственной общностью организации проживающего в его рамках населения. Отличаясь своеобразием природных условий, сложившейся специализацией производства, уровнем развития производительных сил, производственной инфраструктуры, регион в то же время характеризуется спецификой социальной структуры и инфраструктуры, а также образа жизни населения [1; 440].

Чтобы определить факторы, влияющие на состояние здоровья детей и подростков в регионе, надо исходить из того, что регион и его социум – это внешние факторы среды, а названные системы вместе с семьей создают внутренние факторы. И именно в их взаимодействии происходит биологическое воспроизводство различных групп общества, характеристикой которого служит состояние здоровья [2; 98]. Можно предположить, что на уровне региона на состояние здоровья детей и подростков влияют предпосылки развития состояния здоровья, управления им как процессом со стороны социальных институтов. В качестве таких предпосылок прежде всего выступают потребности общества, проявляющиеся на уровне региона: потребности в формировании здорового поколения, в воспроизводстве своей социальной структуры, в замещении выбывших членов общества новыми, взамен умерших, мигрировавших.

Цели, поставленные обществом на уровне региона, как внутренний фактор формирования нового, здорового поколения прежде всего связаны с потребностями, и поэтому сохранение и укрепление здоровья детей и подростков становится важной целью систем детских дошкольных, школьных и лечебных учреждений. Это имеет значение именно потому, что здоровье детей и подростков является одним из важных условий сохранения жизнеспособности общества как социальной системы.

Совместная деятельность, взаимодействие людей по формированию нового, здорового поколения регламентируется теми предписа-

ниями, что действуют в условиях семьи, а также законами и инструкциями, определяющими выполнение функций в системе здравоохранения, образования, социальной защиты населения, где реализуется социальная политика государства по отношению к семье и различным социально-демографическим группам.

Социально-экономические особенности региона и образ жизни в регионе как внешние факторы. Это могут быть: виды трудовой деятельности населения в регионе, предшествующее развитию в нем системы образовательных и медицинских учреждений.

На состояние здоровья детей и подростков Пензенской области влияет целый ряд факторов и социальных причин: факторы окружающей среды, способные оказывать негативное воздействие на состояние здоровья детей (недоброкачественная питьевая вода, дефицит йода, загрязнение атмосферного воздуха отравляющими веществами); социальные-политические факторы (экономическая нестабильность, некомфортабельные жилищно-бытовые условия, криминализация общества и рост преступности, ухудшение качества питания, рост безработицы, задолженность по зарплате, отрицательные черты образа жизни, особенно молодежи, низкий уровень социальной поддержки материнства и детства); медицинские факторы (слабость материальной базы здравоохранения, особенно сельского звена, низкий уровень охраны репродуктивного здоровья, несвоевременная профилактика заболевания, недоступность высокотехнологичных медицинских услуг, лекарств и т.п.); другие факторы: большая загруженность учащихся в учебном процессе, начиная с 1 класса; слабая постановка спортивно-оздоровительной работы; несоответствие условий учебной деятельности санитарно-гигиеническим требованиям.

При сравнительном описании российских регионов учитывается их экономический потенциал. А.И. Сухарев выделяет:

- 1) регионы, полностью обеспечивающие себя на основе производственных возможностей регионального природно-хозяйственного комплекса, с получением определенного количества продукта, превышающего реальные потребности населения и производства территории;
- 2) регионы, которые на тех же основаниях способны «сводить концы с концами»;
- 3) регионы, которые не могут (или не хотят) себя обеспечить и нуждаются в дотациях со стороны государства [3; 65-66].

Это неравенство должно прослеживаться и в значительных различиях показателей здоровья жителей региона, в том числе – детей и подростков.

В ходе Всероссийской диспансеризации 2002 г. выявлено детей с отклонениями в состоянии здоровья по ПФО – 66 %, в том числе среди детей от 0 до 7 лет – 57 %, от 7 до 17 лет – 67,7 %.

По территориям Приволжского федерального округа это выглядит следующим образом: наибольшее количество детей с отклонениями выявлено в Пермской области (88%), Чувашской Республике (78,2%), Самарской области (72%), Республике Марий Эл (71%). В Пензенской области этот показатель составил 51,9%.

Большой разброс данного показателя достаточно сложно объяснить в настоящее время, так как на его уровень оказывают влияние разнообразные факторы: в первую очередь, качество проведенных осмотров, региональные особенности, уровень организации медицинской помощи и другие многочисленные факторы.

По группам здоровья распределение детей в возрасте до 7 лет представлено следующим образом: 1 группа, т.е. здоровые дети – 31,7 %, 2 группа здоровья, к которой относятся дети группы риска и с функциональными отклонениями – 57,7 %, 3 группа, т.е. больные дети со стойкими отклонениями в состоянии здоровья, к которой также отнесены дети 4 и 5 групп, – 10,4 %.

В возрастной группе старше 7 лет показатели состояния здоровья хуже, чем в предыдущей группе. Уменьшается доля детей здоровых (т. е. имеющих 1-ю группу здоровья), в 2 раза увеличивается число детей с 3-й группой здоровья.

В качестве основных причин всех вышеназванных отклонений в состоянии здоровья детей и подростков ПФО, приводящих к физическому, психическому и социальному нездоровью, следует выделить снижение уровня и качества жизни как всего населения, так и молодежи. Это определяется низкими доходами, ухудшением качества питания, условий быта, труда, отдыха, недостаточностью качественной медицинской помощи, ухудшением экологической ситуации.

В исследовании факторов, влияющих на состояние здоровья детей и подростков, автором была прослежена типология 4-х регионов, входящих в один Приволжский федеральный округ (Саратовская, Ульяновская, Пензенская области, Республика Мордовия).

Для анализа состояния здоровья детей и подростков, определения типов регионов, а также региональных факторов были выбраны 4 различающихся региона ПФО: Саратовская область, Ульяновская об-

ласть, Республика Мордовия, Пензенская область. В последнем из них автором проводились исследования, а первые 3 были выбраны для сравнения и вторичного анализа результатов исследований, ранее проведенных социологами (М. А. Жулина, В. А. Кижеватова, Н. Н. Логинова, А. А. Мукасеев, О. А. Рагимова,). Общий рейтинг регионов ПФО включает 3 основных блока:

- 1) блок производственных показателей (объемы производства по всем видам деятельности, индексы цен, обороты видов торговли и др.);
- 2) блок финансово-инвестиционных показателей;
- 3) блок социальных показателей, в числе других включающий денежные доходы населения, среднемесячную заработную плату, расходы бюджета региона на здравоохранение, физкультуру, образование, социальную политику, культуру, уровень безработицы, обеспеченность населения больничными койками на 10000 жителей, коэффициент младенческой смертности, уровень заболеваемости туберкулезом на 100000 жителей, выбросы вредных веществ на 1000 человек. [4; 61].

Анализ результатов сводного рейтинга регионов ПФО показал, что по результатам на 01.01.2002 г. регионы ПФО можно условно разделить на 3 группы:

- 1) К первой группе отнесены регионы (Саратовская область) относительно благополучные по совокупности показателей, характеризующих производственную, социальную и финансово-инвестиционную сферу. Для них характерна устойчивая тенденция к улучшению социально-экономического развития;
- 2) Вторую группу представляют регионы-«среднячки» (Республика Мордовия), для которых характерны низкие показатели социально-экономического развития, отсутствие изменений рассматриваемых показателей;
- 3) Третья группа – это регионы, которые можно отнести к классу депрессивных, а ситуация в них требует особого отношения со стороны региональной и федеральной власти. По результатам рейтинга на 01.01.2002 г. к ним можно было бы отнести Пензенскую и Ульяновскую области.

Республика Мордовия и Саратовская область весьма неоднородны, что обусловлено своеобразием местных условий, сложившимся территориальным разделением труда, различием уровня развития производительных сил, социальной и производственной инфраструктур.

Э. Л. Файбусович в 2001 году относил Республику Мордовию к такому типу проблемных регионов, которые относятся к нему по ряду

позиций (отношение заработной платы к стоимости минимального набора продуктов питания – менее 2; доля безработных – более 10 %; доля экономически неактивного населения – более 40 %; сокращение населения – более 4; строительство жилья на душу населения ниже среднероссийского уровня) [5; 219].

Исследователи (А. А. Мукасеев) отмечают особое внимание республиканских властей к проблемам села и, в частности, молодежи [6, с. 265] – рост заработной платы на селе, выдача кредитов молодым семьям, улучшение социальной инфраструктуры на селе. Все это можно считать причиной оптимистичных настроений сельских жителей Республики Мордовия, опрошенных НИИ регионологии при Мордовском государственном университете в 2003 году [6; 263-265]. Одновременно исследователи отмечают такие противоречивые процессы, как наметившееся в последнее время улучшение демографической ситуации в республике и ее же депопуляционной характеристики, сильное влияние миграции на демографические процессы. На фоне демографических процессов, оцениваемых исследователями как негативные, и уменьшения численности населения обычно ухудшается и его здоровье. По результатам указанного исследования, за последние 5 лет степень общей заболеваемости выросла по многим классам болезней, а среди ценностей у опрошенных сельских и городских жителей первое место занимает здоровье [6; 266-267]. По мнению тех же опрошенных в Республике Мордовия, внешние факторы здоровья – это, прежде всего, экологическая среда, наследственность, материальное положение, уровень медицинского обслуживания, правильное питание. Реже к этим факторам опрошенные относят социальное окружение человека, физическую активность, отсутствие вредных привычек, рациональное соотношение труда и отдыха [6; 268].

Среди проблем, которые тревожат население республики, выделяются безработица и плохое состояние здоровья. Безработица является определяющим фактором миграции. В области охраны здоровья население чаще ориентируется на факторы, которые от него не зависят, и недооценивает значение здорового образа жизни в охране своего здоровья [6, с.270].

В 2001 г. в Республике Мордовия принята Программа улучшения демографической ситуации на 2001-2005 гг. Она включает проекты, направленные на создание социально-экономических условий оптимального воспроизводства, на повышение роли семьи в обществе [7; 307].

Саратовская область – более развитый в промышленном отношении регион из рассматриваемых. Уровень безработицы здесь меняется равномерно, уровень зарплаты выше, чем в остальных двух и увеличивается относительно равномерно. Заболеваемость – ниже из трех выбранных регионов, имеется тенденция к ее снижению. Социальная политика более стабильная и равномерная, отмечается устойчивое финансирование системы здравоохранения, обеспеченность ее квалифицированными кадрами, современным оборудованием. В Саратовской области с 1996 года действует Договор об общественном согласии. Еще недавно, в 1996 г. Саратовская область оценивалась президентскими аналитиками как депрессивный регион, но затем развитие социального партнерства в форме деятельности общественной палаты при губернаторе области и активное взаимодействие представителей гражданского общества и власти помогло сохранить социальное согласие в регионе, обеспечить социальную устойчивость. Инвестиционная привлекательность региона передвинулась с 64-го места в рейтинге 1996 г. на 9-е в 1998 г. Это означало создание решающей экономической предпосылки для устойчивого социального развития региона [8; 106-107].

К регионам с наиболее сложной социально-экономической ситуацией относятся Пензенская и Ульяновская области.

Особенностью социально-экономического развития Пензенского региона до 1990 года являлся развитый военно-промышленный комплекс. С середины 90-х годов наступил его развал и связанный с ним спад производства. Значительным ресурсом социально-экономической стабильности является аграрно-промышленный комплекс, но его развитие еще не до конца налажено. Сложная экономическая ситуация – характерная черта, специфика региона. Социальные проблемы области связаны с необходимостью повышения уровня и стандартов жизнеобеспечения населения, с развитием социальной инфраструктуры и потребительского рынка, сохранением и созданием новых рабочих мест, а также с последствиями старения населения и ростом демографической нагрузки на трудоспособное население, с приемом и обеспечением занятости переселенцев из других регионов страны и из ближнего зарубежья, с выполнением решений по обеспечению прав жителей населенных пунктов области, отнесенных к зоне радиоактивного загрязнения в связи с аварией на Чернобыльской АЭС [9; 232].

Ульяновск до начала 90-х годов – это развитый промышленный комплекс, крупный научный и образовательный центр Поволжья. Ульяновская область в 90-х г. долго жила по традиционной модели и про-

водила социальную политику в консервативных традициях (безадресные дотации на продукты, коммунальные услуги, приверженность к прежним формам управления), что вошло в противоречие с общим направлением хода реформ на уровне Российской Федерации. Ошибки выстраивания приоритетов в социальной политике (поддержка только маргинальных слоев населения и массовых дотаций) затормозили социальное развитие региона, повысили конфликтность между различными слоями общества и социальными институтами [10; 105].

Социальная политика Ульяновской области строилась без учета необходимости улучшения инфраструктуры развития социально-культурных учреждений. Без достаточного внимания оставалось строительство, образование, коммунально-хозяйственная сфера. Неэффективными оказались ряд социальных программ [10; 106]. Был провозглашен курс «мягкого вхождения» в рынок, который выразился в талонной системе распределения продуктов, в дотации цен на основные продукты питания, в социальной защите малообеспеченного населения [11; 83]. Эта политика привела к кризисным явлениям. Произошла деградация производственной сферы, сложилось катастрофическое положение в сельском хозяйстве. Значительными стали отличия жителей Ульяновской области в материальном положении от других регионов [11; 96]. Социальная дезадаптация населения, возросшие стрессы в неожиданных условиях привели к росту заболеваемости, в том числе детей и подростков.

Для сравнения были выбраны статистические показатели (в динамике изменения по годам):

- 1) валовый региональный продукт;
- 2) уровень безработицы;
- 3) денежные доходы на душу населения;
- 4) средняя номинальная зарплата работающих в экономике;
- 5) заболеваемость на 100000 чел. населения;
- 6) количество врачей на 100000 чел. населения.

Оказалось, что происходит очень неравномерное изменение названных показателей в исследуемых регионах. Во всех регионах экономический кризис 1998 г. сопровождался резким спадом ВРП, но в Саратовской области сумели сохранить более стабильный подъем ВРП, который превысил этот же показатель в сравниваемых субъектах РФ. В начале 2000 г. в Республике Мордовия происходит заметное и неуклонное повышение уровня денежных доходов на душу населения, как и в Пензенской области. Но в Пензенской и Ульяновской областях – очень неравномерное изменение уровня безработицы: то ускорение,

то замедление роста этого уровня, который заменяется кратковременным спадом. Во всех 4 регионах субъектов РФ можно отметить, что 2000 г. был «пиком» возрастания заболеваемости на 100000 жителей, после чего эта заболеваемость начала уменьшаться.

В результате вычисления коэффициентов ранговой корреляции оказалось, что существуют прямые, хотя и слабые связи между уровнем заболеваемости населения с одной стороны, ВВП и уровнями безработицы – с другой. Более сильная прямая связь прослеживается между уровнями заболеваемости и среднедушевыми денежными доходами. И обнаруживается сильная обратная связь между уровнями заболеваемости и численностью врачей в этих субъектах РФ [12, с. 132].

По этим показателям типология рассматриваемых регионов ПФО представлена следующим образом:

1. Наиболее благополучные – (Саратовская область) – характерна устойчивая тенденция к улучшению социально-экономического развития;
2. Менее благополучные – (Пензенская область) – это низкие показатели социально-экономического развития, отсутствие изменений рассматриваемых показателей;
3. Промежуточные – (Республика Мордовия) – наблюдаются тенденции к улучшению показателей, и есть возможности для устойчивого развития;
4. Неустойчивые (Ульяновская область) – низкие показатели, отсутствие четкой тенденции к улучшению [12; 132].

Таким образом, существует противоречие между несомненными социальными потребностями общества в формировании здорового молодого поколения и социальными условиями, которые препятствуют удовлетворению этих социальных потребностей. Это же противоречие проявляется в проблеме невозможности достичь поставленные цели, провозглашаемые социальной политикой, но не подкрепляемые ни финансовыми, ни материально-техническими ресурсами, ни организационными условиями. Невозможность совместного взаимодействия по улучшению здоровья детей и подростков обусловлена еще и тем, что здоровье хотя и признается ценностью, но в образе жизни представителей разных социальных групп проявляется мало заботы о своем здоровье и о здоровье детей. Нет именно совместной деятельности всех основных институтов, заинтересованных в формировании здорового молодого поколения: семьи, государства, систем здравоохранения и образования, отдыха и спорта.

Это – противоречие, которое господствует во всем современном российском обществе и создает опасность для его жизнеспособности. Специфика социально-экономического развития отдельного региона, особенности образа жизни и социальной стратификации населения в нем вносят свои особенности, еще больше углубляя это противоречие.

Примечания

1. Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г. В. Осипова. – М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. 672с.
2. Смирнов С. Н. Региональные аспекты социальной политики. М., 1999.
3. Сухарев А. И. Основы регионологии. Саранск: НИИ регионологии при Мордовском гос. ун-те, 1996. 120с.
4. Зыкова Л. А., Николаева Н. А., Титова В. Ф. Анализ рейтинговой оценки регионов Приволжского федерального округа // Вопросы статистики. 2003. №3. С. 61-70.
5. Файбусович Э.Л. Типология проблемных территорий: социально-экономический аспект // Регионология. 2001. №1. С. 214-221.
6. Мукасеев А. А. Социальные ориентации сельских и городских жителей региона // Регионология. 2004. №2. С. 263-270.
7. Логинова Н. Н., Жулина М. А. Качество населения: опыт социально-демографического исследования // Регионология. 4/2001-1/2002.
8. Зародин В.В., Самсонов В.Б. Социальные инновации: организация и контроль. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1999. 148с.
9. Социальная энциклопедия / Ред. колл.: А. П. Горкин, Г. Н. Карелова, Е. Д. Катульский и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 438с.
10. Кижеватова В.А. Адаптация населения к социально-экономическим изменениям (региональный аспект). Дисс... канд. социол. наук Ульяновск, 2001. 181с.
11. Кузнецова О.А. Социальные механизмы формирования региональных политических элит. Дисс... канд. социол. наук. Самара, 2004. 175с.
12. Дунаева В.И. Здоровье детей и подростков в условиях социальных изменений российского общества: региональный аспект. Дисс... канд. социол. наук. – Пенза, 2005. 194с.

*Г.Ю. Козина
ПГПУ им. В.Г. Белинского*

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО СТИЛЯ ЖИЗНИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В начале третьего тысячелетия проблема здоровья человека становится более актуальной. Здоровый человек является творцом любого общества, обладает энергопреобразующим потенциалом, представляет собой источник радости, интеллектуальной и физической работоспособности. Здоровье на сегодняшний день определяет специфику

современного общества в его движении к исторически новому состоянию. Состояние здоровья населения, его достаточность и качество во многом определяют ход социально-исторического развития страны. Социально-экономический кризис, охвативший Российское общество в связи с переходом к рыночным отношениям, не мог не сказаться на здоровье населения. Падение уровня жизни и отсутствие адекватной компенсации негативных факторов природной и социальной среды привели к накоплению хронических больных в каждом поколении.

Особо актуальна эта проблема для сферы образования, которая нередко наносит ущерб здоровью молодого поколения. За период обучения в школе здоровье учащихся ухудшается в 4–5 раз: количество детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата увеличивается в 1,5–2 раза, с нервными болезнями – в 2 раза, с аллергическими болезнями – в 3 раза, с близорукостью – в 5 раз (См: 1). Особенно неблагоприятная ситуация со здоровьем складывается у учащихся в школах нового типа (гимназиях, колледжах, лицеях) в связи с чрезмерными учебными нагрузками. Только 10 % выпускников общеобразовательных школ могут считаться здоровыми, 50 % имеют морфофункциональную патологию, 40% – хронические заболевания (См: 2).

В настоящее время особенно остро стоит проблема здоровья студенческой молодежи. Ежегодно в вузы поступают более 30% выпускников общеобразовательных школ, отнесенных по состоянию здоровья к специальной медицинской группе. Эта категория студентов имеет значительные отклонения в состоянии здоровья и низкий уровень физической и функциональной подготовленности. Внимание к студенческой молодежи в рассматриваемом контексте далеко не случайно: ведь именно от студенчества зависит будущее страны.

О социальной значимости данной проблемы свидетельствует тот факт, что снижение показателей здоровья молодого поколения отрицательно отразится на состоянии здоровья в последующие периоды жизни. В связи с этим все настойчивее ведется поиск и предпринимаются попытки создания такой системы образования, которая наряду с обеспечением необходимых условий для полноценного естественного развития человека способствовала бы формированию у него осознанной потребности в здоровье, пониманию основ здорового образа жизни, обеспечивала бы практическое освоение навыков сохранения и укрепления здоровья.

Следует отметить, что искусству быть здоровым, так же как и искусству живописи, музыки и т. п., нужно учить. Еще с древних времен важнейшую роль в формировании здоровья человека и воспитании

здорового поколения играла физическая культура с присущими ей биологическими и социальными функциями, способствующая физическому и духовному развитию индивида. Однако в последние годы, когда были извращены многие жизненные приоритеты и занижена роль различных социальных институтов в воспитании личности, физическая культура, формирующая физическое, психическое и социальное здоровье, оказалась не способной в полной мере обеспечить полноценное развитие человека. За десятилетие реформ в масштабе страны оказались разрушенными и перестали работать тысячи спортивных площадок.

В то же время именно от степени вовлечения молодежи в физкультурно-оздоровительную деятельность, во многом зависит ее физическое, психическое здоровье и работоспособность. При этом усилия государства должны быть направлены на всю молодежь России в целом, а не только на группы двигательного одаренных.

В 2004/05 учебном году на факультете социологии и социальной работы Пензенского государственного педагогического университета было проведено социально-медицинское исследование, в котором ставились следующие задачи:

1. Определить состояние здоровья молодежи по результатам самооценки.
2. Выявить факторы, негативно влияющие на здоровье молодежи.
3. Выявить имеющиеся ресурсы для формирования здорового стиля жизни.
4. Выявить представления студенческой молодежи о здоровом образе жизни.

В социологическом опросе, который проводился сплошным методом, приняли участие 268 студентов I–III курсов в возрасте до 20 лет. Среди респондентов преобладали женщины – 245 человек (91,4 %). Поскольку генеральная совокупность студентов I–III курсов равна 310, результаты опроса по данной выборке можно считать репрезентативными.

В предлагаемой анкете студентам было предложено самостоятельно оценить состояние своего здоровья. Лишь 39,9 % всех опрошенных оценили состояние здоровья как хорошее. Среди факторов, негативно влияющих на ухудшение здоровья, в большинстве случаев респонденты отметили стрессы (73,9 %) и неблагоприятную экологическую среду (48,1 %).

Социологическое исследование показало, что большую роль в формировании здоровья молодежи играют социально-гигиенические условия, оптимальная физическая и психоэмоциональная нагрузка, рациональный режим питания, благоприятные бытовые условия, экологический и социальный комфорт, исключая вредные и неадек-

ватные для организма и психики привычки (курение, алкоголизм, наркомания). Здоровье человека – не только медико-биологическая, но, прежде всего социальная категория. Именно режим учебы, отдыха, характер общественной работы, семейная обстановка и другие факторы образа жизни определяют состояние здоровья студенческой молодежи.

Реальную картину уровня сформированности здорового образа жизни у студенческой молодежи позволяют представить применяемость различных форм и средств физического воспитания. Анкетирование показало, что систематически занимаются утренней гигиенической гимнастикой лишь 5,9 % опрошенных. При анализе ответов на вопрос: «Занимаетесь ли Вы оздоровительной физической культурой во внеучебное время?» оказалось, что регулярно эту эффективную форму укрепления здоровья используют в своем режиме дня только 17,2 % респондентов.

При изучении причин, по которым студенческая молодежь не занимается оздоровительной физической культурой, было выявлено, что у 52,9 % всех опрошенных «нет свободного времени». Более того, 14,2 % респондентов не могли привести какие-либо объективные доводы, в той или иной степени мешающие им заниматься физической культурой. Вероятнее всего, первопричиной является недостаточная сформированность у молодежи культа здорового образа жизни, отсутствие социальной потребности в здоровье и социальной установки на него.

Понятие «образ жизни» трактуется как тип жизнедеятельности человека, обусловленный особенностями социально-экономической формации. Основными параметрами образа жизни являются труд (учеба), быт, социально-политическая и культурная деятельность людей, а также различные поведенческие привычки и проявления. Если их организация и содержание способствуют укреплению здоровья, то есть основания говорить о реализации здорового образа жизни, который можно рассматривать как сочетание видов деятельности, обеспечивающее оптимальное взаимодействие индивида с окружающей средой.

Понятие «здоровый образ жизни» включает в себя рационально организованный, физиологически оптимальный труд, нравственно-гигиеническое воспитание, выполнение правил и требований психогигиены, рационального питания и личной гигиены, активный двигательный режим и систематические занятия физической культурой, эффективное закаливание, продуманную организацию досуга, отказ от

вредных привычек. Здоровый образ жизни – это единственный стиль жизни человека, способный обеспечить восстановление, сохранение и улучшение здоровья.

Из поставленных вопросов респондентам требовалось выбрать несколько пунктов, более всего соответствующих их представлениям о «здоровом образе жизни». Большинство отвечающих считают, что основным содержанием здорового образа жизни должно быть: отказ от вредных привычек (57,8 %), систематические занятия физической культурой и спортом (54,1 %), соблюдение режима питания (54 %), гигиенических правил (44,4 %) и режима дня (26,1 %).

Анализируя полученные данные, можно заключить, что при формировании здорового стиля и образа жизни у студенческой молодежи следует обратить большое внимание на профилактику вредных привычек и организацию физического воспитания. В группе студентов, отнесенных по состоянию здоровья к специальной медицинской группе, следует обратить внимание на возможность применения физических упражнений с целью профилактики обострения хронических заболеваний, а в группе студентов, отнесенных по состоянию здоровья к основной группе, – на возможность совершенствования физических качеств. Кроме того, студенческой молодежи необходимо объяснить возможности использования физических упражнений для удовлетворения потребности быть здоровым. Исходя из этого, в вузе следует как можно больше открывать групп общефизической подготовки и спортивных секций.

Формирование у студенческой молодежи здорового образа и стиля жизни – важнейшая социальная технология государственного значения и масштаба. В социально-профилактические программы, направленные на формирование здорового стиля жизни студенческой молодежи, необходимо включать следующие направления: рациональный режим труда (учебы) и отдыха; оптимальную и систематическую физическую активность; эффективное, научно обоснованное закаливание; рациональное питание; комплекс психогигиенических и психопрофилактических воздействий; учет и коррекцию влияния на здоровье окружающей среды; аргументированную и действенную пропаганду против вредных для здоровья факторов (алкоголизма, курения, наркомании и токсикомании); формирование знаний и мер профилактики венерических заболеваний и СПИДа; обучение мерам по предупреждению уличного и бытового травматизма и правил личной гигиены; ознакомление студентов с многообразием традиционных и

нетрадиционных средств и методов, направленных на сохранение и укрепление здоровья.

Анализ результатов социологического исследования выявил низкий уровень физической активности студенческой молодежи. Для того, чтобы до конца решить проблему деятельного отношения студента к укреплению своего здоровья, подтолкнуть его к систематическим занятиям физическими упражнениями, во-первых, необходимо в корне изменить отношение молодежи к здоровью, во-вторых, следует создать широкомасштабную систему соответствующего образования, учитывая биологические, психологические, экономические, экологические, социальные условия и факторы. Решение вопроса здоровья студенчества непосредственно связано с проведением следующих мероприятий:

- активизацией агитационно-пропагандистской работы в вузе;
- организацией массовых физкультурно-оздоровительных мероприятий;
- организацией мероприятий по социальной профилактике;
- активизацией рекреационно-оздоровительной деятельности существующих физкультурных центров;
- разработкой механизмов поощрения здорового стиля жизни.

Таким образом, здоровье по сути своей должно быть первейшей потребностью молодого человека, но удовлетворение этой потребности, доведение ее до оптимального результата носит сложный, своеобразный, часто противоречивый характер и не всегда приводит к необходимому результату. Эта ситуация обусловлена рядом обстоятельств, а прежде всего тем, что в нашем государстве еще не выражена в достаточной степени положительная мотивация здоровья. Из этого вытекает важнейшая роль воспитания у каждого члена общества отношения к здоровью как главной человеческой ценности, а также формирование оздоровительно-профилактического образа мышления, обусловленного потребностями в сохранении и укреплении здоровья.

Примечания

1. Антропова М. В., Бородкина Г. В., Кузнецова Л. М., Манке Г. Г. Физиолого-гигиеническая оценка развивающего обучения в начальных классах // Педагогика, 1999. №8. С. 35.
2. Тетерский С.В. Введение в социальную работу: Учебное пособие. М.: Академический Проект, 2001. С. 146–148.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ МОЛОДЕЖИ НА РЫНКЕ ТРУДА (НА ПРИМЕРЕ Г. ПЕНЗЫ)

Как известно, процесс получения профессиональных знаний, умений и навыков наиболее интенсивно протекает в возрасте 18 – 24 лет. В этом возрасте большинство молодых людей получает профессиональное обучение и стремится уже не к эпизодической, а к постоянной занятости. Поэтому главными среди характеристик трудовой деятельности становятся гарантии занятости, возможности профессионального развития и должностного роста. Но именно в этом возрасте большинство молодых людей испытывает так называемый «шок от реальности», связанный с тем, что их идеальные представления о будущей трудовой деятельности вступают в противоречие с реальной обстановкой на рабочем месте. На этот же возраст приходится и период начального этапа карьеры, характеризующийся вхождением в организацию, нахождением своего места в ней. В современном обществе, прежде всего, увеличивается спрос на специалистов и высококвалифицированных работников, обладающих практическим опытом работы, что в основном и определяет конкурентоспособность специалиста на рынке труда [1].

Говоря конкретно, следует отметить основные источники поиска работы молодыми людьми – это обращение в ЦЗН; сбор информации о наличии вакансий у друзей, родных; поиск подходящих объявлений в СМИ, Интернете; посещение других служб трудоустройства; посещение кадровых служб предприятий города. Также среди желательных способов получения информации о работе на первом месте стоят специальные телепередачи, затем – реклама в прессе, далее идут объявления на улице (реклама), реклама по телевидению, реклама по радио.

Весьма интересной в данном контексте представляется оценка причин неудовлетворенности молодежи работой, предложенной в ЦЗН: на первом месте – низкая оплата труда (зарботок); на втором – предложенная работа не соответствует полученной профессии; на третьем месте – большая удаленность места работы от дома; и на четвертом месте – не устраивают условия и режим работы. На основе этого можно сделать предположение, что работодатели стремятся предлагать для молодежи такие рабочие места, где работники соглас-

ные на низкие заработки и любые условия труда. Вследствие этого образование и квалификация, полученные молодыми специалистами, остаются в большинстве случаев невостребованными.

По данным проведенных в этой области исследований, практически все молодые люди перед тем как обратиться в службу занятости, в течение одного или нескольких месяцев пытались самостоятельно найти работу. Причем этот начальный период поиска был наиболее активным. После обращения в службу занятости у большей части молодежи снижается активность, и они уже возлагают определенные надежды на службу. Однако чем больше времени молодые безработные находятся на учете в службе занятости, тем меньше у них уверенности в том, что именно здесь им помогут найти работу.

Некоторые особенности положения молодых специалистов можно рассмотреть на примере рынка труда города Пензы. По данным прошлых лет, ежегодно в службу занятости города Пензы по вопросам трудоустройства и социальной защиты обращаются примерно 11200 человек, из них около 0,5 % ищут работу впервые, а 18 % – не были заняты трудовой деятельностью более года. Также из общего числа обратившихся примерно 36 % – молодежь в возрасте 20 – 25 лет. Если обобщить данные по вопросу трудоустройства, то Центром занятости города было трудоустроено около 39 % от общего числа обратившихся. Из числа трудоустроенных 34% – молодежь в возрасте 19 – 29 лет.

Что же касается незанятых и безработных, то на начало 2004 года численность незанятых трудовой деятельностью, находящихся на учете в службе занятости, составляет около 7500 человек. Уровень безработицы относительно численности зарегистрированных безработных и численности экономически активного населения за прошлые несколько лет составил примерно 2,2 %. Основную массу безработных составляют: уволившиеся по собственному желанию, выпускники учебных заведений, в том числе и ВУЗов, безработные, имеющие высшее или среднее профессиональное образование.

Одной из центральных проблем на рынке труда области и города является, скорее всего, не столько нехватка рабочих мест для всех желающих трудоустроиться, сколько профессионально-квалифицированный дисбаланс спроса на рабочую силу и ее предложения. Сейчас появился спрос на работников ряда массовых профессий, в частности, станочников, рабочих строительных специальностей, но именно такая профессиональная ориентация меньше всего устраивает «продвинутой» молодежь. Чтобы восстановить ряды рабочих

кадров, необходимо проводить целенаправленное обучение и переобучение незанятого населения, в том числе и молодых специалистов.

К числу других ключевых проблем регионального рынка труда можно также отнести:

1. ухудшение качественных характеристик системы рабочих мест, поскольку в течение 90-х годов они практически не обновлялись, с одной стороны, ограничение возможности роста эффективности труда, а с другой – трудоустройство населения из-за расширения числа рабочих мест с неблагоприятными условиями труда и его низкой оплатой; изношенность основных фондов может стать одной из причин, ограниченного расширения спроса на рабочую силу;

2. трудоустройство ряда социально-демографических групп (молодежи, без практического опыта работы; отдельных групп женщин, инвалидов и др.) остается чрезвычайно сложным даже в условиях начального экономического роста. С одной стороны, сохраняется селективный подход при приеме на работу в зависимости от пола, возраста, семейного положения, здоровья, наличия опыта работы, а с другой стороны, растут требования безработных (особенно молодых специалистов) к условиям и оплате труда.

Молодежь сегодня имеет ряд особенностей, обуславливающих специфику их положения на рынке труда. Однако однозначное оценивание специфических черт молодежи как достоинств или недостатков ограничивает возможности достижения ее эффективной занятости. Поэтому необходимо иметь в виду, что в различных условиях трудовой деятельности, либо в рамках отдельно взятых организаций особенности молодого работника могут быть интерпретированы администрацией по-разному в зависимости от приоритетов кадровой стратегии фирмы. Практически все работодатели сегодня негативно оценивают такие качества молодых работников, как отсутствие навыков трудовой жизни и построения взаимоотношений в рабочей группе, неустойчивость поведения, то есть все то, что свидетельствует о социальной незрелости человека. Масштабность и устойчивость влияния стереотипов такого рода приводит к дискриминации молодых специалистов на рынке труда.

Недостаточно аргументированной представляется и трактовка способности молодежи к инновациям, так как привести новые идеи в деятельность организации могут лишь те специалисты, которые хорошо знакомы с существующим положением вещей. Как показывают некоторые социологические исследования, в практической деятельности молодежь часто оказывается более консервативной, чем работники

средних и даже старших возрастных групп, т. к. отсутствие трудового и жизненного опыта не позволяет ей грамотно прогнозировать возможные последствия изменений. Другое дело, что молодые сотрудники могут оказаться менее сопротивляемыми инновациям, но не столько по приверженности им, сколько по недостаточной приверженности старому. В этих условиях у молодежи окажется больше шансов сохранить свои рабочие места за счет готовности к адаптации. Таким образом, грамотное построение кадровой политики организации предполагает разработку специальных программ, позволяющих молодым специалистам адаптироваться в новой для себя роли наемного работника.

Таким образом, с целью выявления путей достижения эффективной занятости городской молодежи необходимо проведение комплексного мониторинга молодежного рынка труда в совокупности с анализом таких характеристик молодежи, которые способствуют или препятствуют упрочению положения молодого специалиста в сфере социально-трудовых отношений.

Также можно отметить, что те способы решения проблем собственной занятости и трудоустройства, к которым прибегают молодые специалисты, позволяют сделать вывод об уже достаточно высоком уровне их психологической адаптации к реалиям рынка труда. Но несомненно и то, что сегодня от государства требуются разработки и реализация особой системы мер, обеспечивающих не только предоставление тех или иных гарантий занятости молодым специалистам, но и оказание поддержки в адаптации данной группы населения к современной экономической системе общества. Государство и общество не должны пассивно ожидать самонастройки молодежного рынка труда, они должны предоставить научно обоснованную политику регулирования молодежной занятости с целью достижения ее эффективного уровня.

Примечания

1. Человек и труд 2002 № 12 стр. 26–27, 44–45
2. Рынок труда и занятости в экономике Пензенской области в 2001 году. Пенза. 2002г.
3. Букин В. П., Маркин В. В, Найденова Л. И. Занятость молодежи в регионе. Пенза, 1995г.
4. Исукова О. Т. Недостаточно оплачиваемая работа: почему мы соглашаемся? // Социологические исследования. 2002. № 6.

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

В зарубежной психологии уже в 1930–1940-е гг. пришли к пониманию того, что изучение отдельных свойств личности в профессиональной ориентации недостаточно, и исследователь, ограничивающий себя такими рамками, неизбежно заходит в тупик. Это повлекло за собой переход к многостороннему, так называемому характерологическому описанию, позволяющему дать целостную личностную оценку профессионала.

В настоящее время большинство специалистов склоняется к мнению, что личностный подход – это не просто учет индивидуальных особенностей личности в профессиональной деятельности, но прежде всего – изучение путей становления личности профессионала.

Ценностные ориентации личности, ее жизненные перспективы, планы, являются проекцией духовной жизни общества, формируются под влиянием общественных воздействий, обусловлены системой воспитания и обучения в семье, школе, определенной структурой общественных отношений.

Профессиональная ориентация личности в старших классах Многопрофильной гимназии ПГПУ им. В. Г. Белинского предполагает диагностику и развитие профессионально важных качеств. Это требует высокого уровня социализации, нервно-психической и познавательной устойчивости, познавательной активности, коммуникативной компетентности, организаторских способностей и т. д., а так же изучения интересов, склонностей будущих специалистов и потребностно-мотивационной сферы деятельности личности, т. е. того, что побуждает и привлекает к профессии.

Одной из основных особенностей формирования системы ценностей учащихся среднего учебного заведения является возрастной период, определяемый в возрастной психологии как подростковый и юношеский.

Подростковый и юношеский возрасты всегда рассматривались как самые сложные и наиболее важные и ответственные в плане формирования личности. Исследователи по-разному характеризуют место, занимаемое этим возрастом в общем цикле развития личности «завершающий этап подготовки к вступлению в самостоятельную, трудовую и общественную деятельность» (С. В. Черенкова); «важнейший

этап развития личности как субъекта труда, познания и общения» (А. В. Иващенко, В. П. Ижицкий, Т. Н. Мальковская, А. В. Мудрик); «период самоопределения, решения вопросов «кем быть» и «каким быть» тревожного поиска гражданского идеала и призвания к профессиональной деятельности» (Е. А. Михайлычев) и т. д. «Осознание своего места в будущем, своей жизненной перспективы» Л. И. Божович считала центральным моментом психического и личностного развития в этом возрасте. В подростковом и юношеском возрасте стабилизируются, и вместе с тем получают новый виток развития черты характера и основные формы межличностного поведения, интенсивно развивается сознание и самосознание личности, формируется «Я-концепция».

Главные мотивационные линии этого возрастного периода, связанные с активным стремлением к личностному самосовершенствованию – это самопознание, самовыражение и самоутверждение (Л. И. Божович, Д. И. Фельдштейн, И. С. Кон и т.д.).

В этом возрасте продолжают формироваться и одновременно реализовываться жизненные планы и профессиональные устремления личности. Жизненный план возникает в результате обобщения и конкретизации целей и мотивов, становления устойчивого ядра ценностных ориентаций, которые подчиняют себе частные, преходящие стремления. В юношеском возрасте важнейшей составляющей жизненного плана является профессиональное самоопределение: «ни один из жизненных планов не выступает в юношеском возрасте так ярко, выпукло, определенно, как профессиональный план, который действительно становится ядром, стержнем самоопределения на этом этапе» (А. М. Матюшкин).

Поэтому возникновение, формирование и реализация профессиональной программы личности как сознательного процесса в условиях учебной деятельности в школе имеет большое практическое значение.

Такого рода информация позволяет более объективно планировать воспитательные и образовательные процессы, ответственно подходить к формированию и коррекции профессионального отношения будущих специалистов, поэтому целеполагающее значение имеет профессиональная направленность (профессионализация) системы общего, включая технологическое, образования, предусматривающая формирование профессиональной культуры, профессионально значимых качеств и профессиональное самоопределение учащихся. Она должна обеспечивать:

1. формирование представлений о различных сферах, видах и формах профессиональной деятельности;

2. раскрытие возможностей и развитие способностей учащихся;
3. формирование профессиональных интересов и устремлений;
4. формирование адекватной самооценки;
5. достижение эффективного уровня компетентности в выбранной сфере трудовой деятельности;
6. формирование знаний, умений и навыков, необходимых для получения выбранной профессии.

Достижение намеченных результатов предусматривает комплекс взаимосвязанных действий:

1. профессиональную диагностику личности;
2. выявление профессионально значимых качеств;
3. профессиональные пробы;
4. формулирование профессионального выбора;
5. социальный анализ профессиональной ситуации;
6. принятие решения о выборе профессии и сферы практической деятельности;
7. составление жизненного плана;
8. принятие образовательно-профессиональных решений;
9. подготовку к выбранной сфере деятельности.

Профессиональная направленность систематизирует трудовое и технологическое обучение, актуализирует содержание и обеспечение учебного процесса, повышает личностную мотивацию, инициирует дополнительную образовательную и самостоятельную практическую деятельность учащихся.

При всем своеобразии комплексов качеств в различных видах деятельности можно, однако, назвать ряд личностных, выступающих как профессионально важные практически для любого вида профессиональной деятельности. Это, прежде всего: ответственность, самоконтроль, профессиональная самооценка, являющаяся важным компонентом профессионального самосознания, и несколько более специфические эмоциональная устойчивость, тревожность, отношение к риску.

Таким образом, существенным критерием правильного выбора профессии является соответствие склонностей и способностей человека тем требованиям, которые данная профессия предъявляет к работнику. Несомненно, что такое соответствие будет тем более оптимальным, чем сильнее гармония между склонностью и способностями молодого человека. Вопрос о соотношении склонности как направленности на деятельность и способности к этой деятельности имеет первостепенное значение для построения научной теории профессиональной консультации. Способности нельзя рассматривать как скрытые до

поры до времени внутренние возможности человека. Они всегда есть производное от единства индивида и условий его жизни и деятельности.

Примечания

1. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968. С. 464.
2. Бубнова С. С. Исследования индивидуальной структуры ценностных ориентаций личности // Психологический анализ учебной деятельности. М., 1991. С. 26-36.
3. Голфаст В. Б., Красноносенко Г. Ф. Структура жизненных ориентаций // Семья в крупном городе. Л., 1983. С. 171-174.
4. Кириченко А. В. Акмеологическое воздействие в профессиональной деятельности: теория, методология, технология // Дисс....докт. наук. М., 1999. С. 46.
5. Кон И. С. Психология ранней юности. М., 1989. С. 255.
6. Матюшкин А. М. Загадки одаренности. М., 1993. С. 48.
7. Прихожан Л. М., Толстых Н. Н. Подросток в учебнике жизни. М., 1990. С. 80.
8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1996. С. 153.

О. Казарян
(Научный руководитель Л. Я. Плешакова)
ПГПУ им. В. Г. Белинского

К ВОПРОСУ О МОТИВАХ ПОСТУПЛЕНИЯ НА ФАКУЛЬТЕТ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Перемены, происходящие сегодня в российском обществе, сказываются не только на системе экономических отношений, но и на духовном климате, на системе межличностных связей и отношений. Система жизненных ценностей современной молодежи во многом не совпадает с той, на которую еще совсем недавно была направлена деятельность всей системы образования и воспитания. Поэтому актуальным становится вопрос о том, каким образом подрастающее поколение выбирает профессию. Какие ценности являются приоритетными в эпоху конкуренции и социальной нестабильности?

Окончание школы активизирует процессы личностного, жизненного и профессионального самоопределения, внутренней позиции выпускника как устойчивого отношения к себе (согласование себя настоящего и выбираемого будущего), к людям, к миру и различным видам деятельности.

Кроме того, подрастающее поколение несет в себе потенциальную энергию дальнейшего развития. От того, какие ценности будут сформированы у молодежи сегодня, от того, насколько молодые люди будут готовы к новому типу социальных отношений, зависит путь и

перспективы развития нашего общества. Поэтому для нас оказалось интересным и полезным углубление в проблематику ценностно-смыслового аспекта профессиональной карьеры человека.

Наше внимание привлекла проблема выбора специальности абитуриентами факультета социологии и социальной работы как первый шаг в профессиональном самоопределении. Студентам 1 курса было предложено написать сочинение на тему: «Почему я поступил(а) на ФССР», обратив внимание на три момента:

1. Из какого источника получили информацию о факультете.
2. Как представляют будущую профессию.
3. Почему выбрали именно эту профессию.

Анализ сочинений и стал предметом нашего исследования, в ходе которого было обработано 77 сочинений.

Анализ показал, что практически все авторы имеют поверхностное представление о будущей профессии, но четко выражена мысль, что специальность предполагает общение с людьми (так ответили 68 человек) и помощью нуждающимся (47 человек). 6 абитуриентов открыто заявили, что при поступлении не имели никакого представления о специальности вообще. Таким образом, выбор осуществлялся в положении недостатка информации.

Студенты обладают только частичными представлениями о профессии социолога и социального работника, к тому же основанными на обыденном понимании данных специальностей. По их мнению, социальный работник организует и оказывает материально-бытовую и морально-правовую поддержку инвалидам, одиноким, престарелым людям и детям-сиротам; социолог составляет программы и проводит по ним социологические исследования. Такие знания, конечно, весьма абстрактны.

Такое положение грозит в будущем разочарованием для некоторых студентов. С другой стороны, такое положение закономерно, т. к. речь идет о новых специальностях, о которых на уровне обыденного сознания еще не сформировалось устойчивое представление. Чтобы сформировать в массовом сознании образ профессии и сделать выбор ее сознательным, а не случайным актом, необходимо, на наш взгляд, распространять соответствующую информацию через СМИ, специальные издания, встречи со школьниками и т.д. Вероятно, будет полезен сбор информации о лучших работниках данной сферы, запись бесед с ними и т.п., а в перспективе издание книги «История социальной работы в Пензенской области».

Большинство студентов узнали о ФССР от родных и товарищей (18 ответов), другие (9 человек) – из брошюры о факультетах ПГПУ им. В. Г. Белинского. Для остальных выбор факультета был спонтанным.

Главной мотивацией поступления на ФССР (для 29 человек) послужило то, что, по их мнению, профессия предполагает общение и помощь людям. Студенты считают эту специальность актуальной и необходимой (14 ответов). 10 человек говорят о том, что специальность престижна, а значит должна быть высокооплачиваема и востребована на рынке труда. Но, к сожалению, важность профессии в нашей стране очень слабо связана с ее оплатой.

Важную роль в выборе факультета абитуриентом играют вступительные экзамены (13 человек). Как мотив поступления 5 человек указали необходимость высшего образования (все равно какого). И 5 студентов решили пойти по стопам родителей. Этот факт примечателен, т. к. появляется перспектива трудовых династий.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Информации о факультете и специальностях недостаточно.
2. Студентам уже на 1 курсе нужно предложить ознакомительную практику.
3. Создать на факультете группы волонтеров, работающих по разным направлениям.
4. В процессе обучения больше внимания уделять прикладному использованию получаемых знаний.

*Л. Я. Плешакова, О. Вишнякова, Л. Федина, В. Филина
ПГПУ им. В.Г. Белинского*

К ВОПРОСУ ОБ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ К СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Под адаптацией в самом широком смысле слова понимается приспособление организма к окружающей среде. Под социальной адаптацией – процесс приспособления человека, общности, коллектива к окружающим условиям их жизнедеятельности, оказываемым воздействиям, характеризующийся установлением соответствием между состоянием системы и воздействием с помощью управленческих и других средств.

Предметом данного исследования является адаптация первого курса ФССР к обучению в вузе. Переход от жизни в семье и учебы в школе к студенческой жизни – это довольно резкая смена всего образа

жизни. Освоение вузовских методов организации учебного процесса, а для части студентов – самостоятельной жизни в общежитии или на квартире требуют психологической перестройки. Таким образом, адаптация происходит в изменившейся среде. Способности к адаптации у разных людей не одинаковы. Для одних внутренний информационный запас соответствует новой ситуации, и индивид способен поглотить внешние возмущения без потери устойчивости. Новая информация органически входит в их индивидуальный информационный диапазон, и ситуация остается под контролем. Для других процесс адаптации приобретает болезненный характер, индивидуальный информационный запас не позволяет поглощать и другие приходящие извне возмущения, в результате возникают отклонения от сложившихся норм (эпатажное поведение, отказ от работы на семинарах, непосещение занятий, неудовлетворительные оценки и т. д.). В этом случае студентам необходима социально-психологическая помощь.

Адаптация является частью общего процесса социализации. Принято считать, что социализация – это двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны усвоение индивидом социального опыта путём вхождения в социальную среду, с другой стороны – процесс активного воспроизводства системы социальных связей индивида за счет его активной деятельности.

Таким образом, социализация проходит через адаптацию. При этом субъект адаптируется не к вне-положенной ему социальной среде, а к её отражению, то есть к собственному психологическому содержанию, упорядоченность которого достигается, в том числе и за счет того, что социальным ожиданиям отводится своё место в субъективном опыте. Иначе говоря, человек адаптируется к требованиям социума в том виде, в котором они представлены в нем самом.

Приняв адаптацию за объяснительный принцип, авторы обратились к некоторым аспектам адаптации первокурсников факультета социологии и социальной работы.

На первом этапе проводилась пилотажное исследование по случайной выборке – 14 студентам 4 курса было предложено ответить на вопросы:

1. Назовите самые большие трудности, с которыми вы столкнулись на первом курсе
2. Назовите самую большую студенческую радость, испытанную на первом курсе.
3. Какие предметы оказались для вас самыми трудными?
4. С какого времени вы почувствовали себя в вузе комфортно?

Все вопросы были открытыми. На первый вопрос получены следующие ответы:

- незнакомый город и новый коллектив – 8
- первая сессия – 5
- самостоятельность – 2
- неумение записывать лекции – 2
- процесс поступления – 1
- неуверенность в себе – 1
- выступление перед аудиторией – 1

На второй вопрос:

- сдача первой сессии – 9
- посвящение в студенты – 3
- перевод на второй курс – 2
- каникулы после первого курса – 2

На третий вопрос:

- математика – 8
- философия – 8
- иностранный язык – 5
- история Отечества – 3
- история социальной работы – 3
- экономика – 3
- логика – 2
- социальная реабилитация – 1
- информатика – 1

На четвертый вопрос:

- на 3 курсе – 6
- на 2 курсе – 3
- на 4 курсе – 2
- сразу – 2
- второй семестр 1 курса – 1
- нет до сих пор – 1

На основании полученных ответов была составлена анкета (см. приложение).

Анализируя ответы студентов, мы попытались выявить трудности, возникающие у студентов в процессе обучения и определить ощущения и ожидания от студенческой жизни.

В ходе исследований мы выяснили, что пол и место учёбы на содержание ответов не влияют (2-й и 3-й вопросы). При ответе на 4-й вопрос на первом месте оказался страх перед первой сессией, на вто-

ром – боязнь выступления перед аудиторией, на третьем – адаптация в новом коллективе.

Первое и второе свидетельство авторитарности школьной педагогики, где педагог заставляет, контролирует, регламентирует учеников. Следовательно, перед нами почти полная неготовность к педагогике сотрудничества. Страх перед первой сессией проявляется в большей степени на 2 и 3 курсе (66,7 % и 76 %), 4 курс несколько забыл первую сессию, поэтому страха меньше, но процент его достаточно велик (33,3 %).

Боязнь выступления перед аудиторией усиливается в ответах 4 курса, косвенно это свидетельствует о том, что этот страх ещё не преодолён и хорошо сохранился в памяти. По ответам на 7 вопрос видно, что у 3-го курса адаптация произошла быстрее (32 %), а 2-й курс ощутил чувство комфортности ещё быстрее (41,1 %). Возможно, это связано с тем, что факультет окреп, утвердился и большее внимание стал уделять студентам, а также 2-й и 3-й курс могут опираться на опыт старших, а 4-му курсу опираться было не на что, так как факультет выделился из факультета психологии и социальной работы и стал самостоятельным в 2001 году.

По результатам 5-го вопроса самым трудным предметом для студентов является философия (73,3 %), причем, чем старше курс, тем выше процент положительных ответов (2-й курс – 64,7 %, 3-й курс – 74 %, 4-й курс – 80 %). Это связано с тем, что:

- 1) философия требует не только знаний, но и жизненного опыта, способности к рефлексии (а этого у 1-го курса ещё нет),
- 2) старшекурсникам уже есть с чем сравнивать учебные предметы и при изучении дисциплин старших курсов они чувствуют нехватку философских знаний.

Следующей по трудности оказалась логика. Наибольшее количество положительных ответов у 2-го курса (35,3 %), самый меньший – у 3-го курса (12 %), средний у 4-го курса (20 %). Это объясняется тем, что обращение к логике начинается у студентов с написания курсовых, где и применяются знания, полученные необходимостью практического применения логики «гасит» страх. Следующее место занимают математика (19,8 %) и экономика (18,9 %).

Таким образом, то, что требует глубокого понимания и не поддается «зубрежке», вызывает самые большие трудности. Меньше затруднения вызывают дисциплины, материал которых можно выучить на удовлетворительную оценку, опираясь на память. Колебания возникают с иностранным языком (7,8 % на 2-м курсе, 18 % – на 3-м, 20

% – на 4-м). Это объясняется тем, что знание иностранного языка опирается на очень разную школьную подготовку; изучение языка требует систематических и постоянных усилий; кроме того, на факультете введена специализация по иностранному языку и, соответственно, сменились преподаватели.

По результатам 6-го вопроса самыми яркими, радостными событиями в студенческой жизни были сдача первой сессии (2-й курс – 68,6 %, 3-й курс – 52 %, 4-й курс – 40 %) и поступление в институт (2 курс – 23,5%, 3-й и 4-й курс – 40 %). Радость сдачи первой сессии у 2-го курса более глубокая, т.к. еще свежа в памяти.

Это исследование носит предварительный характер, но позволяет проследить некоторые тенденции:

- 1) пол и место учёбы на процесс адаптации не влияют;
- 2) студенты довольно быстро привыкают к новой атмосфере;
- 3) наибольшими трудностями в студенческой жизни является первая сессия и выступление перед аудиторией;
- 4) сложность вызывают предметы, требующие самостоятельного рассуждения и не допускающие «зубрёжки», легче – те, которые можно выучить, опираясь на механическую память.

Обобщение вопросов позволяет выработать некоторые практические рекомендации:

- 1) кураторам первого курса больше работать над сплочением группы в дружный коллектив, над созданием в нём доброжелательной обстановки,
- 2) организовывать встречи первокурсников и старшекурсников;
- 3) проводить круглые столы или встречи преподавателей и студентов по актуальным проблемам науки и практики, что может повысить интерес последних к учебе;
- 4) организовывать дополнительные занятия по сложным предметам;
- 5) совершенствовать методики и технологии преподавания, отдавая предпочтение интенсивным технологиям;
- 6) обеспечить читаемые курсы методическим и методологическим материалом.

Общий вывод исследования – проблема адаптации существует и не только для первокурсников. Решение её требует специальных социальных средств, т. е. представляет собой управленческую задачу. Для оптимального управленческого решения, особенно в связи с переходом на новые учебные программы, нужны более глубокие исследо-

вания, постоянный мониторинг адаптируемости, создание кабинета (лучше лаборатории) психосоциальной помощи студентам.

Приложение

Анкета:

1. На каком курсе Вы учитесь?

- 1.1 на 2-м.
- 1.2 на 3-м.
- 1.3. на 4 к.

2. Ваш пол

- 2.1. мужской
- 2.2. женский

3. Вы поступили в университет, закончив школу в...

- 3.1. Пензе или Заречном.
- 3.2. Пензенской области

4. Назовите самые большие трудности, которые встретились Вам на первом курсе

- 4.1. Адаптация в новом коллективе
- 4.2. необходимость принимать самостоятельно решения
- 4.3. необходимость нести ответственность за принятые решения
- 4.4. отсутствие постоянного внешнего контроля
- 4.5. отсутствие навыков записи лекций
- 4.6. боязнь выступления перед аудиторией
- 4.7. страх перед первой сессией
- 4.8. другое

5. Назовите самые трудные предметы на первом курсе

- 5.1. математика
- 5.2. философия
- 5.3. логика
- 5.4. экономика
- 5.5. история отечества
- 5.6. история социальной работы
- 5.7. иностранный язык
- 5.8. социальная реабилитация

6. Что стало самой большой радостью на первом курсе?

- 6.1. поступление в университет
- 6.2. сдача 1 сессии
- 6.3. первые каникулы
- 6.4. посвящение в студенты
- 6.5. другое

7. Когда Вы почувствовали себя комфортно на факультете?

- 7.1. сразу
- 7.2. со второго семестра 1 курса
- 7.3. на 2 курсе
- 7.4. на 3 курсе
- 7.5. на 4 курсе
- 7.6. не чувствую до сих пор

*Н. Комратова, Т. Щеглова
(Научный руководитель Г. Ю. Козина)
ПГПУ им. В.Г. Белинского*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОКРУЖАЮЩЕГО ПРОСТРАНСТВА

Город – это место, где мы живем, особым образом строим свои судьбы, организуем жизнедеятельность, ставим определенные цели, обусловленные нашими ценностями, убеждениями, стремлениями и желаниями, – то есть их возникновение продиктовано особой городской атмосферой. Город – это социальный феномен. Он существует независимо от нас, но благодаря нам, влияет на нас – сколько написано и сказано об этом... В миллионных обиталищах человеческих существ так трудно не потерять себя...

Что такое город как форма организации социальной жизни, без которой современное общество невозможно? Радикальное изменение соотношения городских и сельских жителей в пользу первых, развитие городов, превращение их в города – мегаполисы, преимущественно городская культура современного общества заставляют представителей различных социальных наук проявлять интерес к Городу как социальному феномену. Город – это качественно новые формы объединения людей на базе общественных отношений. Город автономен и обладает возможностью выбора места возникновения, ибо природные факторы не оказывают на него большого влияния. Город более интенсивно осваивает территорию, так как городское производство само создает предпосылки для своего функционирования.

Однако город – это не только новые виды труда, но и качественно новые формы объединения людей, объединение не на основе кровных уз, а на базе общественных отношений, т.е. связей, созданных не природой, а самими людьми, обществом. Город становится формой преодоления ведущей роли природы в развитии человечества, "элементом", созданным обществом. Главный принцип возникновения городов – создание экономических и промышленных комплексов, расположенных вблизи транспортных узлов и энергетических источников. Город является формой включения индивида в общественную жизнь, средой его социализации. Оно формирует у него определенные социальные качества. Любой тип поселения – непосредственная среда жизнедеятельности человека. Условия, в которых человек трудится, удовлетворяет свои естественные потребности (в еде, жилье, образовании, культуре и т. д.), определяют меру возможностей в конкретном

месте поселения – это реальные условия, детерминированные профилем поселения, его численностью, административным статусом. Неоднородность условий жизни порождает социально-территориальные различия.

Город как непосредственная среда жизнедеятельности человека в широком смысле реализует важнейшую интегрирующую функцию – функцию социального развития человека, населения. Жизнь в городах необратимо изменяет человека, его восприятие природы и его психику. Это может оказаться опасным для будущего человечества. Условия жизни в крупных городах во многом противоречат генетической приспособляемости человека. На заре антропогенеза люди существовали либо большими семьями, либо небольшими общинами: каждый был на виду. Они жили в условиях не конкуренции, а взаимопомощи. Все это создало определенный психологический стереотип и тот психологический настрой, который служил источником психологического здоровья, развивал чувство единения людей с природой. Такой образ жизни сохранялся не менее двух миллионов лет. Теперь огромные массы людей живут вдали от природы, в квартирах – каменных гнездах; несмотря на давку в общественном транспорте каждый человек социально анонимен. Индивид борется с городской реальностью, так как она порождает то, что человеку биологически не свойственно. Пьянство, наркомания, хулиганство и т. п. – своего рода злобный протест, рождающий преступления.

Мегаполисы – одно из проявлений общепланетарного кризиса. Преодолеть его можно только в рамках новой цивилизации, новой структуры социальных отношений и ценностей. Но идти по пути непродуманной социальной инженерии – дело рискованное. Нужны взвешенные меры. В их числе – усвоение аксиомы: человек – элемент биосферы, и он может развиваться только в развивающейся биосфере. Это принцип коэволюции человека и биосферы. В третьем тысячелетии людям надо учиться жить на Земле, чтобы природа и общество могли совместно развиваться. Человек должен вписывать создаваемые им искусственные явления в биосферу, чтобы они развивали ее. Это новый кругооборот веществ должен быть согласован с возможностями природы и должен содействовать ее развитию и стабильности.

Отсюда вытекают многие требования к созданию мегаполисов:

- планирование и размещение промышленных предприятий;
- расширение парковых зон;
- доступность и легкость контактов с природной зоной и т. п.

Реализация принципа природной рациональности потребует двух трудных, но крайне важных мероприятий:

1. Необходимо разработать перспективную схему мегаполиса, в основу которой может лечь принцип природной рациональности. Но этот принцип будет противоречить частным интересам отдельных граждан и групп лиц (прежде всего тех, кто организует производственную коммерческую деятельность), которые окажут его реализации решительное противодействие.

2. Мегаполисом должна управлять сильная, грамотная власть, способная довести задуманное развитие города до логического конца, справившись с любым эгоизмом и преодолев любую коррупцию.

Само функционирование городов и агломераций имеет как общие, так и специфические проблемы. Для всех них первостепенное значение приобрели адаптация приезжающих, общественная и окружающая среда, развитие современного жилища, рациональная организация повседневной жизни людей. Но имеются и специфические проблемы. В крупных городах это упорядочение социальной инфраструктуры, приведение в соответствие производственных и культурно-бытовых потребностей; например в городе Пензе – эффективное использование трудовых ресурсов, благоустройство, создание современного комплекса удобств, жилищного и коммунального обслуживания. Но самое прискорбное состоит в том, что социальное развитие города до сих пор фактически рассматривается как дело второстепенное, неполноправное и нередко отходящее на задний план.

Слабое внимание к социальным аспектам ведет к тому, что ряд новых городов оказываются менее удобные для жизни, чем старые, сложившиеся, и неоправданно отстают от тех возможностей, которые имеет страна. И все же есть способы достаточно эффективно решить эти проблемы на данном уровне: территориальное движение кадров, регулирование занятости населения по полу, совершенствование форм и методов организации досуга, просветительной и оздоровительной работы и т. д.

Необходимость создания благоприятной жизненной среды в значительной степени определяется путями и методами решения социально-экологических проблем, а также жилищным, торгово-бытовым и коммунальным обслуживанием, возможностями рациональной организации досуга. Экономические реформы, с одной стороны, положительно повлияли на обновление облика ряда крупных городов (Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Самара), но с другой стороны, резко уменьшили социальные возможности средних и малых городов – ни-

щенское существование населения стало печальным и имеющим большие социальные последствия фактом.

Создание благоприятной жизненной среды начинается с рационального, продуманного осуществления архитектурно-планировочных преобразований, комплексного улучшения жилищных и культурно-бытовых условий жизни людей. К сожалению, города все чаще сталкиваются с ведомственностью и стихийностью в строительстве жилья и культурно-бытовых объектов. Архитектурная служба города подходит к этим вопросам в известной степени механически: вписывается или нет тот или иной объект в архитектурный ансамбль. В результате города нередко страдают от разбросанности производственных и культурно-бытовых объектов, осложняется жизнь десятков тысяч людей.

Планомерная застройка города, последовательное освоение новых и освобождаемых от ветхого жилья площадей, внешний облик его кварталов, магистральных улиц, благоустройство могут быть осуществлены только на основе объединенных усилий городских органов власти, предприятий и организаций города. При всей важности социально-пространственных и архитектурно-планировочных проблем городов определяющими являются социальное настроение, самочувствие, удовлетворенность людей местом жительства, возможность реализовать материальные и духовные потребности. Скученность населения, безликость городской среды, отсутствие должного социального контроля перемежаются с такими неотложными вопросами как жилищная проблема, распространение массовой культуры, рост неблагополучных семей, причастность молодежи к различным формам отклоняющегося поведения, рост преступности. Все заметнее проявляются отчуждение людей, рост одиночества, отсутствие милосердия (забота о престарелых, обиженных судьбой, неконкурентоспособных и т. д.). Центральной фигурой должен стать человек, а основной задачей – организация его жизни. Интеллектуальный потенциал города, духовную атмосферу в нем создают люди, имеющие общую и специальную подготовку. Забота о приумножении их числа и уровня влияния – залог развития культуры в городе.

Современный город невозможно представить без духовной культуры, постоянного развития культурно-просветительских учреждений, кинообслуживания, библиотек, театров, музеев, концертных залов, парков культуры. Одним из главных остается вопрос об организации эффективного использования свободного времени, которое является другом человека, но при определенных обстоятельствах становится его врагом. Социальное развитие города предполагает осуществление

мер по планомерному воздействию на негативные процессы: наркоманию, проституцию, организованную преступность, правонарушения, детскую безнадзорность, проступки против правил и норм поведения и общежития, любые проявления антиобщественного характера.

Несмотря на то, что социальное развитие города до сих пор фактически рассматривается как дело второстепенное, неполноправное и нередко отходящее на задний план, в последнее время люди все же стали задумываться над этим. Именно для решения этой острой и актуальной проблемы уже не первый год собираются юные жители нашего города и области, которым небезразлично будущее нашего города. Главной целью таких мероприятий является разработка социальных проектов по формированию наиболее благоприятной городской среды.

*Л. В. Киреева
ПГПУ им. В. Г. Белинского*

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОРТРЕТА СТУДЕНТА ФАКУЛЬТЕТА СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Кто такой современный студент факультета социологии и социальной работы Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, будущий социальный работник или социолог (одну из этих специальностей получают обучающиеся на данном факультете студенты)? Для того чтобы ответить на этот вопрос в 2004/2005 учебном году проведено социологическое исследование, целью которого и было выявление характерных особенностей присущих современному студенту педагогического вуза. Социальный портрет студента складывается из нескольких показателей, таких, например, как место рождения и проживания, состава семьи, состояния в браке, пунктов дохода семьи и некоторых других. Анкета, предложенная студентам содержала вопросы касающиеся вышеупомянутых тем.

В исследовании приняли участие студенты 1–3 курсов, всего – 268 человек. Анкетирование проводилось сплошным методом, что позволило охватить наибольшее количество респондентов. Результаты анкетного опроса можно считать репрезентативными, т. к. выборочная совокупность составила 85,35 % генеральной совокупности. Необходимо отметить, что более 90 % респондентов составляют девушки в возрасте от 17 до 20 лет. Подобная демографическая структура характерна и для многих других факультетов педагогического вуза.

Может возникнуть вопрос: почему в выборку попали студенты именно 1–3 курсов? Дело в том, что данное исследование является первым шагом более крупного социологического исследования, имеющего своей целью не только изучение и описание социального портрета студента, но и отслеживание динамики его изменения.

Анализ полученных данных логично было бы начать с того, где родились и проживают студенты, при этом время обучения в вузе не учитывается. Большинство студентов указали в своих анкетах, что родились в городе – 162 человека или 60,44 % всех опрошенных. Рожденными в селе оказались 39,18 % или 105 респондентов и только 1 студент местом своего рождения назвал деревню. Нужно уточнить, что эти же показатели на разных курсах варьируются в пределах 10 % в ту или иную сторону. Более конкретно эти различия можно увидеть в таблице 1.

Таблица 1.
Место рождения студентов.

	1-й курс		2-й курс		3-й курс		Всего	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Город	53	50,48	65	68,4	44	64,71	162	60,44
Село	51	48,57	30	31,6	24	35,29	105	39,18
Деревня	1	0,95	0	–	0	–	1	0,37

Как показал опрос, более половины студентов – городские жители. Это следует из того, как респонденты ответили на вопрос о месте проживания, не учитывая времени обучения в вузе. Наибольшее количество горожан оказалось на 3-м курсе – 70,59 % из числа опрошенных третьекурсников. Второе место занял 2-й курс (62,1 %) и, соответственно, третье – 1-й курс, на котором обучается всего 50,48 % городских жителей. По этим данным видно, что число студентов-горожан снизилось практически на 20 %.

Таблица 2.
Место проживания студентов, без учета времени обучения в вузе.

	1-й курс		2-й курс		3-й курс		Всего	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Город	53	50,48	59	62,1	48	70,59	160	59,7
Село	51	48,57	36	37,9	20	29,41	107	39,92
Деревня	1	0,95	0	–	0	–	1	0,37

Следующим был вопрос об изменении места проживания после поступления в вуз. Данные полученные в результате исследования свидетельствуют о том, что 47,01 % всех опрошенных не изменили своего места жительства и продолжают жить в родительской семье,

остальные разделились еще на 3 категории. Во-первых, проживающие на квартире – из общего количества изменивших место жительства таковых оказалось 109 человек (40,67 %). Во-вторых, проживающие у родственников – 10 респондентов или 3,73 %, а в третью категорию попали проживающие в общежитии студенты – их всего набралось 23 человека (8,58 %). Студенты, изменившие свое место проживания на общежитие или арендуемую квартиру, в подавляющем большинстве случаев делят их с соседями по комнате. Эти категории опрошенных были вынуждены пройти более сложный период адаптации, т.к. в него вошло не только приспособление к новым условиям обучения в вузе, но и привыкание к изменившимся условиям проживания.

Интересные данные получены на вопросы касающиеся состава семьи и тех с кем непосредственно проживают респонденты. Понятие состава семьи оказалось шире, чем понятие семьи в более узком смысле. Первое подразумевает не только родителей, но и близких родственников, а второе только родителей и родных братьев и сестер.

Большинство студентов живут в полных семьях, т.е. в их состав входят оба родителя. В таких семьях проживает из общего количества опрошенных 214 респондентов (70,85 %). Соответственно, оставшиеся 29,15 % опрошенных живут либо в неполных семьях, либо вообще не имеют родителей. Многие студенты указали, что в состав их семьи входят родные братья или сестры, а в некоторых случаях и те и другие. А бабушки и дедушки проживают вместе со своими детьми и внуками очень редко. Такая ситуация характерна для современной семьи, к тому же из полученных в результате опроса данных выяснилось, что у половины студентов нет ни бабушек, ни дедушек.

Структура семейного дохода наших студентов складывается в первую очередь из заработной платы родителей, такой вариант отметили 82,84 % респондентов. Другие пункты семейного дохода занимают следующие позиции – стипендия – 32,46 %, пенсии и пособия – 27,23 %, доходы от индивидуальной трудовой деятельности – 8,58 %.

Исходя из того, что львиную долю доходов семьи составляет заработная плата родителей, для определения ее количественных характеристик можно обратиться к таким показателям как сфера занятости и должностной статус родителей респондентов. Как показали результаты исследования, наибольшее количество отцов наших студентов заняты в промышленном производстве – 88 человек (39,46 %). Далее, с достаточно большим отрывом от лидера, расположились такие сферы как сельское хозяйство (10,76 %) и вооруженные силы (9,41%). В сфере бизнеса работает только 19 из 223 отцов, что со-

ставляет всего 8,52 %. Первое место по количеству занятых матерей заняла сфера образования – 47 человек (20,43 %), хотя занятых в промышленности женщин оказалось не на много меньше – 43 человека (18,69 %). В домашнем хозяйстве занято 15,21 % матерей, что в количественном показателе составляет 35 человек. Можно выделить еще 3 сферы занятости, в которых работает достаточно большое количество женщин – это управление (14,34 %), торговля (13,91 %) и здравоохранение (11,74 %).

Для определения должностного статуса родителей студентам были предложены следующие пункты: высшее руководство, руководство среднего звена, рядовой работник и обслуживающий персонал. Чуть больше половины родителей (приблизительно 51 %) были причислены к третьей категории, т.е. являются рядовыми работниками в той или иной сфере. Должности руководителей среднего звена занимают 31,73 % работающих матерей и 20,17 % отцов. Несмотря на достаточно большое различие в процентах этот показатель на втором месте. Должности в высшем руководстве занимает в 2 раза больше отцов, чем матерей – соответственно 11,66 % и 5,21 %.

Индивидуальные доходы студентов весьма ограничены. 87,69 % респондентов отметили, что находятся на попечении родителей. 33,58% студентов одним из пунктов своего дохода обозначили стипендию. Еще одним существенным вкладом в студенческие доходы является пенсия, указавших на ее присутствие в своем индивидуальном бюджете оказалось 19 человек (7,09 %). Другие же показатели (заработная плата, сбережения и т.д.) не превысили в индивидуальном значении 4,5 %. Только 3,36 % респондентов указали, что постоянно работают, подрабатывают время от времени 11,94 %, остальные 84,7% не ведут трудовой деятельности. Однако, 53,73 % респондентов хотели бы вести трудовую деятельность.

На вопрос «Есть ли у вас хобби?» чуть больше половины опрошенных ответили отрицательно (54,48 %), остальные указали, что у них есть постоянное хобби. В перечне увлечений наших студентов были отмечены: музыка, танцы, чтение книг, коллекционирование, кулинария, занятия разными видами спорта и др.

Важное место в жизни каждого человека играют моральные установки и ценности. По итогам анкетного опроса установлено, что доминирующее положение заняли в иерархии ценностей семья и здоровье. Их удельный вес практически равен и составил соответственно 69,78 % и 68,66 %. При этом у студентов разных курсов ценностные ориентации в большей мере совпадают, хотя их значения варьируются

в пределах 5 %. Такие ценности как «семья», «работа», «учеба в вузе», «материальное благополучие», «любовь» – показатели социального благополучия, которое как следует из определения ВОЗ, – обязательные компоненты здоровья человека не только физического, но и социального.

Подводя итоги всему вышеизложенному, можно констатировать, что современные студенты – молодые люди, стремящиеся к активной жизни. Они настроены на получение высшего образования, которое на современном этапе развития общества является необходимой базой для получения хорошей работы. При этом не исключается возможность совмещения учебы и работы. Это связано, с одной стороны, с тем, что возрастают потребности связанные с изменением социального статуса (школьник – абитуриент – студент), а с другой – с потребностью в самоутверждении и самовыражении.

Необходимо отметить, что студенты приехавшие из сельской местности активнее стремятся закрепиться на новом месте, для них (особенно для первокурсников) учеба в вузе как одна из жизненных ценностей занимает одну из главенствующих позиций в выстроившейся иерархии ценностей. Скорее всего, это связано с желанием в дальнейшем жить и работать в городе, что в свою очередь открывает больше возможностей и перспектив.

Подавляющее большинство опрошенных студентов из семей со средним уровнем достатка, об этом можно говорить основываясь на приведенных выше данных о сфере занятости и должностном статусе родителей наших респондентов.

Социальный портрет студента можно рассматривать как отражение многих социальных процессов происходящих в обществе. Его изменения позволяют обнаружить не очень значительные, но наметившиеся тенденции в изменяющихся потребностях общества. А современное общество требует от людей большого количества разнообразных знаний и умений, которые невозможно получить вне образовательных учреждений. Образовательный статус современных студентов, как показало исследование, уже сейчас в большинстве случаев выше, чем у их родителей, и это нормальное, закономерное явление.

*Королева Л.А., Ключина Л.В., Безрукова Т.С.
Московский открытый социальный университет (Пензенский Филиал)*

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОГО РЕГИОНА)

Укрепив свои позиции к концу Великой Отечественной войны, Русская православная церковь стала мощной структурой. «И хотя плата за легализацию была очень высока – полная подчиненность властям и отказ от требования религиозной свободы, православие постепенно возвращало себе утраченное ранее положение духовного наставника русского человека» [1]. Если до Великой Ответственной войны в Пензенской области было 2 церкви, то к 1948 г. их насчитывалось 32. Основной контингент верующих – это люди пожилого возраста, главным образом, женщины.

Духовенство было представлено священнослужителями преклонного возраста, преимущественно русскими и мордвой. Образовательный уровень священнослужителей был невысок, причем у городского несколько выше, чем у сельчан. Однако, проповеди священнослужителей Пензенской области, по замечанию уполномоченного Совета по делам РПЦ Н. И. Лысманкина, отличались актуальностью и даже злободневностью [2]. Епископы обязывали священников заниматься на курсах по «повышению квалификации» – пастырских. Пензенская область относилась к числу «самых неблагополучных областей Советского Союза по религиозной обрядности» [3].

К концу 1940-х гг. активизируется государственная политика ограничения религиозной деятельности, что непосредственно сказалось на местных православных церквях (закрытие приходов, финансовый прессинг и усиление налогового бремени, активизация атеистической пропаганды и т. д.). К 1949 г. в Пензенском крае было переоборудовано или закрыто 5 церковных зданий [4].

Новый подъем религиозности повлек за собой увеличение прибыли церквей. Основой церковных доходов являлась фактически коммерческая деятельность религиозных объединений – торговля свечами, просфорами, ладаном, лампадным маслом и другими предметами церковной утвари. Поскольку материальные доходы православных общин Пензенской области значительно возросли и стабилизировались, это предоставило возможность провести массовые ремонты в церковных зданиях, расширить благотворительную деятельность, что, в свою очередь, способствовало усилению своего авторитета у населения ре-

гиона. Справедливости ради необходимо отметить, что отчасти живучесть церковных праздников объяснялась стремлением людей просто развлечься, пообщаться с друзьями и родственниками и т. д.

Самое пристальное внимание православное духовенство обращало на приобщение к вере подраставшего поколения. Особенно активно данные процессы наблюдались в сельской местности, где молодежь в большей степени подпадала под влияние авторитета старших родственников и односельчан, где сильнее сказывались вековые народные традиции, в том числе и религиозные. Но епископ Леонид здраво замечал: «Я-то понимаю, что сейчас условия для церкви не те, что были, когда мы, старики, были молодыми. Тогда веровали все. Сейчас другое дело. Сейчас многие не веруют, и отношение к церкви у населения разное. Вот говорят, что в церковь много ходят... Но ведь молодежи-то верующей почти нет. Я не считаю верующими ту молодежь, которая придёт в церковь на большой праздник, «просвистят»... и уйдут. Это уже не верующие. Настоящих верующих стало мало. Поэтому я не одобряю тех священников, которые стремятся все расширяться, вывешивать колокола... Я всегда говорю им, не надо этого делать, надо вести себя скромнее» [5].

Государство продолжало проводить прежнюю репрессивную антицерковную политику, но в более мягком варианте. Практика же показала, что, несмотря на широкомасштабные антицерковные действия со стороны советских властей, религия продолжала оказывать серьезное влияние на сознание верующих, количество которых было весьма значительным. РПЦ, поддерживая в целом светское руководство страны, выступала в качестве его оппонентом в плане формирования мировоззренческих устоев народа.

Примечания

1. Давыдов С. Г. Неформальное движение советской молодежи: от Сталина до Горбачева. М., 2001. С. 168.
2. ГАПО. Ф.2391. Оп.15. Д.71, Л.8–12; Пензенская правда. 1982. №1.
3. ГАПО. Ф.2392. Оп.1. Д.1, Л.122.
4. ГАПО. Ф.2391. Оп.1. Д.14, Л.26.

VII. Социальная политика

В. А. Долотов

Отделение Пенсионного фонда РФ по Пензенской области

НАПРАВЛЕНИЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ В СИСТЕМЕ ЛЬГОТ

В результате проведенных рыночных преобразований в России изменились отношения собственности, система управления экономикой, структура власти. Этот процесс сопровождался резким снижением уровня жизни большинства населения. Возникла неоправданно высокая социальная и материальная дифференциация населения, в зоне бедности оказалась треть населения страны. Социальное иждивенчество сочетается с нарастающим недоверием людей к власти, её способности выполнять взятые на себя социальные обязательства.

В этих условиях сохранение в неизменном виде инструментов реализации социальной политики чревато углублением существующих негативных тенденций. Ключевым условием реализации социальных гарантий, установленных Конституцией Российской Федерации и Федеральными законами, является создание механизма их финансового обеспечения. Необходимо отметить, что механизм финансового обеспечения гарантий не может быть однородным. Однако большая часть гарантий финансируется за счет федерального бюджета, бюджетов субъектов Федерации, местных бюджетов, то есть за счет государства.

Но изменилась инфраструктура рынка социальных услуг и роль государства. Государство перестало быть монополистом во всех без исключения сферах социальных услуг.

Развивающийся рынок социальных услуг уже снял ряд господствовавших в нашем обществе стереотипов: «Государство – единственный оператор на рынке социальных услуг», «государство – лучший оператор на рынке социальных услуг». Однако, по мере того, как государство «теряется» среди других производителей социальных услуг, его роль на этом рынке возрастает, но уже в качестве института, устанавливающего единые правила организации рынка услуг и гарантирующего их соблюдение всеми участниками рынка [1].

В то же время, рынок социальных услуг не является некой самоценностью. Он важен лишь как инструмент создания конкурентной среды для производителей услуг (включая государство в роли оператора) и, как следствие, повышения качества и разнообразия услуг, снижения их себестоимости и цены.

Российская действительность демонстрирует широкий спектр примеров развития рынка услуг, таких как сеть частных стоматологических кабинетов, медицинских поликлинических заведений, аптек, частных пассажирских перевозчиков и т. д. Изменение роли государства и развитие рыночной инфраструктуры социальных услуг меняет и положение российского гражданина: из объекта социальной политики в субъект социальной политики.

На протяжении многих десятилетий гражданин, будучи объектом социальной политики, свои отношения с производителем услуг (государством) строил только на подчинённости, на основе административного характера отношений. Право человека на выбор вида, качества, количества услуг был предельно ограничен.

Принципиально новым представляется гражданин в качестве субъекта рынка социальных услуг, т.к. он является носителем важнейшего атрибута рынка – спроса, содержание которого определяет направление и скорость развития предложенных услуг. При этом роль государства заключается не только в установлении правил оказания услуг, но и в изменении направленности финансовых потоков. При монопольной роли государства финансовые потоки замыкались на государственных же организациях, предоставляющих различные услуги, такие как муниципальные транспортные предприятия, муниципальные аптеки, жилищно-коммунальные предприятия, предприятия железнодорожного транспорта и т. д. Гражданин не имел возможности реализовать услугу на льготных основаниях в каких-то других организациях (Рис. 1).

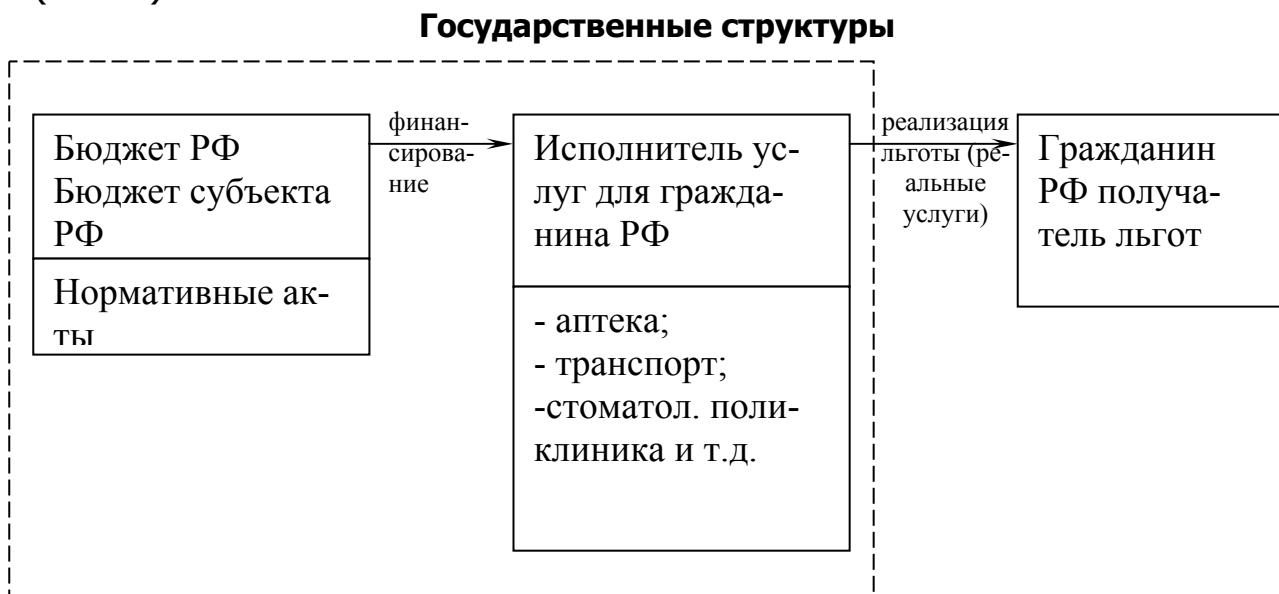

Рис. 1. Реализация услуг при монопольной роли государства (финансирование государством исполнителя услуг).

Характерным примером является предоставление государством инвалиду Великой Отечественной войны бесплатно автомобиля «Ока». Понятно, что инвалиду войны сейчас уже, как правило, за 80 лет, управлять автомобилем он не в состоянии. Машиной пользуются дети, внуки, родственники. Налицо дискредитация самой идеи бесплатного обеспечения инвалида ВОВ автомобилем, за который к тому же государство выплачивает производителю «Оки» цену значительно выше рыночной.

В рыночных условиях, у гражданина есть достаточно широкий выбор для реализации социальной услуги и роль государства заключается в том, чтобы переориентировать финансовые потоки на конкретного гражданина страны.

При этом ответственность государства за реализацию услуги должна значительно возрастать, хотя участие в самом процессе реализации услуги минимизировано (Рис. 2).

Рис.2. Реализация услуг в рыночных условиях (адресное финансирование гражданина РФ).

Реализация услуг в предложенном варианте позволяет реализовать антикризисное управление социальными процессами в обществе, достижение социальной стабильности в обществе и последовательно и устойчиво развивать инфраструктуру социальной сферы.

Основная сложность в этом случае заключается в определении реальной стоимости услуги, гарантированной государством. Дело в том, что одна и та же услуга в разных субъектах федерации имеет разную цену (например, установка и оплата телефона, проезд в городском и пригородном транспорте, жилищно-коммунальные услуги и т. д.).

Кроме этого, значительно различаются и финансовые возможности субъектов РФ, абсолютное их большинство является дотационными. Реальностью является и то, что значительное количество граждан РФ имеют право на несколько льгот, например льготы по закону «О ветеранах» и по «чернобыльским» основаниям и т. д.

Поэтому сложившиеся реальные условия требуют проведения оптимизации обязательств государства перед гражданами РФ. Оптимальным вариантом для граждан является перевод всех льгот в денежную форму и её выплата конкретному гражданину.

Но, как отмечено выше, государство не в состоянии выполнять все свои обещания, которые составляют по оценке заместителя министра экономического развития и торговли А. Шаронова 15 процентов ВВП, а общая эффективность государственной социальной помощи оценивается только в 18-22 процента. [1]

Поэтому оптимизация не подразумевает изначально 100 %-ное выполнение обязательств государства, но в то же время обязательно должна увеличить объем финансовых средств в несколько раз на эти цели, чтобы достигнуть ощутимого прогресса и изменить мнение граждан о государстве и его руководстве, укрепить основания для определения России как социального государства (ст. 7 Конституция РФ).

Исходя из этого целями оптимизации социальной политики можно признать:

- обеспечение максимально эффективной социальной защиты граждан, которые не могут самостоятельно решить свои проблемы и объективно нуждаются в поддержке государства;
- обеспечение всеобщей доступности и общественно-приемлемого качества базовой социальных услуг, к числу которых относится, прежде всего, медицинское обслуживание;
- создание для трудоспособного населения экономических условий, позволяющих гражданам за счет собственных доходов обеспечивать более высокий уровень социального потребления, включая комфортное жилье, лучшее качество услуг в сфере здравоохранения, достойный уровень жизни в пожилом возрасте;
- формирование в социально-культурной сфере институтов, создающих возможность максимально полной мобилизации средств населения и предприятий, эффективного использования этих средств, и на этой основе – обеспечение высокого качества и возможностей широкого выбора населением предоставляемых социальных благ и услуг.

Особого внимания требует оптимизация услуг медицинского направления. Уровень оказания медицинской помощи, культура и результаты лечения на протяжении последнего времени не отвечают потребностям людей и являются одной из причин низкой продолжительности жизни граждан РФ (мужчины – 59 лет, женщины – 72 года). Поэтому оптимизация льгот по медицинскому обслуживанию в настоящее время не должна быть переведена в денежную форму, а должна реализовываться в натуральном виде, но в более значительных объемах и с более высоким качеством.

С этой целью необходимо не только увеличить финансовые средства на льготы по лекарствам, но и значительно расширить перечень льготных медикаментов, а также установить контроль за ценообразованием лекарств для предупреждения необоснованного роста цен на них. Это позволит также снизить нагрузку на медицинские стационарные учреждения, которые в условиях дефицита льготных лекарств зачастую выполняли функцию амбулаторных пунктов.

Каковы же должны быть финансовые источники обеспечения государственных гарантий для льготных категорий граждан и механизмы их реализации? Можно рассмотреть три варианта решения.

Первый вариант – в рамках существующей методологии финансовой поддержки выделять субвенции на реализацию конституционных гарантий.

Второй – осуществлять финансирование конституционных гарантий исключительно из федерального бюджета.

Третий – создать систему финансового обеспечения конституционных гарантий на основе выделения в составе бюджетов всех уровней фондов денежных средств, образуемых за счет доходов целевого назначения и расходующихся на реализацию соответствующих гарантий.

Автор поддерживает вывод С. Хурсевича[2], что если оставить неизменной существующую методологию финансовой поддержки, то механизм введения субвенций на реализацию конституционных гарантий может быть реализован следующим образом. По действующей методике распределения Федерального фонда финансовой поддержки субъектов Федерации (ФФПР) определяется общий объем средств, причитающихся субъекту РФ, а потом указывается, какая их часть должна быть направлена на реализацию конституционных гарантий, а какая – останется нецелевой дотацией. Однако при реализации такого подхода сохранятся существующие проблемы.

Во-первых, при базовом расчете будет смешиваться потребность соответствующих бюджетов в реализации конституционных гарантий и

осуществлении иных расходов. Следовательно, при недостатке средств в ФФПР оба вида расходов будут пропорционально сокращаться, что не повысит степень исполняемости конституционных гарантий.

Во-вторых, федеральные обязательства по реализации конституционных гарантий и их фактическое финансирование могут оказаться разорванными, так как бюджетная система субъекта не застрахована от дефицита.

В-третьих, невозможно создать механизм регулирования расходной политики субъектов Федерации в части собственных средств, т.е. полученная субвенция может расходоваться целевым образом, а собственные средства на эти цели не выделятся совсем или выделятся в незначительном объеме. В результате обязательства вновь не будут выполнены, а ответственность за это не понесет никто.

Автор убежден, что финансирование всех государственных обязательств исключительно из федерального бюджета полностью снимет проблему финансового обеспечения льгот.

В этом случае автор считает необоснованными выводы С. Хурсевича о том, что потребуются дополнительный чиновничий аппарат и что регионы в большей степени будут зависеть от федерального центра; что такая форма снизит стимулы к развитию в субъектах собственного налогового потенциала и привлечение внебюджетных средств[2]. Уместно напомнить, что речь идет об обязательствах государства, поэтому и обосновано, что финансирование должно быть из федерального бюджета, по одним правилам, в едином порядке для всех субъектов РФ.

Можно рассмотреть и третий вариант финансового обеспечения льгот, а именно создание в составе бюджетов всех уровней фондов денежных средств, образуемых за счет доходов целевого назначения и расходующихся на реализацию соответствующих гарантий. При данном подходе финансовое обеспечение осуществляется через целевые бюджетные фонды различных уровней: федеральный, региональные, местные.

Но, такой порядок нельзя признать оптимальным в существующих условиях, т. к. он опять-таки, как и первый вариант, связан с финансовыми возможностями субъектов РФ и муниципальных образований, которые абсолютно различны, а значит и существует опасность, что какие-то обязательства государства могут быть не профинансированы из-за дефицита соответствующего бюджета субъекта РФ или муниципального образования.

Представляется важным рассмотрение ещё одного аспекта в реализации реформы государственных льгот, а именно возможного проведения реформы льгот одновременно при положительном результате для гражданина РФ, для которого характерно растущие потребности, как отмечает Г. Осадчая [3] или, учитывая значительные масштабы реформирования льгот проводить реформу в несколько этапов.

С этой точки зрения автор считает, что при одномоментном реформировании системы льгот даже незначительные недоработки и ошибки в исполнении могут привести к неудовлетворительным результатам и дискредитировать саму идею реформы. К тому же по некоторым льготам, таким как льготы по ЖКХ, которое по стоимости является разным в различных субъектах и муниципальных образованиях РФ, но остаются одинаково непрозрачными по ценообразованию, во всех субъектах требуется дополнительный анализ.

Кроме того, поэтапное реформирование системы льгот позволяет корректировать как сами решения по оптимизации льгот, так и их финансирование, что представляется достаточно важным с точки зрения стабильности системы.

И ещё одно важное направление в решении проблем системы льгот – информирование и разъяснительная работа, без которой, учитывая значительное количество граждан, которых охватывает реформа (более 103 млн. чел. по оценке А. Аганбегяна), невозможно получить положительный результат.

Примечания

1. Шаронов А. «Эволюция социальной политики: тенденция и перспектива» // Общество и экономика. М. 2000. №7. С.41.
2. Хурсевич С. Социальные гарантии: проблемы их обеспечения // Финансы. М., 2000. № 9, С. 7–8.
3. Осадчая Г. Социальная сфера: Методология анализа и управления // Общество и экономика, М., 2000, № 9-10, с.10

*Тюрина Е.И.
ПГПУ им. В. Г. Белинского*

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССАМИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ

Система социальной защиты населения, как и любая другая система, характеризуется не только составляющими ее элементами, но и процессами, протекающими в ней. Социальные процессы в системе

социальной защиты населения определяются динамикой взаимодействия ее подсистем.

Социальный процесс – совокупность статистически устойчивых актов взаимодействия людей, выражающих определенную тенденцию изменения (или сохранения) социального положения или образа жизни больших групп людей, условий воспроизводства и развития каждого человека как личности и оказывающих влияние на отношения между людьми (группами, общностями).

В целом развитие региона как совокупности больших групп людей, имеющее устойчивую тенденцию и характеризующее изменения (или сохранения) социального положения или образа жизни, условий воспроизводства и развития каждого человека как личности, можно охарактеризовать как систему определенных социальных процессов.

Таким образом, социальные процессы оказывают влияние на отношения между людьми (группами, общностями) и тем самым формируют определенные предпосылки для социальных изменений. Всякий социальный процесс характеризуется протяженностью во времени, последовательностью, при которой предыдущие этапы и состояния обуславливают последующие, непрерывностью и идентичностью.

К специфическим особенностям социальных процессов относят: массовый характер процессов; их социальное (общественное) содержание, источники и результаты; самодеятельность участников социального процесса; устойчивость. Соответственно социальные процессы, протекающие в рамках системы социальной защиты населения, могут быть охарактеризованы следующими признаками:

1. Массовый характер – единичные действия людей или отдельные события нельзя называть социальным процессом. Тем более это касается социальных процессов региона, которые по своей сути являются массовыми. Хотя социальная поддержка государства должна быть адресной, все же процессы, вызывающие необходимость оказания социальной помощи в большинстве своем носят массовый характер. Так, например, причина возникновения инвалидности индивидуальна, а обеспечение жизнедеятельности и жизнеспособности инвалидов как членов общества, носит массовый характер.

2. Социальное (общественное) содержание, источники и результаты. Считается, что к социальным процессам относятся процессы, порожденные обществом и объективно в той или иной мере касающиеся социальных связей. Социальные процессы направлены на укрепление социальных связей, а те процессы, которые расшатывают данные связи, квалифицируются как антисоциальные (анемические). Именно со-

циальность рассматриваемых процессов интересует автора данной работы. Причем социальность процессов и является основой управления в системе «индивид – среда», которая выступает объектом управления социальной защитой населения.

3. Самодеятельность участников социального процесса. Там, где нет самодеятельности, процесс только по форме является социальным, по содержанию же – это лишь краткий эпизод общественной жизни. Действительно, процессы управления социальной защитой населения должны осуществляться как со стороны государственного управления, так и характеризоваться активной включенностью населения региона в эти процессы.

4. Устойчивость. Массовые, но случайные, разовые действия отдельных людей не могут быть названы социальными процессами. Оказание социальной поддержки населению как социальный процесс, никак не может быть случайным, во-первых, в силу своей объективности, а во-вторых, важен характер его постоянства.

Каждый социальный процесс состоит из нескольких стадий, различающихся по содержанию и механизмам, то есть способам взаимосвязи его компонентов, определяющей его направление и темпы на данной стадии.

Многие социальные процессы являются парными, имеют симметричные по структуре механизмы, отличаясь знаком направленности: интеграция и дезинтеграция социальной системы, сплочение и конфликт в группе, стабильность и текучесть персонала в организации и т. п.

Различают социальные процессы функционирования (обеспечивающие воспроизводство качественного состояния объекта) и социальные процессы развития (обуславливающие переход объекта к качественно новому состоянию); развитие может быть прогрессивным и регрессивным, эволюционным и революционным. Основным источником развития и других социальных процессов служат противоречия внутри социальных систем.

Общая типология социальных процессов конкретизируется применительно к различным уровням анализа: человечество, общество, класс, организация, малая группа.

Существенно также различие между стихийными, естественно-историческими и сознательными, целенаправленными социальными процессами.

Стихийный социальный процесс образуется из множества разнонаправленных действий социальных субъектов, упорядоченность которого проявляется как статистическая величина.

Сознательный социальный процесс есть совокупность целенаправленных действий, достигающих запланированного результата. Стихийные и сознательные социальные процессы диалектически взаимосвязаны: первые включают элементы сознательной самоорганизации, а вторые – немало спонтанного, самопроизвольного; это делает различие между ними относительным, более того, наблюдаются превращения одного в другой.

Рассматриваемые в данном исследовании процессы, связанные социальной защитой населения, как уже было сказано выше, являются сознательными: социальная защита – определенный комплекс мероприятий, осуществляемых государством или самими гражданами, по оказанию социальной поддержки в ситуациях и формах, определенных законодательством, то есть стихийность этих социальных процессов может быть обусловлена только какими-либо чрезвычайными ситуациями, управление которых опять же строго формализовано.

Учитывая классификацию, предложенную Р. Парком и Э. Берджессом систематизацию социальных процессов Я. Щепаньского, а также процессуальный подход к исследованию социальных систем, предложенный И. Морозен, можно сформулировать следующие виды социальных процессов, присущих системе социальной защиты населения.

1. Процессы внутреннего и внешнего взаимодействия. Нас интересуют взаимодействия, происходящие во вторичных группах, где осуществляются посредством объединения многих людей, работающих совместно в каких-либо организациях, например государственных и некоммерческих организациях. Для эффективного функционирования системы социальной защиты населения необходима кооперация государственных учреждений социальной защиты населения, общественных организаций, коммерческих организаций, всех членов общества. То есть внутренне взаимодействие осуществляется в рамках отношений соподчинения организационных элементов системы социальной защиты населения, внутренне взаимодействие проявляется во взаимоотношение всей организационной подсистемы с другими сферами общества по оказанию социальной поддержки и формированию общей социальной направленности всего государства.

2. Социальные противоречия. В системе социальной защиты населения они проявляются как при межгрупповом и межличностном

общении (между группами социально благополучных и нуждающихся в социальной защите граждан), так и в организационной ее подсистеме (нередки конфликты между ее уровнями из-за распределения и использования финансовых средств).

3. Процессы дифференциации и интеграции. Осуществляются, когда речь идет, с одной стороны, о комплексной социальной поддержке (обеспечение достойного уровня жизни) каждому гражданину и об адресности оказания социальной защиты населения, то есть ее персонализации и дифференциации, с другой стороны. В то же время в рамках системы социальной защиты населения, в частности в ее организационной подсистеме, дифференциация осуществляется при разграничении функций и распределении ресурсов между ее элементами, а интеграция – при направленности всех учреждений и органов социальной защиты населения на достижение единой цели своей деятельности

4. Процессы адаптации. Они могут рассматриваться как с точки зрения самой системы социальной защиты населения, так и ее клиентов. Система социальной защиты, так же как и любая другая система, для нормального функционирования должна приспосабливаться к внешним и внутренним изменениям. В этом случае деятельность клиентов социальных служб целесообразно рассматривать скорее не приспособление, а процесс адаптации и реадaptации определенных слоев населения к полноценной жизни в обществе как одно из направлений социальной защиты населения. Кроме того, адаптация может быть и внешним по отношению к системе социальной защиты процессом. Речь идет, в частности о компромиссном поведении всех членов общества, которое, проявляется в терпимости, понимании и всесторонней поддержке нуждающихся.

5. Процессы внутренней экспансии. Данные процессы, являясь частью функциональных процессов обеспечения целостности системы, особенно характерны для современной системы социальной защиты населения России. Они являются реакцией системы на негативные и масштабные изменения внешней среды и характеризуются усилением значения организационного структурирования системы и повышением роли управленческого контроля. Система определяет и четко фиксирует основные характеристики и показатели своего развития. Именно в регулировании названных характеристик и в сравнении их с обозначенными целями, нормами и нормативами развития социального процесса проявляется сущность нормативного социального управления, конкретизация которого должна увеличиваться по мере роста уровня

структуризации системы социальной защиты населения: от регионального управления до управления непосредственно учреждениями социальной защиты населения.

Итак, все перечисленные социальные процессы как объект управления системой социальной защиты населения можно классифицировать следующим образом:

- социальные процессы, которые протекают в содержательной подсистеме социальной защиты населения при оказании того или иного вида социальной поддержки и касаются условной системы взаимоотношений «клиент социальной службы – общество»;

- социальные процессы, имеющие отношение к организационной подсистеме социальной защиты населения, образуемые отношениями управления и самоуправления органов и учреждений социальной защиты населения, а также их взаимодействия с внешней средой.

*С. Н. Колокольникова
(Научный руководитель д. филос. н., проф. А. Б. Тугаров)
ПГПУ им. В. Г. Белинского*

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

О социальном партнёрстве сегодня пишут и говорят многие. Однако за этим понятием скрываются самые разные вещи. Подчас создаётся впечатление, что социальное партнёрство – это всё и ничего. Обратимся к толкованию термина «социальное партнёрство». Изменение экономического и политического строя, всей социальной ситуации в России в начале 90-х гг. XX в. привело к такой форме решения социальных проблем как социальное партнёрство государственных и некоммерческих структур в социальной сфере. Традиционное понимание социального партнёрства как взаимодействия государственных учреждений и профсоюзных организаций, отстаивающих интересы работников перед работодателями, сменилось более широкой, отражающей современные реалии трактовкой. А. И. Сухарев и Е. А. Демьянов склоняются к следующему толкованию термина: «социальное партнёрство – особый тип взаимодействия, совместная, осознанная деятельность социальных субъектов по достижению, реализации взаимопересекающихся (частично или полностью совпадающих) и взаимозависимых интересов» [4].

Следует обратить особое внимание на составляющие определения: это не просто взаимодействие, не просто деятельность, а совместная деятельность, в которой принимают участие, как минимум, два

субъекта; это не просто совместная деятельность, но деятельность во имя достижения своих целей, причём интегрированных с целями партнёра; базой интеграции целей выступают пересекающиеся интересы взаимодействующих субъектов, причём совпадение, пересечение интересов – главная основа для формирования потенциала социального партнёрства.

Сегодня суть социального партнёрства состоит в налаживании конструктивного взаимодействия между различными силами на общественной арене – государством (имеются в виду органы власти и учреждения социальной сферы), бизнесом и сообществом некоммерческих организаций и общественных движений – во имя решения социально значимых проблем. Условно их называют первым, вторым и третьим секторами. Хотя в последнее время применительно к межсекторному взаимодействию в научной литературе и обыденной практике часто употребляется понятие „межсекторное социальное партнёрство“. Оно имеет широкий смысл, который трудно отличить от контекста понятия „социальное партнёрство“. В результате многочисленных попыток было выработано следующее определение, озвученное, в частности, на семинаре в Нижнем Новгороде в октябре 2004 года. Межсекторное социальное партнёрство (МСП) – это конструктивное взаимодействие организаций из двух или трёх секторов при решении социальных проблем, обеспечивающее синергетический эффект от „сложения“ разных ресурсов и „выгодное“ каждой из сторон и населению [2]. По мнению Г. А. Пядухова, В. И. Ларина и других уместнее говорить о «межсекторном партнёрстве в социальной сфере» [3].

Как правило, межсекторное партнёрство происходит на различных уровнях: федеральном, региональном и местном. На каждом из них оно приобретает форму либо трёхсторонних отношений (государство – НКО – бизнес), либо, чаще, двусторонних отношений (государство – НКО, НКО – бизнес, государство – бизнес). Трёхстороннее партнёрство создаётся редко и «срабатывает» лишь в тех случаях, когда требуется объединение усилий и ресурсов трёх секторов для решения общих задач. Необходимо учитывать, что успех такого партнёрства чаще всего зависит от государства.

Экономическая, социальная природа и возможности каждого из субъектов резко отличаются друг от друга. Важно учитывать, что НКО являются специфическими группами интересов и в этом качестве выступают посредниками между гражданами и государством, то есть выполняют функцию индикатора болевых точек, требующих внимания общества. Целью НКО является привлечение внимания к нуждам от-

дельных групп населения с последующим воздействием на разработку новой политики и законодательства. Однако при осуществлении своих целей на практике они сталкиваются со множеством трудностей. В силу этого НКО сложно выступать в качестве равноправного партнёра с органами власти и коммерческими структурами, имеющими реальные финансовые, материальные ресурсы и выступающими в роли работодателей. Власть, к тому же, обладает весомыми административными ресурсами (чего нет ни у коммерческих, ни у некоммерческих организаций).

Но отмеченная совокупность факторов не должна отторгать НКО от их стремления к сотрудничеству с официальными властями и предпринимателями. Успешное развитие социального партнёрства зависит не только от отношения официальных властей к НКО, но и от финансового положения предыдущих (то есть от возможности властей оказать финансовую поддержку местным НКО), а также от самих НКО, то есть от наличия у них ресурсов (людских и финансовых), от их репутации, способности разработать стратегию развития, доступа к средствам массовой информации, к финансам и, в некоторых случаях, от личных контактов с официальными лицами. Следует также отметить, что между моментом создания НКО и моментом готовности к эффективному социальному партнёрству проходит не один год, ведь любая организация подобна человеку в своём развитии. К тому же, чрезвычайно остро стоит вопрос простого выживания подобного рода организаций. Так в результате проведённого фондом САФ исследования выяснилось, что уже через год после создания не более четверти продолжают функционировать [5].

Вопросу изучения форм и механизмов взаимодействия НКО и государственных структур посвящены труды многих авторов. Мы остановимся на двух наиболее интересных классификациях. Известный специалист в данной области В. Н. Якимец выделяет 6 форм и механизмов взаимодействия НКО и государственных структур:

- стимулирование социальной активности прямым финансированием (прямое, контрактно-договорное и конкурсное финансирование деятельности);
- социальное обслуживание (по лицензиям);
- государственное социальное спонсорство (предоставление льгот НКО);
- социальное побуждение негосударственных спонсоров (льготы физическим и юридическим лицам, оказывающим материальную поддержку в форме взносов);
- государственный социальный заказ;
- лоббирование [3].

Вторая же классификация – плод коллективных раздумий группы государственных и муниципальных служащих совместно с представителями НКО и специалистами Центра взаимодействия общественных и государственных структур „Социальное партнёрство“ летом 2003 года:

- встречи с лидерами НКО;
- тематические круглые столы;
- конкурсы социальных программ НКО;
- социальный заказ;
- торжественные мероприятия «Спасибо вам!»;
- предоставление помещений для деятельности НКО на льготных условиях;
- организация территориального клуба руководителей НКО;
- организация презентаций общественно полезной деятельности НКО;
- организация выставок „достижений“ НКО. [1]

Если первая классификация более общая, то вторая более конкретная. Если первая опирается только на нормативно-правовую базу, то вторая опирается ещё и на практику.

Таким образом, сегодня одной из важных задач становится слияние сторон социального партнёрства, так как они необходимы друг другу, в силу невозможности в одиночку решать возникающие проблемы. И социальное партнёрство выступает ресурсом независимой жизни и важным условием эффективности социальной работы.

Примечания

1. Леонова И., Леонов В. Управление взаимодействием с НКО (ненаписанная глава из будущего учебника по муниципальному управлению) // Муниципальная власть. 2003. №4. С.38-42.
2. Материалы семинара «Власть–Бизнес–НКО: партнёрство без иллюзий» Нижний Новгород 2004 г.
3. Пядухов Г.А. НКО и межсекторное взаимодействие на муниципальном уровне. Пенза, 2001.
4. Социология социального партнёрства: Сборник научных статей / Отв. ред. А.И. Сухарев. Саранск, 1999.
5. www.cafrussia.ru

О. Вишнякова
(Научный руководитель к. и. н., доцент Т. Г. Скороходова)
ПГПУ им. В. Г. Белинского

БЕСПРИЗОРНОСТЬ И БЕЗНАДЗОРНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ ОБЩЕСТВА

Одним из проявлений тяжёлого социально-экономического положения, в котором оказалась Россия в результате реформ, является колоссальный рост числа беспризорных детей. Причины этой социаль-

ной болезни различны, но результат общий – дети вынуждены месяцами и годами жить на вокзалах и в подвалах, не имея нормального питания, не получая образования, попадая в криминальную среду.

Социальная дезадаптация в детском возрасте ведёт к формированию людей малообразованных, не имеющих навыков трудиться, создавать семью. Жизнь ребёнка на улице оборачивается тяжелейшими последствиями для его психического и физического развития. Обследования беспризорных детей показывают, что их физическое и психическое здоровье подорвано. Рост масштабов беспризорности отмечен с 1989 года, когда начался абсолютный распад и семьи, и государственных структур, занимающихся детьми. Дети стали беспризорными в полном смысле слова. В течение 2002 года органами внутренних дел проводилась работа с 289,8 тыс. родителей (опекунами, попечителями), не исполняющими или ненадлежащим образом исполняющими свои обязанности по воспитанию детей, что на 74,2 % больше по сравнению с 2001. Система социально-профилактической и коррекционной работы, существовавшая в 90-е годы, в силу своей маломощности и непрофессионализма работников, сводилась к социальному контролю и карательным акциям по отношению к детям с девиантным поведением. Возросшее число детей, которым государственно-общественные организации не помогли в их жизнеустройстве, обусловило необходимость переосмысления и реформирования политики в отношении детей и проведения срочных социальных мероприятий.

В настоящее время специалисты ведут работу с различными категориями детей по трём основным направлениям – первичная, вторичная и третичная профилактика. Работа по решению проблем детской беспризорности и безнадзорности невозможна без пресечения первоначальных истоков бродяжничества большинства детей из неблагополучных семей. Главная задача мероприятий, направленных на оптимизацию социального положения беспризорных детей – улучшение и оптимизация социальных отношений в ближайшем окружении ребенка, семье, школе, группе сверстников. Для этого на территории России действуют территориальные центры помощи семье и детям.

В 90-е годы в России сложилась определённая система профилактики детской беспризорности и безнадзорности, приняты меры по развитию законодательства в этой области. Был утверждён Семейный кодекс РФ, включивший такие разделы как «Права несовершеннолетних детей», «Приёмная семья» (1996 год). В 1998 году вступил в силу закон «Об основных гарантиях прав ребёнка РФ». В 1999 году был принят закон «Об основах профилактики безнадзорности и правона-

рушений несовершеннолетних», регламентирующий деятельность в области профилактики детской безнадзорности. Согласно закону, профилактика безнадзорности несовершеннолетних – это система социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин безнадзорности и беспризорности, осуществляемых в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними, их семьями, находящимися в социально опасном положении.

Попытки помочь беспризорным детям предпринимают различные общественные организации. Они организуют питание детей на улице и в столовых, оказывают медицинскую и психологическую помощь беспризорным детям, создают детские дома (в том числе семейные) и приюты. Эта деятельность даёт конкретные результаты, но, к сожалению, охватывает пока лишь небольшой процент беспризорных детей.

Мероприятий, реально проводимых государством, недостаточно для решения проблем беспризорности. В государственных детских домах, которых в России 2 тысячи, находится 67 тысяч детей, ещё 27 тысяч живут в 150 школах-интернатах. Однако и у большинства этих детей, вроде бы как-то устроенных, жизнь далека от благополучия. 10 % детских домов и школ-интернатов не имеют нормальных санитарных условий, 48 % требуют капитального ремонта, 5 % находятся в аварийном состоянии. Во многих местах детские учреждения не получают даже положенного по бюджету финансирования. Массовый характер имеют случаи воровства и нецелевого использования бюджетных средств администрациями детских домов. Воспитанникам государственных детских домов не хватает одежды, школьных принадлежностей, а нередко – питания; по 2–3 года не бывает медосмотров. В результате среди воспитанников детских домов много ослабленных и страдающих хроническими заболеваниями детей. Часто они подвергаются грубому обращению и побоям со стороны воспитателей. Как правило, подростки выходят из детского дома совершенно неподготовленными к жизни, им не оказывается ни практическая, ни психологическая поддержка в дальнейшем устройстве своей судьбы. В итоге ещё одна страшная статистика: 40 % выпускников детских домов и школ-интернатов для сирот становятся алкоголиками или наркоманами, 40 % попадают в преступный мир, 10 % кончают жизнь самоубийством. Только 10 % более или менее успешно адаптируются в самостоятельной жизни. Любая проблема не возникает сама по себе. Прежде чем пытаться решить проблему беспризорности и безнадзорности, необхо-

димо иметь чёткое представление об экономической, политической и социальной ситуации в стране.

VIII. Теория и технологии социальной работы

*М. А. Елистратова
ПГПУ им. В. Г. Белинского*

ТЕХНОЛОГИИ И МЕТОДЫ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С ДЕТЬМИ, ПОДРОСТКАМИ И МОЛОДЕЖЬЮ

Понятие «технология» используется в разных значениях. С одной стороны, технология — это способы материализации трудовых функций человека, его знаний, навыков и опыта в деятельность по преобразованию предмета труда или социальной реальности. С другой стороны, технология – это практическая деятельность, которая характеризуется рациональной последовательностью использования инструментария с целью достижения качественных результатов труда. В широком смысле слова технология – это способ осуществления деятельности на основе ее рационального расчленения на процедуры и операции с их последующей координацией и выбора оптимальных средств и методов их выполнения. Характерными признаками технологии являются: процессуальность как единство целей, содержания, форм, методов и результатов деятельности; совокупность методов изменения объекта; проектирование процесса изменения.

Социально-педагогические технологии – совокупность педагогических приемов и методов, целенаправленно воздействующих на сознание, поведение и деятельность человека как члена социума в процессе его социализации, адаптации в новых социальных условиях и в социально-ориентированных видах деятельности.

Пример социально-педагогической технологии работы с подростками в школе:

I. Организационная работа:

1. Запрос администрации на работу с подростками (формулирование целей и задач работы с точки зрения администрации).
2. Встреча с педагогами, работающими в этих классах, и психологом (получение информации о детях).
3. Встреча с родителями (ознакомление с целями работы, получение их согласия на диагностическую и коррекционную работу).

4. Встреча социального педагога с подростками (формирование мотивации на совместную работу, презентация программы).

5. Проработка полученной информации.

6. Планирование деятельности специалистов Центра, подбор конкретных методик для выполнения поставленных задач.

II. Диагностические процедуры

1. Исследование личности подростка:

а) личностные особенности (личностный опросник Р. Кеттела, опросник Г. Шмишека);

б) самооценка подростков (опросник самоотношения подростков В.В. Столица и др.);

в) структура способностей подростков (тест Р. Амтхауэра);

г) характер взаимоотношений (социометрия, метод незаконченных предложений тест Т. Лири);

д) профессиональная ориентация (дифференцированный диагностический опросник А. В. Климова, анкетирование родителей и детей).

Социальный педагог вносит данные в досье подростка, выделяет подростков с проблемами. Происходит корректировка программы тренинга с учетом трудностей подростков.

2. Индивидуальная встреча с родителями подростков, имеющих проблемы (сбор сведений об условиях жизни и развитии подростков, о предполагаемой профессии).

Первичная помощь в решении проблем, активация родителей на позитивное вмешательство в развитие подростка.

3. Встречи с учителями.

Совместное обсуждение причин трудностей подростков и возможности создания щадящих условий обучения.

III. Тренинг для подростков

1. Коррекционный класс (тренинг жизненных умений).

2. Обычный класс (тренинг личностного роста).

IV. Консультативно-методическая работа:

1. Индивидуальная работа социального педагога (психолога) по запросу подростка.

2. Индивидуальная работа с родителями (проработка проблем).

3. Выступление социального педагога на малом педагогическом совете (информация о проблемах подростков, о позитивных изменениях в классе, обсуждение совместных действий специалистов, поиск подходов к решению проблемы взаимоотношений учителей и подростков).

V. Профориентационная работа:

1. Индивидуальное собеседование с каждым подростком по результатам профдиагностики (обсуждение профессиональных склонностей, информирование с места получения желаемой профессии).

2. Работа с классными руководителями (сообщение о возможностях и ограничениях каждого подростка).

Подведение итогов, выделение функций психологического и педагогического сопровождения проблемных подростков, планирование последующей работы.

Содержательные направления программы:

1. Обучение подростков социально-психологическим навыкам.

2. Профилактика зависимых состояний, формирование критического отношения к социальным вредностям.

3. Помощь в создании жизненной стратегии, выборе профессии.

1-я часть. Социально-психологический тренинг для подростков.

Основные задачи:

1. Восстановление доверия к миру.

2. Снятие тревожности и напряженности.

3. Развитие психологической устойчивости к трудным ситуациям.

4. Облегчение процесса школьной адаптации.

5. Предоставление возможности осознания собственных проблем.

Темы занятий: «Я – уникальный». Значение положительного подкрепления в общении. Умение слушать другого человека. «Как заводить новые знакомства с людьми противоположного пола». Вербальное и невербальное общение. Проекция своего будущего. Осознание своего стиля в преодолении трудностей и поиск внутренних ресурсов. «Каким меня видят другие». Групповое давление. Умение сказать «нет». «Что такое дружба и друзья».

В каждое занятие включаются упражнения-энергизаторы, которые помогают создать положительный эмоциональный микроклимат в группе: составление коллективной сказки, экспромт-театр, ролевые игры и другие приемы. В конце каждого занятия проводится анализ, а по окончании тренинга — итоговая анкета участников.

2-я часть Профилактика социальных вредностей

Основные задачи:

1. Предоставление информации о социальных вредностях

2. Анализ возможных альтернатив поведения подростков.

3. Показ плюсов и минусов самостоятельного выбора.

4. Выработка собственной позиции и отношения к проблеме.

Темы занятий: «О мужественности и женственности». «Отношения между полами в подростковом возрасте». «Здоровье и личная гигиена». «Здоровый образ жизни». «Культура чувств». «Половые аномалии и венерические болезни». «Наркотики и наркомания». «Алкоголь и подросток».

3-я часть Оказание помощи в выборе жизненной стратегии

Основные задачи:

- 1 Исследование профессиональных интересов и возможностей выбора профессии.
2. Выявление профессиональных намерений подростков.
- 3 Формирование жизненного сценария в рамках социально-психологического тренинга.

А. С. Дудкин
ПГПУ им. В. Г. Белинского

ВНОВЬ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РЕЛИГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Разве может развитие социальной работы как науки осуществляться без борьбы противоположных взглядов, идей, воззрений на ее теорию и практику? В чем состоит практическая польза от плюрализма подходов, если их здоровая полемика, их сражение на страницах периодики благопристойно скрывается под эклектической грудой красивеньких слов?! Ближайшая задача теории и философии социальной работы на сегодняшний день состоит в организации честной полемической схватки между различными расплодившимися в последнее время псевдонаучными подходами к социальной помощи и диалектико-материалистическим мировоззрением. Критика критической критики – вот непреходящий ориентир науки социальной работы.

Именно поэтому спустя пять лет после того, как в сборнике выступлений II Социологических чтений ПГПУ им. В. Г. Белинского была опубликована статья «Взаимоотношения религии и социальной работы», эту работу нельзя оставить без критического внимания.

Опираясь в собственном дискурсе скорее на авторитет тех, кого цитировал, и, видимо, на личный романтико-идеалистический душевный настрой, нежели на трезвый социологический анализ и философский синтез объективной социальной реальности, автор «Взаимоотношений религии и социальной работы» не показал главного в личностном усвоении теории, а именно: растущего умения подходить к вопросу самостоятельно, где бы и когда бы, в каких бы неожиданных соче-

тениях, беседах и спорах с противниками этот вопрос ни встречался. [1] Автор статьи, скорее всего, принадлежит к категории людей, не способных к последовательному мышлению, и останавливающихся на полдороге, довольствуясь помесью идеализма с материализмом. Таких непоследовательных мыслителей называют эклектиками. [2] Многочисленные натяжки в аргументации, непоследовательность рассуждений, «приглаженность» выводов в публикации 2000 года вынуждают нас, оставив в стороне некоторые мелочи, касающиеся стиля изложения и определенных методологических несостыковок, обратиться к основным тезисам работы.

Условно во «Взаимоотношениях религии и социальной работы» можно выделить три положения, составляющие смысл всей публикации:

1. Так как социальная работа сталкивается с множеством проблем, так как она имеет полипарадигмальный статус, так как вера сама по себе многое значит для человека, то, стало быть, никак нельзя исключать религиозный аспект из теории и практики оказания помощи.

2. Главное противоречие первого тезиса состоит в трудности совмещения религиозной и гражданской позиций, должностной и духовной ролей.

3. Несмотря на то, что в процессе помощи вера и религия могут вообще не участвовать (ведь чтобы чувствовать свое родство с ближним, чтобы не поворачиваться спиной к мукам человечества, не обязательно верить в сверхъестественное!), несмотря на то, что религиозный гуманизм не находит иного выхода в практику, кроме как деяний верующих во имя веры в своего бога и в подспудном контексте этой веры, вера в бога – сама по себе социальная терапия, исходящая из врожденной способности к любви, присущей человеку, независимо от того, к какому классу принадлежит субъект и объект благотворения.

Рассматривая первый тезис, можно с уверенностью сказать: умозаключение носит характер метафизической логики «или-или», когда исследователь пытается обнаружить истину не через единство и борьбу противоположностей в явлении, а через заключение явления в выведенную «из головы» конструкцию, удобную самому теоретику. Что значит полипарадигмальный статус социальной работы, как он соотносится с необходимостью поиска единой достоверной теории и эффективной практики, в чем мы видим участие религии и веры в социальной работе, помимо межличностных отношений между специалистом и клиентом, – эти аспекты остались как бы в стороне, хотя от их объяс-

нения зависело очень многое. Следовало же разъяснить, что полипарадигмальный статус социальной работы означает признание взаимного уважения непохожих друг на друга подходов к оказанию помощи, при том что данное формальное равенство разнообразных точек зрения, провозглашаемое как этическая норма науки, вовсе не тождественно их одинаковой содержательно-практической ценности, благодаря чему парадигмы в действительности не равны, хотя и имеют одинаковое право на существование. Взаимная толерантность теорий никогда не будет означать, что все они «одинаково истинны».

Автору следовало бы сразу же, в начале статьи определиться с тем, что именно он понимает под религией. Наша позиция в этом вопросе однозначна: в то время, как бог – ничто, его нет и никогда не было, религия – вполне реальное явление, она существует. Религия основывается на вере в бога, но верой как таковой не является. «Религия – это прежде всего социальный феномен. Церкви, возможно, обязаны своим происхождением учителям, обладавшим сильными индивидуальными убеждениями. Но влияние учителей на основанные ими церкви было, как правило, слабым, в то время как церкви оказывали огромное влияние на общество, в рамках которого расцветали» [3]. Религию, когда речь заходит о помощи во всемирно-общественном масштабе, следует понимать не как внутренний настрой личности, оказывающей социальные услуги или принимающей их, а как общественный институт, особую транснациональную корпорацию. Эта корпорация не заинтересована в потере потребителей своего «духовного товара», клиентов своих «услуг». Она борется за прихожан с другими аналогичными корпорациями. В ходе реализации своих интересов, каждая церковь позиционирует учение своего пророка как истинно верное, действительно расположенное к человеку. Человек же в современном капиталистическом мире хотя и приобретает с каждым днем все больше новых возможностей, все ближе и ближе становясь к науке, пользуясь ее плодами, но он по-прежнему в своей повседневной жизни зависит от того, чему не может или не хочет дать объяснение, то есть от социальной и природной стихий. В итоге, отчужденным от своего труда, неимущим, слабым, терпящим нужду людям, не находящим поддержки в обществе, основанном на рыночной конкуренции, не остается ничего другого, как прийти в церковь и реализовать тот самый акт духовной терапии, которую «Взаимоотношения религии и социальной работы» огульно полагает терапией социальной. В этих людях церковь и находит своих прихожан, на них она и опирается, давая им не материальную надежду на помощь, но туманную, иллюзорную,

как называют ее священнослужители, «духовную надежду», не приобщая их к активной гражданской позиции, но к позиции пассивной (все во власти божьей, так помолимся, братья и сестры!). «Как только люди чувствуют себя на земле непомерно несчастными, их заставляют молчать, угрожая божьим гневом; их глаза приковывают к небу, чтобы они не заметили истинных причин своих страданий и не вздумали бороться с ними теми средствами, которые предоставляются людям природой» [4].

Церковь как корпорация имеет в собственности огромные владения: ресурс оказания реальной помощи у христиан и мусульман весьма велик. И цель использования этих владений у всех конфессий, явно или косвенно конкурирующих, не исключает того, чтобы под прикрытием красивых слов о помощи ради веры и спасения души осуществлять расширение базы потребителей социальных услуг церкви, увеличивать число верующих. «Одна и та же политика всегда руководила духовенством, от Моисея до наших дней... господствовать над умами и привольно жить за счет тех, кому они проповедовали свое учение. Служители церкви в каждый век изобретали все разные догмы, создавали себе разные права, придумывали обряды, дававшие повод взимать новую дань с народов. Никто не смел сомневаться в законности их прав, вожди указывали на божественный источник их или они ухитрялись найти их официально установленными в «священном» писании» [5]

Иными словами, хотя церковное вспомоществование никогда уже более не превзойдет собою государственных форм оказания помощи и поддержки, тем не менее религия прочно занимала и занимает определенную нишу в третьем секторе социальных услуг. Было бы чудовищной ошибкой утверждать, что эта ниша «вредна» и самим своим существованием порочит достоинство человека. Свобода совести, свобода вероисповедания, (так же как и свобода от вероисповедания!) – основополагающие принципы гражданского общества. И разнообразие субъектов социальной защиты на данном историческом промежутке времени является в некотором смысле благом для общества. Однако вопрос намного прояснится, если подробнее рассмотреть механизм возникновения спроса на религию.

Пока есть спрос на религию, пока есть разуверившиеся в окружающем социальном мире люди, люди, не уверенные в завтрашнем дне, пока церковь поддерживается государством, до тех пор будет и религиозное предложение. Полагать же, что такие виды благотворения как паперть, бесплатные церковные столовые и проповеди нарко-

манам слова божия – это прогрессивные технологии социальной работы, что они будут существовать вечно, – значит глубоко заблуждаться, значит не учитывать самого хода истории, противоречия между производительными силами и формами общения людей. Наличные производительные силы оставили далеко позади, обогнали по своему развитию церковные формы призрения нуждающихся. Современные средства обработки информации, централизация социальной защиты, ее многоуровневое деление, ее адресная направленность, ее материально-организационные возможности просто нет смысла сравнивать с церковным вспомоществованием. Конечно, «поборники духовности» могут возразить: церковь сильна не тем, сколько плошек супа она разольет, а тем, скольким людям она придаст душевных сил для того, чтобы они поделились своим супом с теми, кому супа не хватает. В таком случае, не ценящие «столь бескорыстного» к себе отношения народные массы, видимо, должны говорить известной корпорации и религиозным догмам как идеологии этой корпорации «большое спасибо» за сей самоотверженный чистосердечный подвиг. Однако, особого энтузиазма у людей наемного труда эти проповеди не порождают, ведь медоточивые средневековые фразы попов не повысят зарплату, не воздвигнут доступное жилье и не обеспечат бесплатное лечение. И здесь, в этом сугубо материальном, но от того вовсе не безнравственном аспекте, следует строго различать светскую социальную защиту и церковную благотворительность. Чем более укрепляется и совершенствуется первая, тем меньше простора для деятельности остается второй, и наоборот. Ведь человек, чьи потребности в сторонней защите и поддержке вполне удовлетворяются светскими силами и средствами, просто не имеет мотива обращаться куда-то, где помощь оказывается на иных основаниях. Да и вообще, «нуждались ли люди в сверхъестественном откровении, чтобы узнать, что справедливость необходима для сохранения общества и что несправедливость создает только скопища врагов, старающихся вредить друг другу? Нужен ли был глагол божий, чтобы люди поняли, что существа, живущие вместе, нуждаются во взаимной любви и поддержке?» (6)

Чувствуя проигрышность той односторонней позиции, когда религия освещалась бы в статье как чрезвычайно «полезная» в деле милосердия, в своей работе автор невольно признал путаницу и противоречивость теологического гуманизма (второй тезис), однако этим дело и ограничилось. Какой бы противоречивой ни была религия, сколько бы ни было религиозных течений, как бы широко и в то же время однобоко ни воспринималась социальная жизнь человека в ре-

лигии, все равно, утверждал ученый, религия полезна в деле помощи, ведь это могучий духовный ресурс общества. Однако, что именно в данном контексте подразумевается под религией, автор не объяснил. Заблуждение здесь состоит в том, что сама исследовательский подход к вопросу был отчасти дилетантский, отчасти соглашательский. Автор в упор не желает видеть тех противоречий, которые сам же косвенно и озвучивает, в итоге пытается примирить непримиримое, старается «понравиться и вашим и нашим».

На наш взгляд, это убедительно доказывает третий тезис статьи. Даже небольшая часть посылок, вскользь озвученных в публикации, достаточна для того, чтобы сделать обратный вывод: вера в бога не есть сама по себе социальная терапия. Быть может, для кого-то она является внутренней духовной терапией (те же наркоманы, освобождающиеся от зависимости в христианских реабилитационных центрах, те же пациенты хосписа, уверовавшие в загробный мир), однако во взгляде на проблему с точки зрения философии социальной помощи, с точки зрения хода реального исторического процесса религия не лечивает общественные патологии, так как она ими питается. Ибо чем больше в светской жизни человека бед и катастроф, кризисов и безвыходных ситуаций, тем больше вероятность его обращения к богу, больше его вероятность прихода в церковь. Вера в бога процветает там, где личность теряет веру в человека.

Религия, она же церковная корпорация, может преобразить кого-то, может поменять мировоззрение, но коренных противоречий общественного развития она не снимает, а наоборот, усугубит, ибо верующий (говоря в этой статье церкви и ее посетителях, я подразумеваю прежде всего христианство как религию, охватившую около полутора миллиардов человек и как во многих смыслах показательную корпорацию) более толерантен к наличному социальному бытию, более индифферентен к коренным социальным противоречиям, нежели атеист. Это объясняется, как минимум, характером библейского Нового Завета, в котором Иисус проповедует непротивление злу насилием, смирение и веру в то, что всем воздастся на том свете, а посему, мол, нет нужды бороться за что-то в земной жизни, разве что только за спасение души. «Если же траву на поле, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, то кольми паче вас, маловеры! Итак, не ищите что вам есть или что пить, не беспокойтесь, потому что всего этого ищут люди мира сего; ваш же отец знает, что вы имеете нужду в том; наипаче ищите Царствия Божия, и это все приложится вам» [7].

Мотивы и побуждения, в том числе и религиозные, которыми люди руководствуются в добрых делах, на первый взгляд, кажутся самостоятельно существующей идеальной побудительной силой их действий. Но стоит немного подробнее изучить природу мышления и сознания, глубже взглянуть на процесс познания действительности вообще, как становится ясно: наши представления о том, что мы должны делать, есть не что иное, как высшая форма отражения нашего бытия, специфического осознания его. В таком случае остается лишь изумляться, на сколько же современный человек должен быть далек от науки, от естествознания, от самой реальной жизни в XXI-м веке, чтобы искренне полагать, что межчеловеческая солидарность что-то может потерять, если на практике она не будет касаться темы бога и веры в него. Но дело даже не в этом, а в том, что система социальной защиты, вся совокупность социальных служб по форме и по содержанию уже давно переросла «заповедальное вспомоществование». Чтобы оказать эффективную помощь, больше не нужно руководствоваться средневековыми писаниями и древними заветами, а чтобы помощь получить, в принципе, больше не нужно молиться в надежде на чудо. Государство и общество обеспечивают непрерывный социальный прогресс в удовлетворении потребностей. Чем больше материальных, социальных возможностей получает человек, тем быстрее он освобождается от необходимости надеяться, опираться в своих думах и делах на мнимого вездесущего вечного и несотворимого создателя и идти в церковь, чтобы обратиться к всевышнему с просьбой в молитве. Однако так дело обстоит как раз с идущими в ногу со временем, с теми, кто не посещает центры социального обслуживания, не высчитывает копейки до следующей пенсии, не переживает насчет завтрашнего дня. Остальная же, основная масса трудящихся – наемных трудящихся, живущих продажей своего труда собственникам средств производства, по-прежнему вынуждается существующими общественными условиями на периодическое или регулярное обращение к услугам церкви как места, где всегда можно получить успокоение от дел мирских, где можно помолившись, забыться, внутренне расслабиться. Ни в коей мере не подвергая критике чье-то личное право верить и не осуждая кого-то за поход в молеальный дом, отметим, что догматически-обрядовый подход к жизни, навязываемый любой религией, невежество и противоречивость священного писания [см. 8], и заблуждения тех, кто поднимает на щит древние книги, вряд ли вообще может пойти на пользу современному состоянию дел в социальной защите. Помощь человека человеку, взятая в «чистом» современном виде, на са-

мом деле, вовсе не нуждается в незримом присутствии всевышнего, оценивающего поступки, и уж тем более она не нуждается в организации, выражающей волю этого всевышнего на Земле.

Разумеется, существуют разные религии, разные веры, в том числе и те, которые не требуют присутствия человека в специальном месте богослужений. Но чем больше вер в сверхъестественного создателя набирается, чем больше мы изучаем историю их становления, тем очевиднее становится правота слов Бертрана Рассела: «Стоит только предположить, будто в речах определенного человека заключена абсолютная истина, как тут же появляется когорта специалистов по истолкованию его речей. А так как специалисты эти держат в своих руках ключ к истине, то они неминуемо приобретают власть, которой пользуются, как и всякая другая привилегированная каста, ради собственной выгоды. В одном отношении, однако, они хуже всякой другой привилегированной касты, ибо миссия их заключается в разъяснении неизменной истины, возвещенной раз и навсегда в совершенной и законченной форме, так что они неизбежно становятся врагами всякого умственного и нравственного прогресса» [9].

Нельзя удержаться и от обширного цитирования еще одного отрывка, столь ярко доказывающего противоречивость взаимоотношений религии и социальной работы: «Обычный христианский аргумент сводится к тому, что мирское страдание служит очищению от грехов и потому является благом. Аргумент этот, очевидно, является лишь рационализацией садизма: но в любом случае это очень слабый аргумент. Мне хотелось бы пригласить какого-нибудь христианина в детское отделение больницы, чтобы он своими глазами увидел страдания, которые выносят здесь дети. Стал бы он после этого упорствовать, будто дети эти настолько пали в нравственном отношении, что заслуживают своей участи? Чтобы дойти до подобных заявлений, человек должен убить в себе всякое милосердие и сострадание. Он должен, одним словом, стать таким же жестоким, как и бог, в которого верует» [3].

Рассел, как и многие другие атеисты, развивает в своих работах мысль о том, что религия возникает из страха человека перед необъяснимым (например перед тем, что будет после смерти), из внутренней потребности иметь «небесного старшего брата, отца», чтобы возложить свои нужды и чаяния на фундамент веры в его присутствие в нашей жизни. Вместе с тем, эта потребность, усердно подкрепляемая церковью, то и дело входит в противоречие с практической общественной жизнью. Соглашаясь с Расселом, следует также отметить, что

измерение личного отношения человека к богу, в которого он по тем или иным причинам уверовал, есть настолько интимно-изменчивая сфера умозрения, что выстраивание научных конструкций на основе догматизации этого измерения по упрощенно-социологизаторскому типу: «верующие – люди добрые, они открыты для благих дел, поэтому религия полезна», не приведет ни к какому развитию, не даст ничего нового науке. Поэтому, если мы и можем в самом общем виде коснуться внутренних чувств верующего (врача или пациента, социального работника или клиента и т. п.), то выводы об общественной природе этого религиозного чувства, погружение в которое ученому автоматически грозит приговором моральной догматики, мы должны делать исходя из социально-экономических предпосылок развития этого чувства. Так же, как и Э. Фромм выводит «социальный характер» человека из объективных условий его общественного бытия, так же и любой исследователь взаимоотношений религии и социальной помощи должен идти по пути изучения оных через диалектический анализ обстоятельств их исторического движения. С этой точки зрения кажется вполне очевидной мысль Гольбаха о том, что «основывать мораль и правила человеческого поведения на божественной воле – значит основывать ее на воле, фантазиях и корысти тех людей, которые берутся толковать божественное слово, не боясь быть уличенными во лжи. Во всякой религии одни священники вправе решать, что угодно и что не угодно богу; можно быть уверенным, что божественная воля неминуемо совпадает с их собственными желаниями». [10] Не из абстрактной любви и милосердия как якобы вложенных в человека богом свойств разовьется гуманизация и эмансипация социальной помощи, а напротив, из атеистического отражения действительности общественной жизни и практического овладения наличными производительными силами, которые в состоянии обеспечить нужды и чаяния нуждающихся. Прогресс человечества несет с собой смертный приговор религиозной идее и религиозному чувству.

Во взаимоотношениях религии и социальной работы, таким образом, религию следует рассматривать как институт, как своеобразную корпорацию, а не как веру во что-то, хотя бы и столь сокровенное для кого-то. В противном случае, научное исследование проблем социальной помощи, взаимоотношений религии и социальной работы будет скатываться к мистике, к моральным догмам, благородным по форме, но бестолковым по содержанию. Действия упомянутой корпорации, сама ее общественная роль позволяют утверждать: помощь оказывается во имя веры в бога, во имя укрепления власти церкви, а не на-

оборот, когда вера существует только лишь ради помощи. В этом исторический и нравственный анахронизм религии. Благие действия уже совсем не обязательно основывать на вере в запредельное, достаточно просто отдавать себе отчет в том, что помогающие действия принесут кому-то реальную, земную пользу. Помощь объективно становится все более независимой от баек про потустороннее вознаграждение за ее оказание и все более зависимой от того, как человек планирует производство и распределение материальных благ и услуг, как общество влияет на государство, управляющее процессами совершенствования социальной защиты.

Примечания

1. Очкина М. Н., Очкин В. Л. Марксизм о полемике. Пенза: 1989. С. 19/
2. Плеханов Г. В. Предисловие к книге А. Деборина "Введение в философию диалектического материализма".// Избранные философские произведения: В 5-ти томах. Т.3 М.: 1957. С. 615
3. Рассел Б. Внесла ли религия полезный вклад в цивилизацию? // <http://www.i-u.ru/biblio/>
4. Гольбах П. Здравый смысл. "Письма к Евгении. Здравый смысл" М., 1956. С. 369
5. Гольбах П. Галерея святых. М.: 1962. С. 312–314
6. Гольбах П. Разоблаченное христианство // Священная зараза. Разоблаченное христианство. М.: 1936. С. 280.
7. От Луки святое благовествование. 12:28-31
8. www.evduluman.narod.ru
9. Рассел Б. Почему я не христианин, М.: 1987. // <http://www.i-u.ru/biblio/>
10. Гольбах П. Здравый смысл. "Письма к Евгении. Здравый смысл" М.: 1956. С.392.

М. Антипов

*(Научный руководитель к. филос. н. доцент М. А. Елистратова)
ПГПУ им. В.Г. Белинского*

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОСПИСА

Говоря о философии хосписа, мне хотелось бы обратить внимание на христианскую философскую концепцию. Известно, что первые хосписы существовали еще в средние века, и создавались они тогда при монастырях как приюты для странствующих пилигримов, заболевших во время своего пути. В хосписах заболевшие странники получали уход, заботу и внимание, там они доживали свои последние дни, окруженные душевным теплом, любовью и состраданием, что делало последние дни их пребывания в мире земном светлыми и беззаботными.

Таким образом, в монастырях реализовывалась главная заповедь христианства «возлюби ближнего своего». Забота об умирающих была богоугодным делом, а значит, была полезна и для самих заботящихся, была делом спасения их души, индульгенцией, «билетом в рай».

Но прошло много веков, хосписы прошли эволюцию до социальных служб, в которых работают специально обученные профессионалы и добровольцы, разработано множество технологий работы хосписов, но, несмотря на все это, способность к сопереживанию, состраданию, умение дарить «душевное тепло» страдающим, «лечить их собой», остаются неотъемлемыми и необходимыми личностными чертами людей, работающих с умирающими. А что это, как не «любовь к ближнему своему», как не богоугодное дело с точки зрения христианина, заботящегося о спасении своей души.

Большинство современных хосписов – это «светские» социальные службы. Так в чем же целесообразность заботы об умирающих со светской точки зрения. Ответ можно легко найти в философской концепции, на которой основано функционирование современного общества. Она является своеобразным эталоном, с которым соотносят свою деятельность социальные институты и все общество в целом. Речь идет о гуманизме.

Гуманизм есть совокупность взглядов, выражающих уважение достоинства и прав человека, его ценность как личности, заботу о благе людей и их всестороннем развитии. Одним из социальных институтов, непосредственно реализующих принципы гуманизма, является институт социальной работы. Главный принцип философии социальной работы звучит так: «достоинство каждого человека должно быть сохранено, и каждый человек должен иметь право распоряжаться своей судьбой несмотря на то, в каких жизненных обстоятельствах он оказался».

Создавая качество жизни для пациентов, персонал хосписа помогает умирающим достойно прожить последние дни на земле, и помимо этого клиент хосписа имеет право участвовать в принятии важных для себя решений, выбирать, что ему нужно, а что нет.

Хоспис есть специфическая социальная служба. И связана эта специфика с тем, что хоспис для клиента – «последний приют на земле», в хосписе помогают комфортно встретить неизбежную смерть. А значит, и отношение к смерти в хосписе специфическое, для кого-то, может быть, даже странное, «дикое» и неестественное. Смерть в хосписе воспринимается как естественный и неизбежный процесс завершения жизни аналогично тому, как зачатие, развитие в утробе и рож-

дение есть естественные процессы начала жизни. Философия хосписа учит: «смерти не стоит бояться, стоит встретить ее достойно, как полагается уважающей себя личности». Еще древнегреческий философ Эпикур (341–270 г.г. до н.э.) говорил: «Смерти не стоит бояться. Когда мы есть, ее нет, когда она приходит, мы уже не существуем».

Акцентируя внимание на смерти как философской категории, нельзя обойти стороной экзистенциализм. В данном философском направлении смерть рассматривается как одна из основных или пограничных ситуаций человеческого бытия. Смерть «выводит нас из поглощения обыденным и тривиальным, заставляет осознать, что на самом деле представляет настоящую ценность для человека, а что пусто, бессмысленно и бездуховно.

Если обратиться к наблюдениям персонала хосписов, то можно отметить следующие перемены, происходящие с клиентами. Появляется чувство освобожденности, сознательное желание не делать того, чего делать не хочешь; переживание природных явлений как высоко значимых событий. Осознаётся своя включенность в окружающий природный мир и неотделимость от него; больной глубже, чем до кризиса, контактирует с близкими ему людьми; наблюдается уменьшение страхов, связанных с межличностным общением, и большая, чем до кризиса, готовность к риску.

Приближающаяся смерть кардинально изменяет человека, «пробуждает» его к осознанию истинного смысла своего существования в этом мире, то есть к пониманию своей экзистенции. И в задачи персонала хосписа входит поддержка умирающего, создание для него оптимальных условий для комфортного и достойного существования в последние дни его пребывания на земле через облегчение физических и душевных страданий. Для реализации этих задач важны не только профессиональные знания, умения и навыки, но и эмпатичность, способность к состраданию и христианской «любви к ближнему».

Примечания

1. Минигалиева Р. Психологическая помощь умирающим и их родным // Психология зрелости и старения 2002 .№ 2 . С. 130 – 157
2. Буржуазная философская антропология 20 века / под ред. А. Григорьяна М.: Наука, 1986. С.23 –76.

Л. Гудкова
(Научный руководитель к. и. н., доцент Т. Г. Скороходова)
(ПГПУ им. В. Г. Белинского)

ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СТУДЕНТОВ ИЗ МАЛООБЕСПЕЧЕННЫХ СЕМЕЙ В РАМКАХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Главным ресурсом нашей страны всегда был и остается интеллектуальный человеческий потенциал. В нашей области природные богатства невелики, и поэтому ее развитие и благосостояние напрямую зависит от уровня образования молодежи. В Пензе практически отсутствуют механизмы государственной поддержки студентов из малообеспеченных семей, поэтому молодежи, относящейся к данной социальной группе, получить высшее образование проблематично. Из-за нехватки материальных средств перед учащимся возникает дилемма: продолжать обучение или идти работать. При этом полученных знаний, при высокой конкуренции на рынке труда, для карьерного роста недостаточно. Желание достичь стабильного финансового благосостояния чаще всего остается несбыточной мечтой.

По результатам изучения социальной ситуации, в которой пребывают студенты из малообеспеченных семей, а также технологий социальной работы с ними, мы разработали технологию взаимопомощи студентов в оказании социальной поддержки друг другу.

Технология имеет целью повышение уровня социальной активности и мобильности молодежи в улучшении своего социально-экономического положения. При этом студенты получают реальную материальную поддержку и занятость общественно-полезной деятельностью, что должно способствовать улучшению социально-психологического и эмоционально-психического состояния студентов. Объединение нуждающихся студентов строится на следующих принципах:

1. Добровольное вступление в организацию и посильное участие в содействии и решении поставленных задач;
2. Обеспечение равных возможностей в получении социальных услуг и их доступности для всех нуждающихся студентов;
3. Ориентация в оказании социальных услуг на индивидуальные потребности и возможности студента;
4. Предоставление полной информации и необходимой профессиональной консультации.

Целесообразно создать организацию взаимопомощи студентов в рамках вуза, на базе профкома. Объединение студентов, нуждающихся в социальной поддержке, будет производиться на добровольной основе. Назначение организации – создание благоприятных условий для студентов из малообеспеченных семей в решении их проблем, предоставление необходимой достоверной информации, оказание помощи в успешной самореализации студентов, а также способствование их личностному и профессиональному росту. Здесь возможно обучение навыкам самостоятельного преодоления своих трудностей, а также оказание комплексной социально-психологической и социально-педагогической помощи молодым людям в решении их личностных проблем. Объединение нуждающихся студентов будет способствовать решению следующих задач: предоставление информационно-консультативных услуг; помощь в трудоустройстве студентов; помощь в прохождении производственной практики в преуспевающих российских и иностранных компаниях, содействие в продолжении работы в этой компании; помощи в публикации научных работ в виде монографий или в периодических изданиях; помощь в организации прохождения собеседований выпускниками и студентами старших курсов в случае открытия перспективной вакансии в какой-либо фирме, в том числе посредством привлечения кадровых агентств.

Главным звеном, организующим и координирующим всю деятельность объединения молодежи, является председатель профкома. Он набирает группу студентов, желающих стать членами объединения молодежи. Сами студенты будут составлять основную структуру в системе взаимопомощи. Различные направления работы будут определять службы определенного профиля. Целесообразно основать следующие виды оказываемых услуг: получение дополнительного образования; развитие молодежных инициатив; организация быта студентов, проживающих в общежитиях; создание молодежного бюро по трудоустройству, информирование о наличии вакантных мест на предприятиях города, а также предоставление профессиональных консультативных услуг и другие.

Служба – это объединение студентов, по 3–5 человек с каждого курса. Во главе каждой службы могут стоять специалисты определенной специализации, организующие и контролирующие всю деятельность. Они входят в состав Координационного совета. Его структуру также образуют: председатель студенческого профкома, заместители деканов факультетов по воспитательной работе и социальным вопросам, представители студенческого самоуправления и другие заинтере-

сованные и желающие принимать участие в данной деятельности лица. Члены службы помогают студентам заполнить анкеты, составить резюме. После этого все молодые люди, обратившиеся за помощью, заносятся в банк данных нуждающихся студентов. Группа студентов, признанная активом, размещает в Интернете, СМИ, Центре занятости населения и других структурах список вакансий, востребованных студентами. Помимо этого организует сотрудничество с такими социальными партнерами, как политические партии, предприятия, частные организации, учебные коллективы, религиозные конфессии, общественные некоммерческие организации, спонсоры, предприниматели и иные физические и юридические лица.

После контакта с социальными партнерами и компаньонами, целесообразно проводить регулярные встречи со студентами. Обмен полученной информацией, обсуждение итогов сотрудничества позволяет найти выход из сложившейся трудной ситуации студентов. Создание таких служб на каждом факультете вуза будет способствовать наиболее полному выявлению студентов, нуждающихся в социальных услугах. Возможно создание одной организации взаимопомощи студентов на весь университет. Это зависит от числа студентов из малообеспеченных семей и от активности учащих в реализации данного проекта.

Организация осуществляет следующие виды деятельности:

1) Служба дополнительного образования в соответствии с учетом потребностей, желаний, интересов, способностей и возможностей студентов оказывает помощь в ликвидации пробелов в знаниях, дает необходимые консультации по возникающим вопросам, находит репетиторов. Содействует участию в городских, межрегиональных и международных олимпиадах, форумах, конференциях, фестивалях. Выявляет талантливых студентов и оказывает им помощь в приобретении дополнительных специальностей, способствует разработке программ и проектов, направленных на социальную защиту молодежи.

2) Служба развития молодежных инициатив организует студенческие строительные и педагогические отряды, оказывает им помощь; осуществляет правовую защиту студентов в их предпринимательской деятельности. Служба поддерживает студенческие общественные некоммерческие и негосударственные структуры, если их деятельность проводится в соответствии с законом. В ее состав могут входить: штабы студенческих строительных, педагогических отрядов, дискуссионный клуб, юридическая консультация и т.п.

3) Служба досуга создает и развивает совместно с учреждениями культуры социально-педагогическую базу для проведения досуга студентов. Это клубы по интересам, спортивные базы, секции, дискотеки и др. Помимо этого служба пропагандирует культурный досуг и здоровый образ жизни, оказывает влияние на содержательную сторону программ развлекательно-просветительского характера, информирует о работе молодежных клубов, спортивных секций, культурно-досуговых мероприятиях города. Для успешного выполнения всех мероприятий целесообразно организовывать встречи с известными и выдающимися людьми.

4) Особое внимание студентам из малообеспеченных семей должна уделять служба организации быта студентов, занимающаяся решением бытовых вопросов, в том числе, оказывающая помощь студентам в предоставлении мест в общежитии, в поиске жилья, организации питания, других коммунально-бытовых услуг. Эта служба объединяет и старост студенческих общежитий.

Полезно будет иметь молодежное бюро по трудоустройству, которое должно помочь студентам как во временной занятости в свободное от учебы время, так и в дальнейшем поиске работы после окончания вуза. Бюро сотрудничает с городскими комитетами и службами по трудоустройству населения, имеет банк данных о наличии мест для трудоустройства студентов и выпускников учебного заведения. Для решения проблем трудоустройства студентов из малообеспеченных семей желательно создать свой веб-сайт и дать ему широкую рекламу в СМИ. На этом сайте можно разместить информацию обо всех услугах, необходимых студентам из малообеспеченных семей. Это поможет в привлечении спонсоров и специалистов, оказывающих профессиональную психологическую, юридическую, социально-педагогическую помощь.

Предлагаемая структура объединения студентов позволит, на наш взгляд, скоординировать материальную базу, кадровый потенциал, усилия лиц, причастных к проведению внеаудиторной воспитательной работы со студентами, а самое главное – окажет студентам комплексную социально-психологическую и профессиональную помощь в различных сферах жизнедеятельности. Все это будет способствовать их успешной социализации. Конечно, такая организация не заменит систему работы со студентами, сложившуюся в вузе, а дополнит ее, позволит сделать ее более результативной. Реализация всего комплекса мер требует значительного материального и кадрового

обеспечения, детальной разработки механизмов осуществления предложенной модели.

Поддержка вузов в трудоустройстве и материальном поощрении студентов будет способствовать улучшению благосостояния молодежи. Регулярное проведение конкурсов, олимпиад, организационных встреч с преуспевающими и известными людьми будет способствовать интеллектуальному и моральному росту молодых людей, росту их социальной активности, мобилизации их сил и творческих способностей в решении финансовых проблем и трудоустройстве. Повышение материального благосостояния молодежи, возникновение новых знакомств и социальных связей, приобретенный опыт работы будет способствовать личностному и профессиональному росту молодых людей.

Карев Т.

*(Научный руководитель к. филос. н., доцент М. А. Елистратова)
(ПГПУ им. В. Г. Белинского)*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ИНВАЛИДОВ НА ТРУД

Проблема занятости населения стала одной из острейших социальных проблем, с которыми столкнулось человечество. Безработица несет с собой не только бедность значительных слоев населения, но и духовную, моральную, нравственную деградацию людей. Поэтому решение проблемы занятости населения стоит в числе наиважнейших, первоочередных задач в любой цивилизованной стране.

Общественный прогресс гуманизации общественных отношений требует особого внимания к представителям наименее социально защищенных слоев населения, среди которых инвалиды являются одной из наиболее многочисленных групп. Для того, кто, несмотря на увечья или слабое здоровье, способен обеспечить минимальные потребности сам, нужны не столько денежные пособия, сколько возможность работать и зарабатывать. Трудоустройство инвалидов будет способствовать решению целого комплекса проблем, таких, как повышение социальной активности инвалидов, их экономическая независимость, повышение уровня жизни семей инвалидов, расширение круга общения и многие другие.

Для сбора информации, необходимой в решении этой задачи, Министерством здравоохранения и социального развития Пензенской области в марте 2002 г. было проведено социологическое обследование 1500 инвалидов по различным социальным аспектам, в том числе по вопросу их отношения к занятости. Исследование показало, что

58,4 % опрошенных инвалидов выразили желание трудоустроиться. Основной причиной стремления к трудоустройству у инвалидов выступает необходимость получения заработной платы как основного источника существования семьи (77 %).

Основной закон, регламентирующий вопросы трудоустройства инвалидов – Закон РФ «О социальной защите инвалидов РФ» от 20 июня 1995 г. № 181 – ФЗ, ст. 21, 22. В частности ст.21 предусматривала квотирование рабочих мест для инвалидов в организациях, имеющих среднесписочный состав более 30 человек, одновременно предусматривала взимание платы с организаций, не обеспечивших трудоустройство инвалидов или не имеющих возможность их трудоустройства независимо от форм собственности и ведомственной принадлежности.

С целью исполнения данного закона был принят Закон Пензенской области «О квотировании рабочих мест для инвалидов Пензенской области» от 3 июня 2003 г. № 483 – ЗПО, а так же издано Постановление Правительства Пензенской области «О занятости инвалидов в Пензенской области» от 23 июня 2003 г. № , которые определяли механизм трудоустройства инвалидов и механизм создания специальных рабочих мест для инвалидов, за счет средств, собранных с организаций, не принимающих инвалидов на работу. В постановлении было определено взаимодействие организаций занимающихся вопросом занятости инвалидов, а в частности: МСЭ, Федеральной службы занятости населения, работодателя и т. д. Также данным постановлением был утвержден перечень профессий и специальностей, рекомендуемых для создания рабочих мест для инвалидов.

Следует отметить, что Союз общественных объединений (организаций) инвалидов Пензенской области принимал активное участие в разработке закона и был инициатором его рассмотрения в Законодательном Собрании Пензенской области. Союз принимает участие в контроле за использованием средств, собранных на создание рабочих мест для инвалидов, а так же активно участвует в создании таких мест и способствует трудоустройству инвалидов.

Нужно заметить, что разработчики закона «О квотировании рабочих мест для инвалидов Пензенской области» и постановления «О занятости инвалидов в Пензенской области» столкнулись с большими трудностями, которые были связаны с отсутствием методических рекомендаций по созданию специальных рабочих мест, несовершенством налогового законодательства. В частности взимаемые платежи за не трудоустройство инвалидов не входили в перечень обязательных пла-

тежей по налоговому законодательству. На государственном уровне не были разработаны соответствующие формы учетно-отчетной декларации, которые бы позволяли проследить вопросы движения финансовых средств и создания рабочих мест для инвалидов.

Совместная деятельность Правительства Пензенской области и Союза общественных объединений (организаций) инвалидов Пензенской области дала значительные результаты, на сегодня трудоустроено более 10000 инвалидов. А с организаций, не обеспечивающих трудоустройства инвалидов, было собрано до 2005 г. более 6 млн. рублей, которые были направлены в соответствии с заявками работодателей на создание специализированных рабочих мест для инвалидов. Всего создано 90 рабочих мест, в том числе на специализированных предприятиях общественных организаций инвалидов «Формула», «Восход».

Необходимо подчеркнуть, что Пензенская область является одной из немногих территорий в РФ, которая обеспечила разработку и реализацию механизма трудоустройства инвалидов и создания специальных рабочих мест для них.

Сегодня ситуация с решением проблемы трудоустройства инвалидов ухудшилась – после принятия Федерального закона от 22 августа № 122 – ФЗ, который статьей 63 внес изменения в статьи 21, 22 Закон РФ «О социальной защите инвалидов РФ» от 20 июня 1995 г. №181 – ФЗ. Изменения носят следующий характер:

- с 1 января 2005г. квота устанавливается для организаций имеющих среднесписочный состав свыше 100 человек;
- полностью отменено взимание платы с организаций, не обеспечивающих трудоустройство инвалидов;
- создание специализированных рабочих мест для инвалидов должно производиться за счет средств работодателя.

Таким образом, на данный момент ликвидированы все механизмы, позволявшие Правительству Пензенской области и общественным организациям достаточно эффективно решать вопрос трудоустройства инвалидов. В этой ситуации радует только одно – общественные объединения и организации инвалидов Пензенской области активно отреагировали на изменения действующего законодательства. Ими было направлено письмо по данной проблеме в адрес Президента РФ В. В. Путина и инициированы направления предложений по изменению законодательства через Законодательное собрание Пензенской области. В адрес Союза общественных объединений (организаций) Пензенской области уже поступил ответ от Правового управления Государствен-

ной Думы и Совета Федерации РФ, в котором подтверждается факт снижения социальной защищенности инвалидов. Союз информируется, что Государственная Дума и Правительство РФ прорабатывают данную проблему. Но на данный момент деятельность по квотированию рабочих мест для инвалидов Пензенской области практически прекратилась, лишившись законодательной основы.

Примечания

- 1.«Итоги социологического обследования инвалидов в 2002г», Пенза, 2002 г.
- 2.Закон РФ «О социальной защите инвалидов РФ» от 20 июня 1995г. №181 ФЗ, ст. 21, 22.
- 3.Закон Пензенской области «О квотировании рабочих мест для инвалидов Пензенской области» от 3 июня 2003 г. №483 ЗПО.
- 4.Постановление Правительства Пензенской области «О занятости инвалидов в Пензенской области» от 23 июня 2003г. №306 – ПП.
- 5.Закон РФ. О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 22 августа № 122 – ФЗ, ст. 63.

Е. Ядренцева
(Научный руководитель к. филос. н., доцент Т. И. Лаврёнова)
(ПГПУ им. В. Г. Белинского)

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ КАК СРЕДСТВА СОЦИАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

Развитие практической социальной работы в России связано не только с применением традиционных технологий, сегодня активно ведётся поиск и разработка инновационных технологий, позволяющих эффективно решать всевозможные социальные проблемы. Так, успешно применяется иппотерапия, сказкотерапия, музыкотерапия и т. д. Многие из них на Западе используются не один десяток лет, однако для нашей страны являются новшеством. Одним из таких нововведений в практике социальной работы является социальная реклама, речь о которой пойдёт в данной статье.

В связи с современными масштабами социальных проблем широко заговорили о применении социальной рекламы как технологии профилактики социальных болезней и информирования населения. Данная технология в России возникла совсем недавно – в начале 90-х

годов XX века, поэтому сложившегося и устоявшегося представления о ней пока ещё нет (к примеру, в США «производством» социальной рекламы начали заниматься ещё с 1906 года). В 1993 году в нашей стране образовался Рекламный Совет (на общественных началах), который занялся реализацией программ по социальной рекламе. Именно тогда увидел свет многим запомнившийся ролик «Позвоните родителям». И только в 1995 году был принят закон Российской Федерации «О рекламе», статья 18 которого призвана регулировать деятельность в области социальной рекламы. По закону «социальная реклама представляет общественные и государственные интересы и направлена на достижение благотворительных целей». В социальной рекламе не должны упоминаться коммерческие организации и индивидуальные предприниматели, а также конкретные марки (модели, артикулы) их товаров, равно как и марки (модели, артикулы) товаров, являющихся результатом предпринимательской деятельности некоммерческих организаций». Однако статья была подвергнута критике из-за нечёткого определения и явной недоработки.

В этой области отчётливо наблюдается отрыв теории от практики. Так, за последний год на телевидении, плакатах на улицах, радио можно было довольно часто видеть и слышать попытки (удачные и неудачные) реализовать на практике социальную рекламу. Об этом свидетельствует и большое количество конкурсов и фестивалей социальной рекламы во многих городах, особенно в Санкт-Петербурге и Москве. Многие работы признаются шедеврами социальной рекламы. Но из-за несовершенства правовой базы, отсутствия каких-либо стандартов в области социальной рекламы (чёткого определения, тематики, финансирования, мест размещения и тому подобное) непонятно, по каким критериям судят, и, естественно, возникают вопросы: Что мы можем назвать социальной рекламой? Можем ли мы назвать конкурсные работы и уже выпущенные «продукты» социальной рекламой или это просто самодеятельность? Открытым остаётся вопрос о том, куда дальше идут данные работы? Некоторые организаторы конкурсов предлагают денежный приз победителям, другие размещают работы в Интернете на своих сайтах, и лишь немногие добиваются того, чтобы работы шли по назначению – пытались донести до нас информацию. Хотя, именно такие мероприятия могли бы служить отбору действительно самых лучших работ для внедрения в практику.

Конечно, все эти вопросы можно было и не поднимать, если бы речь не шла о массовом и повсеместном внедрении социальной рекламы. Ведь механизмы влияния социальной рекламы и отдельных её

компонентов на человеческое сознание и поведение не изучены. Публикаций, научных исследований на эту тему очень мало. Хотя потребность нашего общества в таком роде деятельности велика. За рубежом социальная реклама давно стала мощным и эффективным средством воздействия государства на общественность, и наоборот, она используется в целях профилактики социальных болезней, охраны природы, в трудовой сфере, сфере образования и т. д.

Таким образом, можно сказать, что использование социальной рекламы как технологии социальной профилактики именно в рамках социальной работы является, по моему мнению, перспективным и актуальным направлением и в России. Учитывая, что социальная реклама может иметь огромный охват аудитории, так как транслируется по всем имеющимся на сегодняшний день информационным каналам (телевидение, радио, плакаты, пресса, интернет, почта), обладает кратким, но весомым и запоминающимся содержанием, она могла бы существенно дополнить меры социальной профилактики, которые давно уже апробированы. Поэтому сегодня необходимо вести теоретические и исследовательские разработки в этом направлении.

Для того чтобы попытаться проанализировать ситуацию в области социальной рекламы, мною было проведено небольшое исследование. Основываясь на своём мнении о том, что большая часть социальной рекламы (акции против курения, алкоголя, наркомании, предупреждения о СПИДе и т. д.) направлена на молодёжь как наиболее социально активную группу населения и более всего восприимчивую к такому роду информации, объектом моего исследования стали студенты двух пензенских ВУЗов: ПГПУ и ПГТА, а предметом – выявление отношения студентов к социальной рекламе. Методом был избран анкетный опрос.

Задачей при проведении анкетирования было получить следующую информацию: имеет ли молодёжь представление о том, что такое социальная реклама, выявить степень её необходимости, отношение студентов к «продуктам» социальной рекламы, степень её влияния на их жизнь. Но главной задачей было сравнить ответы студентов гуманитарного факультета и студентов, обучающихся техническим специальностям. В качестве гуманитариев выступили студенты 4 курса факультета социологии и социальной работы ПГПУ, остальные студенты представляли ПГТА. Таким образом, студенты были поделены на две группы: «А» – гуманитарии, «Б» – студенты технических специальностей. Всего было опрошено 70 студентов (35/35). Выборка небольшая, но это объясняется пилотным характером исследования. Полученные

результаты могут служить отправной точкой для дальнейших исследований.

Была выдвинута гипотеза о том, что студенты гуманитарии (а именно студенты, обучающиеся по специальности «социальная работа») более чётко представляют, что такое социальная реклама, её цели, большая часть из них выделяет её из общей массы коммерческой рекламы, на многих она производит сильное впечатление, студенты хотят видеть качественные «продукты» социальной рекламы. Во многом это объясняется спецификой профессии, которую они выбрали – в рамках некоторых дисциплин предполагается изучение темы «Социальная реклама». Что же касается студентов технических специальностей, то они не затрагивают в ходе обучения данную тему, все их знания о социальной рекламе строятся на их собственном отношении к «продуктам» социальной рекламы при непосредственном контакте с ней, из рассказов друзей, случайно прочитанных статей и т. д. Поэтому можно предположить, что мнения именно этой группы студентов, в большинстве своём, присущи молодёжи, что на них следует опираться при анализе организации социальной рекламы в Пензе.

Результаты анкетирования действительно были таковы, что ответы студентов группы «А» во многом резко отличались от ответов в группе «Б». Так, 80 % «А» – респондентов различают рекламу социальную и коммерческую, хотя 22,9 % воспринимают её как обычную коммерческую рекламу (получается, что 2,9 % респондентов разводят эти понятия, но отношение к ним одинаковое). В группе «Б» только 45,7 % ответили, что социальная реклама и коммерческая – это разные вещи. Прямо противоположное мнение высказали 34,3 % «Б» – респондентов и 20 % затруднились ответить.

На открытый вопрос о том, что понимать под словами «социальная реклама» почти все студенты из группы «А» (это 97,1 %) выразили своё мнение. Конечно, сколько респондентов, столько и мнений, однако все ответы можно свести к двум чаще всего встречающимся вариантам. Под социальной рекламой понимается: 1) деятельность некоммерческого характера, способная заставить человека задуматься, побуждающая его к действию, а именно – к решению социальных проблем; 2) социальная информация или способ донесения до человека информации социальной направленности. Таким образом, у студентов из этой группы имеется довольно чёткое представление по данному вопросу. В группе «Б» смогли выразить своё мнение лишь 37,1 %, остальные 62,9 % затруднились ответить на данный вопрос. Что касается содержания, то большинство отвечали, что социальная реклама –

это агитация к каким-либо действиям; реклама, которая что-то рекламирует, или вовсе писали слоганами, причём несколько студентов припомнили довольно интересные, например: «Два комплекта по цене одного» (реклама сотового оператора!!!).

Конечно, исходя из этих данных, нельзя упрекать студентов за их неосведомлённость о том, что такое социальная реклама. Знания о ней нельзя навязать, но если она сделана грамотно и качественно, вероятность возникновения какой-либо реакции (внутренней или внешней) у населения велика. А о какой реакции можно вести речь в нашем случае, если большинство студентов из группы «Б» не знают о существовании социальной рекламы, не могут привести ни одного примера, они не замечают или не хотят её замечать.

Это подтверждают и следующие цифры. На вопрос «Помните ли Вы какую-нибудь социальную рекламу?» в группе «Б» ответили положительно всего 25,7 % респондентов. Конкретизировать свой ответ (вспомнить слоган, где встречали, тему и т.д.) смогли лишь 20 %. Для сравнения в группе «А» эти цифры составили 80 % и 68,6 %. Социальная реклама раздражает 34,3 % «Б» – респондентов, 28,6 % стараются избегать её, не обращать на неё своё внимание, 45,7 % воспринимают её как коммерческую. Следствием всего этого явилось то, что 62,9 % респондентов из группы «Б» не видят от социальной рекламы «большой пользы в решении своих и общественных проблем». Некоторые даже предложили не тратить средства на это «бесполезное занятие» и отдать их нуждающимся. А на перспективы развития данной области в Пензе 80 % смотрят пессимистично. Зато коммерческая реклама пользуется у молодежи необыкновенной популярностью. Студенты признались, что 40 % из них регулярно употребляют в речи рекламные слоганы, а некоторые даже пересказывают рекламу в компаниях в качестве анекдотов.

Основной темой для социальной рекламы в первую очередь большинство студентов из группы «Б» (48,6 %) считают алкоголь, наркоманию и СПИД. Это, возможно, объясняется тем, что на эту тему создано и транслируется больше всего различных видеороликов, плакатов. Хотя за рубежом социальная реклама давно уже вышла за эти рамки. В группе же «А» студенты отдали предпочтение теме «мораль и этика» – 28,6 %.

Выводом из всего описанного может служить одно из двух предположений. Либо социальная реклама в нашей стране (и в частности, в Пензе) не достигла того содержательного и качественного уровня, чтобы пробуждать в людях реакцию, побуждать к действию, застав-

лять задуматься о своей жизни. Либо наше сознание настолько охладело ко всем этим образам, транслируемым через социальную рекламу, что мы не хотим задуматься даже на те секунды, которые идёт тот же видеоролик. Почему? Потому что современный ритм жизни, ежедневная борьба за выживание привела к тому, что люди живут одним днём, не задумываясь о многих своих действиях и их последствиях. Естественно, что в данные жизненные рамки социальная реклама не вписывается.

Скорее всего, присутствует и то, и другое. Так как само существование социальной рекламы вызвано отчасти тем, что люди стали более жесткими, забываются истинные человеческие ценности (любовь к детям, природе, чувство долга, ответственности, преданности). Поэтому социальная реклама должна существовать, она должна быть заметной, запоминающейся, доходчивой, возможно, даже шокирующей. Этого мы на сегодняшний день не имеем, а проведённое исследование ярко продемонстрировало минусы нашей социальной рекламы, подтвердив гипотезы о том, что большинство молодёжи не имеет чёткого понятия, что такое социальная реклама, больше половины из всех опрошенных не помнит не одного примера, многие ставят под сомнение необходимость такой деятельности. А следовательно, можно поставить под сомнение действенность социальной рекламы как технологии социальной профилактики при таких обстоятельствах.

Однако это не говорит о неэффективности социальной рекламы вообще, речь идёт о её качестве. Основываясь на предположении, что в связи с информационной революцией мышление молодёжи стало более лаконичным и фрагментарным, что ими запоминаются яркие, чёткие образы, можно сказать, что профессионально сделанная и организованная социальная реклама, имея в своём содержании всё вышеописанное, может стать в рамках социальной работы эффективной технологией профилактики социальных проблем в молодёжной среде.

Таким образом, даже такое небольшое исследование вскрыло множество проблем, вопросов, на которые можно найти ответы, только продолжая исследования в данном направлении.

Е. Яценко
(Научный руководитель к. филос. н., доцент Т. И. Лаврёнова)
ПГПУ им. В.Г.Белинского

ОПЕКА КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Изменение экономических отношений в России повлекло за собой ряд существенных перемен в социальной жизни общества. В российской действительности появилось такое явление, как социальное сиротство. Сиротство как социальное явление существует столько же, сколько человеческое общество, и является неотъемлемым элементом цивилизации.

С середины XX века социальное сиротство стало приобретать угрожающие масштабы. В Российской Федерации социальные сироты составляют абсолютное большинство детей, оставшихся без попечения родителей (95%), причем в 60% случаев они были рождены матерями в возрасте от 16 до 19 лет.

Основные причины современного сиротства – следующие:

- это добровольный отказ родителей от своего ребенка, как правило, вскоре после его рождения – в легальной или нелегальной форме (дети-подкидыши, дети, проданные другим лицам);
- лишение родительских прав;
- утрата родителями ребёнка вследствие социальных потрясений или стихийных бедствий, которые вынуждают население к хаотичной миграции.

Нормативно-правовые акты Российской Федерации приняты в полном соответствии с подписанными и признанными ею международными документами. Основными из них являются: «Декларация прав человека и гражданина» (1948); «Декларация прав ребенка» (1959); «Конвенция о правах ребенка» (1989).

Оказание помощи детям, по разным причинам оставшимся без попечения родителей, является важнейшим направлением социальной политики государства. Содержание социальной работы с этой категорией детей определяется приоритетами государственной политики.

Сиротство – это социальное понятие, которое отражает положение детей-сирот. Сиротой считается ребенок, который временно или постоянно либо лишен своего семейного окружения, либо не может оставаться в таком окружении и имеет право на особую защиту и помощь, предоставляемую государством. Дети-сироты – лица в возрасте до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель (прямые

сироты). Дети, оставшиеся без попечения родителей, – лица в возрасте до 18 лет, которые остались без попечения единственного или обоих родителей. Основную по численности категорию детей-сирот составляют дети, родители которых в результате антиобщественного поведения лишены родительских прав (социальное сиротство).

Лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, – лица в возрасте от 18 до 23 лет, у которых, когда они находились в возрасте до 18 лет, умерли оба или единственный родитель, а также те, которые остались без попечения единственного или обоих родителей.

Право на семью гарантировано Конституцией РФ каждому ребенку. По данным Госкомстата сегодня в России 30 млн. детей. За последние 10 лет их стало меньше на 10 %. Треть из 42 млн. семей – однодетные, Девять миллионов семей имеют по двое детей. Многодетных менее 4%. 24 % женщин детородного возраста вообще не хотят иметь детей. Каждый 7 ребёнок воспитывается в неполной семье. Детей, оставшихся без попечения родителей, уже более 700 тысяч. Но лишь 10 % из них осиротели из-за смерти родителей, остальные – социальные сироты. Численность социальных сирот составляет сегодня 685 тысяч человек. Около 3 млн. – безнадзорные дети. Более 40 % бывших воспитанников детских домов попадают в заключение, 35 % – сами лишаются родительских прав (и их дети тоже становятся сиротами). Ежегодно регистрируются 100 тысяч детей, оставшихся без попечения родителей.

За последние пять лет число усыновлений сократилось в четыре раза. И проблема тут не только в несовершенстве законов. Социально-экономическая ситуация и культурно-нравственные приоритеты в обществе сегодня таковы, что сиротам пока мало на что приходится надеяться. Институт семьи потерял свою привлекательность. Зарегистрированных браков стало меньше почти на треть, а каждый второй распадается. Из 42 млн. российских семей более половины проживает за чертой бедности. А выросшее до 70 рублей детское пособие ничего в этой статистике изменить не может. Чем больше иждивенцев в семье, тем ниже уровень жизни. Берущие на воспитание чужих детей вызывают не умиление, а в лучшем случае настороженность. Мотивов, по которым берут детей на воспитание, – множество. Иногда таким способом люди пытаются решить собственные материальные или психологические проблемы. В России, в отличие от стран Запада, не очень распространено опекуновство, в основном к нему прибегают лишь близкие родственники, потому что люди мало знают об этом.

Опека (попечительство) – форма устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в целях их содержания, воспитания и образования, а также для защиты их прав и интересов; опека устанавливается над детьми, не достигшими возраста 14 лет; попечительство – над детьми в возрасте от 14 до 18 лет.

У опекуна есть свои особенности, и в тоже время опасности, с которыми может столкнуться ребёнок, взятый под опеку. Так, оформление опекуна закон ограничивает месячным сроком, поскольку не требует решения суда. На практике, вместе со сбором медицинских справок реально это выливается в 2–4 месяца. Завершение бумажных дел (прописка, устройство в детский сад, оформление получения денег и т. д.) может продлиться еще год, но это уже текущие проблемы, как и у всех родителей. А при усыновлении этот процесс длится не 2–3 месяца, а год и более.

При оформлении опекуна предъявляется меньше требований к статусу опекуна, чем усыновителя – не важно замужем вы или холосты, не важен размер вашей заработной платы, потому что подразумевается, что ребенок продолжает находиться на государственном обеспечении. На содержание ребенка опекуну (попечителю) ежемесячно выплачиваются денежные средства в порядке и размере, установленными Правительством РФ. А в этом и заключена основная сложность, которая увеличивает число корыстных причин взятия ребёнка под опеку; практически никакой материальной ответственности за судьбу опекаемого ребёнка, плюс прибавка к «семейному» бюджету.

По достижении совершеннолетия опекаемому ребёнку государство обязано предоставить жильё, чем тоже могут воспользоваться опекуны для будущего улучшения своих жилищно-бытовых условий.

При опекуне не встаёт вопрос о сохранении «тайны усыновления», отпадает вопрос о соответствии национальностей между опекуном и опекаемым. Это может и не влиять на чувства и взаимоотношения между ними, но разные взгляды и вопросы со стороны окружающих людей могут отрицательно повлиять на ребёнка.

Опекунство имеет обратимый характер (впрочем, как и усыновление); опекун может прервать свои отношения с опекаемым по определённым причинам: несовместимость характеров, признание опекуна неспособным воспитывать ребёнка или плохое поведение опекаемого в опекунской семье. Неблагоприятное воздействие будет оказано на ребёнка, когда от него отказываются или возвращают в детский дом,

это будет способствовать ненормальному психологическому развитию ребёнка.

Вопрос о том, где лучше ребёнку – в семье или в сиротском учреждении, с одной стороны, не подлежит дискуссии. Право ребёнка на семью записано в Конвенции ООН, другое дело, как бывает трудно обеспечить это право.

*А. В. Гаврилов, Е. А. Драгунова
ПГПУ им. В. Г. Белинского*

ИГРА КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ ОРИЕНТАЦИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ

Профессиональная деятельность специалиста по социальной работе очень разнообразна. Организуя свою работу, социальный работник направляет усилия на создание здорового, эмоционально стабильного и благополучного микроклимата как во взрослом, так и в детском коллективах, способствует гуманизации межличностных отношений, защищает права и интересы каждого ребенка, участвует в организации досуга и отдыха, помогает раскрыться способностям каждого ребенка, создает условия для индивидуального и социального развития детей, изучает проблемы, возникающие в их жизни, помогает преодолевать трудности и ориентирует детей в профессиональной деятельности.

В условиях серьезных изменений, происходящих в современном российском обществе, работники промышленных предприятий не видят на заводах молодых людей, которые сменили бы их в будущем. И дело не только в этом, дело в том, что в наше время перестала существовать система социального заказа, когда какая-либо организация делает заказ на необходимую рабочую силу, а учреждения образования готовят специалистов, которым было бы обеспечено рабочее место на заводе. Конечно, отток рабочей силы в частные охранные агентства, бары, казино, залы игровых автоматов происходит по разным причинам (в основном экономическим), но в этой проблеме нужно искать более глубокие корни. Мы связываем это с воспитанием, которое дают ребенку его родители.

Но как быть с теми, у кого нет родителей, – с детьми-сиротами? Как же сформировать у ребенка-сироты представление о труде как о социально значимой деятельности, а не только средстве добывания денег (не всегда честным и безопасным способом)?

В 2005 г. мы провели анкетный опрос в детском доме № 1 г. Пензы с целью выяснить, какие профессии выберут дети-сироты. В проведенном нами опросе участвовали 22 человека в возрасте 8–14 лет. Им были заданы различные вопросы, одним из которых был: «Какую профессию вы хотели бы получить, окончив школу?». Детям были предложены различные профессии и возможность указать свой вариант ответа. Анализ ответов показал, что дети в основном выбирали профессии, востребованные в сфере обслуживания населения (шофер – 22,7 %, повар – 18,2 %, строитель – 10 %). Эти стремления нужно всячески одобрять и направлять.

Для этой цели центры занятости населения при обращении к ним детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в возрасте 14–18 лет, осуществляют профессиональную работу и обеспечивают диагностику их профессиональной пригодности с учетом состояния здоровья за счет средств Государственного фонда занятости населения Российской Федерации. Но хотелось бы, чтобы такая работа с детьми проводилась и в детских домах. Социально-трудовая ориентация детей-сирот представляет собой комплекс мероприятий, направленных на развитие представлений о труде, профессии, посредством которых можно помочь ребенку определить свое место в профессиональной жизнедеятельности.

На наш взгляд, в деятельность специалистов по социальной работе и социальных педагогов, работающих с детьми-сиротами, необходимо внедрять такое направление, как социально-трудовая ориентация. Одним из видов социально-трудовой ориентации детей выступают ролевые игры. Игра для ребенка – это не только развлечение, это путь его приобщения к миру взрослых, способ выполнения определённых социальных ролей, средство развития его психических и физических качеств и способностей, средство формирования коммуникативных умений. Игровая деятельность всегда связана с решением определенных задач, выполнением определенных обязанностей, социальных ролей, преодолением разного рода трудностей и препятствий. Преодоление препятствий укрепляет у детей силу воли, воспитывает выдержку, решительность, настойчивость в достижении цели, веру в свои силы.

Одной из важных задач в социальной работе с детьми-сиротами является забота о том, чтобы часы, свободные от учебных занятий, заполнялись разумно, интересно. В значительной мере это зависит от специалиста по социальной работе, социального педагога, воспитателя, их умения увлечь детей интересным делом, дать выход их энергии,

предоставить каждому возможность наиболее полно проявить себя, реализовать свои способности.

Игра занимает в жизни ребенка не последнее место. В младшем школьном возрасте игра продолжает оставаться вторым видом деятельности ребенка после учебы. Игры в этом возрасте приобретают более современные формы и превращаются в развивающие. Индивидуальные предметные игры приобретают конструктивный характер, в них широко используются новые знания, которые приобретаются на занятиях трудом в школе. Интеллектуализируются групповые и коллективные игры.

Наряду с учением и трудом игра для подростков несет в себе богатые возможности для личностного развития. Однако речь идет не об играх-развлечениях, а о деловых играх. Такие игры необходимо включать в учебно-воспитательный процесс в школах, детских домах, наряду с обычными занятиями школьными предметами, причем с воспитательной точки зрения подростковый возраст представляется для этого наиболее благоприятным периодом.

Социальный работник может предложить детям сюжетно-ролевые игры, которые создают условия для естественного их общения друг с другом. Сюжетно-ролевые игры развивают у детей, интерес к труду взрослых. С детьми можно провести следующие сюжетно-ролевые игры: «Ателье», «Парикмахерская», «Библиотека», «Почта», «Строитель», «Магазин» и др. В зависимости от возраста разнообразие профессий может меняться, а правила игры усложняться. В процессе игры дети не только копируют то, что они видели, но и проявляют самостоятельность, активность. Кроме этого сюжетно-ролевые игры являются средством самовоспитания. Каждый играющий представляет себе, как он будет действовать и говорить в конкретной ситуации. Игра также учит детей, как необходимо управлять своими эмоциями.

Таким образом, специалист по социальной работе с учетом потребностей рынка труда определяет основные направления профессиональной ориентации детей и подростков и разрабатывает программы, направленные на подготовку молодежи к самозанятости, к последующей организации предпринимательской деятельности.

*С. В. Петрунина, А. А. Логинов, Н. О. Рубцова, М. Н. Володина.
ПГПУ им. В. Г. Белинского; Российский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма*

ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ ОБЩИТЕЛЬНОСТИ И «ПОМЕХ» В УСТАНОВЛЕНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНТАКТОВ У ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ В ЗДОРОВЬЕ

Общение – один из важнейших факторов общего психического развития ребенка. Только в контакте с взрослыми людьми возможно усвоение детьми общественно-исторического опыта.

Первые три года жизни, когда дети в большинстве случаев воспитываются дома, являются решающими в развитии речи. Уже с грудного возраста малыши прислушиваются к звукам, наблюдают за движениями губ матери и отца, радуются, узнавая знакомые голоса. С первого дня они впитывают в себя звуки речи, собирают и накапливают слова. Так, постепенно ребенок развивает свой пассивный запас слов, которым позднее начинает активно пользоваться.

Человек с детства учится общению и овладевает разными его видами в зависимости от среды обитания, от людей, с которыми взаимодействует, причем происходит это стихийно, на основе житейского опыта. Во время общения у его участников наблюдаются различные состояния, у каждого из них проявляются те или иные психические свойства личности.

В нашем обществе есть люди, которым очень трудно осуществлять общение с окружающими – это инвалиды (ДЦП). Проблема общения у инвалидов с последствиями ДЦП заключается в неравенстве возможностей по сравнению с другими людьми, в задержке умственного развития, в невозможности осуществлять передвижения без помощи окружающих людей, и, конечно, в речевой недостаточности, что в самой большой степени осложняет общение этой категории людей с окружающим миром.

Болезни, связанные с нарушениями нервной системы, существуют столько, сколько существует само человечество. В эпоху, когда греческая цивилизация была на вершине славы, когда физическое благополучие являлось одним из главных сокровищ жизни, Плутарх видел в ребенке-калеке лишь «существо, предназначенное жить, лишенное силы и здоровья», Платон писал, что «следовало бы запретить законом проявлять заботу о тех, кто рождается уродом».

В нашем исследовании принимали участие 20 человек, из них 10 человек – это инвалиды с последствиями ДЦП, которые составляли

экспериментальную группу, среди которых было 3 мужчин и 7 женщин, а контрольную группу составляли здоровые люди (3 мужчин и 7 женщин). Возрастной диапазон участников составлял от 23 до 50 лет.

Гипотеза исследования заключалась в том, что проблемы в общении у инвалидов с ДЦП непосредственно связаны с тяжестью поражений мозга; характерные для каждой формы заболевания – двигательные, психические и речевые.

Экспериментальное исследование было проведено в два этапа. Первый этап включал в себя проведение диагностики уровня общительности в экспериментальной и контрольной группе. На втором этапе была проведена диагностика «помех» в установлении эмоциональных контактов.

Нами были использованы следующие методики:

1. Методика оценки уровня общительности В. Ф. Ряховского. Данная методика содержит возможности определить уровень коммуникабельности человека, способность находить общий язык в процессе общения. Этот тест позволяет выявить высокий, выше среднего, средний, ниже среднего и низкий уровень общительности. Сделать предположение о конкретных сферах общения, в которых возникают трудности.

2. Методика диагностики «помех» в установлении эмоциональных контактов В. В. Бойко. Методика состоит из 25 высказываний, на которые следует отвечать, используя два варианта ответа – «да», «нет».

Среди конкретных «помех» в данной методике выделяют: неумение управлять эмоциями, дозировать; неадекватное проявление эмоций; негибкость, неразвитость, невыразительность эмоций; доминирование негативных эмоций; нежелание сближаться с людьми на эмоциональной основе.

Результаты исследования уровня общительности в экспериментальной группе показали, что у 30 % испытуемых показатели свидетельствуют о том, что эти люди общительны, новые проблемы их не пугают. Но все же с новыми людьми сходятся с оглядкой, в спорах и диспутах участвуют неохотно.

У 70 % испытуемых количество набранных очков может свидетельствовать о том, что такие люди замкнуты, не разговорчивы, предпочитают одиночество, поэтому у них мало друзей. Новая работа и необходимость новых контактов если не ввергают их в панику, то надолго выводят из равновесия. Такие люди часто не довольны собой.

Результаты показателей в контрольной группе: 40 %, – свидетельствуют, что эти люди весьма общительны, любопытны, разговорчивы, любят высказываться по разным вопросам. Охотно знакомятся с новыми людьми. Любят быть в центре внимания, никому не отказывают в просьбах.

У 40 % количество набранных баллов соответствует среднему результату. Это свидетельствует о том, что данные люди, возможно, имеют нормальную коммуникабельность. Они любознательны, без неприятных переживаний идут на встречу с новыми людьми. 10 % (1 человек), отмечается ниже среднего показателя коммуникабельность, а у оставшихся 10 % набранное количество баллов, возможно, может свидетельствовать о том, что у людей присутствует замкнутость, неразговорчивость. Такие люди предпочитают одиночество.

Средний показатель в экспериментальной группе составил 24,7, что соответствует низкому уровню коммуникабельности.

Средний показатель в контрольной группе – 16,2, что соответствует нормальному уровню коммуникабельности.

После проведения методики оценки уровня общительности нами была проведена дополнительная методика диагностики «помех» в установлении эмоциональных контактов.

Результаты методики диагностики «помех» в установлении эмоциональных контактов показали: из десяти испытуемых, у шести человек количество полученных баллов превышает 13, что свидетельствует о том, что эмоции явно мешают устанавливать контакты с людьми; у двух испытуемых количество баллов равно 11 и 12 (20 %), что, возможно, говорит о том, что эмоции «на каждый день» в некоторой степени осложняют взаимодействие с партнерами. И у двух испытуемых, количество набранных баллов соответствует – 7, что, возможно, свидетельствует, о том, что у данных испытуемых есть некоторые эмоциональные проблемы в повседневном общении.

Итак, у 60 % испытуемых очень высокий результат в методике диагностики «помех» в общении, из чего можно сделать вывод, что у них существуют трудности в установлении контактов с окружающими людьми. При этом у 90% испытуемых основными «помехами» оказались негибкость, неразвитость, невыразительность эмоций и нежелание сблизаться с людьми на эмоциональной основе.

В ходе проведенного нами исследования была подтверждена гипотеза о том, что уровень общительности у инвалидов с ДЦП выше уровня общительности здоровых людей. Это было подтверждено в ре-

зультате сравнения *среднего* показателя в экспериментальной и контрольной группах.

А проведение дополнительной методики в группе испытуемых с ДЦП на выявление «помех» в установлении эмоциональных контактов позволила нам выявить то, что эмоции мешают инвалидам в большей (60 %) или меньшей (40 %) степени устанавливать контакты.

Результаты, полученные в ходе исследования, позволяют сделать вывод о значимости общения для лиц, страдающих ДЦП.

*В. А. Ильин, Г. В. Боков
(ПГПУ им. В.Г. Белинского, Межвузовский центр, г. Пенза)*

ВЛИЯНИЕ ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ НА ПОКАЗАТЕЛИ УМСТВЕННОЙ РАБОТОСПОСОБНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ЗПР

Задержка психического развития (ЗПР) является одной из наиболее часто встречающихся форм нарушения психического здоровья детей. В числе воспитанников детских садов и учащихся младших классов число таких детей колеблется от 5 до 20 %.

В практике аномальности детей с ЗПР могут сочетаться разнообразные черты, однако постоянной составляющей является интеллектуальное недоразвитие. Оно характеризуется ретардацией эмоционально-волевой сферы и интеллекта, сниженной работоспособностью и другими чертами, препятствующими их обучению и воспитанию в условиях массовых дошкольных учреждений и общеобразовательных школ.

Дети с ЗПР часто имеют отставание в физическом развитии и соматическую патологию, что существенно осложняет проведение с ними коррекционной работы. Сниженный уровень здоровья детей с ЗПР нередко способствует развитию у них негативных черт личности и, таким образом, приводит к девиантному поведению.

Анализ отечественных исследований показал недостаточное количество научно-обоснованных работ, посвященных физическому воспитанию детей младшего школьного возраста с ЗПР, а также отсутствие комплексных программ их оздоровления. Учитывая вышеизложенное, мы разработали комплексную программу физкультурно-оздоровительных мероприятий для детей младшего школьного возраста с ЗПР. Помимо лечебных, оздоровительных и закаливающих процедур она включала в себя проведение в режиме дня следующих мероприятий: уроков по физическому воспитанию (3 урока в неделю),

уроков по плаванию (2 урока в неделю), уроков ритмики (аэробики), гимнастики до занятий, физкультурминуток, динамических пауз, ежедневного часа здоровья, занятий в спортивных секциях по интересам, спортивных досугов, домашних заданий по физической культуре, индивидуальных и самостоятельных занятий по физическому воспитанию, спортивных праздников.

При проведении этих мероприятий широко использовались упражнения из комплекса «Физкультурная азбука», упражнения с кистевым тренажером «Бабочка», мячами различного диаметра и другим физкультурным инвентарем, подвижные и спортивные игры.

Данная программа в 2002–2003 учебном году проходила экспериментальную проверку на базе специальной (коррекционной) школы 7 вида № 227 г. Заречного Пензенской области. В ходе эксперимента мы изучали влияние разработанной программы на физическое развитие, физическую подготовленность, умственную работоспособность и состояние здоровья младших школьников с ЗПР.

Исследование умственной работоспособности проводилось по общепринятой методике корректурных проб (Н. Т. Терехова, 1988). Дети выполняли пять двухминутных заданий на корректурных таблицах. Они должны были в каждой из 3-х определенных фигур проставить нужный знак: плюс (крестик), минус (черточку), точку.

При обработке результатов учитывалось общее количество просмотренных строчек (в каждой строчке по 10 фигур) и число сделанных ошибок. За ошибку считался пропуск фигуры, строчки, неправильный выбор фигур или знака и т. п.

Количество просмотренных строчек и качество выполненной работы оценивалось как отдельно, так и комплексно – в виде коэффициента продуктивности.

Полученные в ходе исследования результаты показывают, что в начале педагогического эксперимента дети из опытного 1-го класса имели практически одинаковый коэффициент продуктивности по сравнению с детьми контрольного 1-го класса (при $p < 0,05$). Несмотря на то, что они просматривали, в среднем, на 35,7 % больше строк, они совершали почти в 1,5 раза больше ошибок и делали в 5 раз больше пропусков. К концу педагогического эксперимента у детей из 1-го опытного класса коэффициент продуктивности вырос с 4,02 до 6,67 (на 65,9 %). Они стали просматривать, в среднем, на 37 % большее количество строк, делая при этом на 58 % больше ошибок и на 29,7 % уменьшив количество пропусков, по сравнению с началом педагогического эксперимента.

Дети из 1-го класса контрольной группы к концу педагогического эксперимента стали просматривать в среднем на 31,55 % большее количество строк. Количество ошибок у них, по сравнению с началом педагогического эксперимента, увеличилось почти в два раза, количество пропусков увеличилось на 33,65%, а коэффициент продуктивности у них вырос с 3,98 до 4,97 (на 24,9%).

К концу педагогического эксперимента дети из 1-го класса опытной группы, в среднем, просматривали на 41,55% больше строк, а коэффициент продуктивности у них стал на 34,2% выше, чем у детей из 1-го класса контрольной группы (различия достоверны при $p < 0,05$).

Анализ результатов корректурной пробы 2-го класса опытной группы говорит о том, что дети в начале педагогического эксперимента имели в среднем на 23,% более высокое значение коэффициента продуктивности, по сравнению с детьми из 2-го класса контрольной группы. Несмотря на то, что они просматривали в среднем на 12,3 % больше строк, они совершали на 12,6 % больше пропусков и делали на 17,9 % больше ошибок, чем дети 2-го класса контрольной группы (различия достоверны при $p < 0,05$).

К концу педагогического эксперимента у детей из 2-го класса опытной группы коэффициент продуктивности вырос с 6,19 до 11,83 (на 99,1 %). Они стали просматривать в среднем на 57,2 % больше строк, делая при этом на 67,6 % меньше пропусков и на 10 % меньше ошибок по сравнению с началом педагогического эксперимента.

Дети из 2-го контрольного класса к концу педагогического эксперимента стали тоже просматривать в среднем на 25,3 % больше строк. Количество ошибок у них по сравнению с началом педагогического эксперимента, увеличилось в 4,5 раза, а количество пропусков уменьшилось на 33,9%. Коэффициент продуктивности у них вырос с 5,02 до 8,12 (на 61,8%). К концу педагогического эксперимента дети из 2-го класса опытной группы в среднем просматривали на 41 % больше строк, а коэффициент продуктивности у них стал на 45,75 % выше, чем у детей из 2-го класса контрольной группы (различия достоверны при $p < 0,05$).

Анализ результатов корректурной пробы учеников 3-го класса опытной группы говорит о том, что в начале педагогического эксперимента дети имели в среднем на 4,65 более низкое значение коэффициента продуктивности по сравнению с детьми из 3-го контрольного класса. Несмотря на то, что они просматривали в среднем на 7,25 строки больше и делали на 61,3 % меньше ошибок, количество пропусков у них было на 185 % больше (различия достоверны при $p <$

0,05). К концу педагогического эксперимента у детей 3-го класса опытной группы коэффициент продуктивности вырос на 58,2 % с 7,88 до 12,47. Они стали просматривать в среднем на 25,4 % большее количество строк, делая при этом на 56,7 % ошибок меньше и на 48,95 меньше пропусков, по сравнению с началом педагогического эксперимента.

Дети из третьего контрольного класса к концу педагогического эксперимента стали просматривать в среднем на 19,6 % большее количество строк. Количество ошибок у них, по сравнению с началом педагогического эксперимента, уменьшилось на 53,8 %, количество пропусков же уменьшилось в 2,5 раза. Коэффициент продуктивности у них вырос на 8,6 % (с 8,26 до 8,97). К концу педагогического эксперимента дети из 3-го класса опытной группы, в среднем, просматривали на 12,4 % больше строк, а коэффициент продуктивности у них стал на 39 % выше, чем у детей из 3-го контрольного класса (различия достоверны при $p < 0,05$).

Анализ результатов корректурной пробы учеников 4-го класса опытной группы говорит о том, что в начале педагогического эксперимента дети имели в среднем на 3,5 % меньшее значение коэффициента продуктивности по сравнению с детьми из 4-го контрольного класса. Несмотря на то, что они просматривали в среднем на 1,1 % меньше строк, т.е. почти одинаково, они делали в 6,2 раза больше ошибок и на 19,1 % больше пропусков (различия достоверны при $p < 0,05$). К концу педагогического эксперимента у детей 4-го класса опытной группы коэффициент продуктивности вырос на 21,6 % (с 8,76 до 10,65). Они стали просматривать, в среднем, на 24,2 % большее количество строк, делая при этом на 64,2 % меньше ошибок и на 31,5 % больше пропусков, по сравнению с началом педагогического эксперимента.

Дети 4-го контрольного класса к концу педагогического эксперимента стали просматривать, в среднем, на 16,7% большее количество строк. В тоже время, по сравнению с началом педагогического эксперимента, у них увеличилось количество ошибок на 61,5 % и на 80,4 % количество пропусков. Коэффициент продуктивности за это время у них вырос на 5,95 % (с 9,08 до 9,62). К концу педагогического эксперимента дети из 4-го класса опытной группы, в среднем, просматривали на 5,3 % больше строк, а коэффициент продуктивности у них стал на 10,7 % выше, чем у детей из 4-го контрольного класса (различия достоверны при $p < 0,05$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что при помощи специально подобранных средств и методов адаптивного физического воспитания, рационально применяемых в режиме дня младших школьников с ЗПР, можно решить не только проблему укрепления их здоровья, повышения уровня физической подготовленности и физического развития, но и повысить у них уровень умственной работоспособности, что положительно отражается на эффективности всей коррекционной работы в целом. Это позволяет рекомендовать разработанную комплексную программу физкультурно-оздоровительных мероприятий к использованию в начальных классах специальных (коррекционных) образовательных учреждений 7 и 8 видов, классов коррекционно-развивающего обучения общеобразовательных школ, а также дома при проведении коррекционно-развивающих занятий с детьми, имеющими ограниченные психофизические возможности.

IX. Социальная лингвистика

*М. В. Антонова
ПГПУ им. В.Г.Белинского*

ВОЗМОЖНОСТИ КОМПЬЮТЕРНОГО ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ССУЗ

Важное место в учебном процессе средних специальных учебных заведений занимают стремительно развивающиеся педагогические технологии. Технология (от греч. *techné* – искусство, мастерство, умение и *logos* – учение) представляет собой совокупность методов, осуществляемых в каком-либо процессе. Педагогическая технология – совокупность правил и соответствующих им педагогических приемов и способов воздействия на развитие, обучение и воспитание учащихся.

Первоначально термин «педагогические технологии» был связан с применением в учебном процессе технических средств обучения. В практике отечественного образования он обозначает также приемы, способы работы преподавателей. В международных изданиях понятие «педагогическая технология» определяется не просто как использование технических средств обучения или компьютеров, это «выявление принципов и разработка приемов оптимизации образовательного процесса путем анализа факторов, повышающих образовательную эффек-

тивность путем конструирования и применения приемов и материалов, а также посредством оценки применяемых методов».

Без педагогически развитого мышления, без учета многих факторов педагогического процесса, возрастных и индивидуальных особенностей учащихся любая технология не выполнит своего назначения и не даст должного результата. Прежде чем принять ту или иную технологию, необходимо изучить все ее особенности; знать, на что она направлена, для чего, с какой целью применяется; каким педагогическим концепциям соответствует; какие задачи можно решить с ее помощью. Учитель, освоивший педагогическую технологию, – это, прежде всего, человек, владеющий педагогическим мастерством.

Любая технология в той или иной мере направлена на реализацию научных идей, положений, теорий на практике. Специфика педагогических технологий состоит в том, что построенный на ее основе педагогический процесс должен гарантировать достижение поставленных целей. Инновационная педагогическая технология представляет собой производимый на практике проект педагогической системы, ведущий к ее оптимизации с позиций личностно-ориентированного образования.

Использование инновационных педагогических технологий, функционирующих в режиме применения компьютера в педагогическом процессе, сегодня наиболее актуально. Компьютер занимает достойное место в учебном процессе, где он выступает как объект изучения и как средство обучения.

Применение компьютера как средства обучения иностранному языку качественно меняет и увеличивает возможности накопления и применения знаний каждым учащимся, а также возможности познания. Использование компьютера в качестве орудия познания человека означает проявление новых форм мыслительной, мнемонической (от греч. *mnemonic* – искусство запоминания) творческой деятельности. Они используются при тестировании, демонстрации примеров и экспериментов. Существует целый класс программ, называемых «электронными учебниками», содержащих определенное количество иллюстрированной текстовой информации.

В настоящее время компьютеры находят разнообразное применение при изучении иностранного языка, где они функционируют в трех режимах. В первом – компьютер выполняет функцию обучающего, во втором – вспомогательного средства, в третьем – обучаемого. При обучении языку в качестве обучающего компьютер руководит действиями учащихся, он представляет на экране учебный материал,

учащийся отвечает, компьютер оценивает ответы и затем либо выдает новый материал, либо возвращается к прежнему. Если компьютер функционирует как обучаемый, роли меняются: в этом случае учащиеся управляют компьютером, беря на себя ответственность за процесс усвоения знаний. Когда компьютер выступает в роли средства, преподаватели и учащиеся пользуются им в процессе обучения в качестве универсального инструмента, т. к. он программируется на выполнение определенных полезных функций. Любая классификация применения компьютера в ССУЗ является, в сущности, произвольной, т. к. различные категории частично дублируют друг друга.

Использование компьютеров представляет весьма большой интерес для преподавателей иностранных языков. По сравнению с другими предметами он имеет более широкие возможности. Любой язык обладает по крайней мере двумя характеристиками, пригодными для изучения с помощью компьютера как в общем плане, так и с точки зрения конкретных задач его преподавания учащимся, для которых он не является родным. Первая характеристика заключается в том, что в любом языке насчитывается огромное количество слов, которые необходимо уметь использовать в различных сочетаниях. Вторая – в том, что каждый язык создает собственные тексты из этих слов на основе сложных грамматических правил, которые полезно иметь в наиболее точном и подробном изложении.

Компьютер затрагивает все компоненты систем обучения иностранному языку, его методы и содержание. В России имеется хороший теоретический фундамент для построения эффективного компьютерного обучения. Это психологические и дидактические теории учебной деятельности и обучения, разработанные отечественными учеными П. Я. Гальпериным, Д. Б. Элькониным, В. В. Давыдовым и др. Компьютерная грамотность нужна преподавателям иностранного языка. Всеобщая компьютерная грамотность педагогов – одна из основных целей создания в учебном заведении той живительной атмосферы, которая пробуждает и поддерживает интерес учащихся к учебному процессу, стимулирует усилия в творческом использовании компьютера.

Компьютер вносит существенные изменения и в методы обучения иностранному языку. Это обеспечивается благодаря изобразительным возможностям компьютера, расширению круга учебных задач, возможности моделирования совместной деятельности преподавателя и учащихся на всех этапах обучения иностранному языку, значительной гибкости управления учебной деятельностью за счет широкого варьирования «поля самостоятельности», т. е. тех отклонений от норматив-

ного способа выполнения заданий, при которых учащимся не предоставляется помощь, психологически обоснованному распределению управляющих функций между компьютером и учащимися, широкой индивидуализации обучения.

Организация учебного процесса на занятиях иностранным языком с учетом индивидуальных особенностей учащихся позволяет создать оптимальные условия для реализации потенциальных возможностей каждого учащегося. Эта реализация осуществляется в условиях коллективной учебной работы в рамках общих задач и содержания обучения. Процесс обучения иностранному языку в ССУЗ в основном ориентируется на средний уровень обученности. Поэтому не каждый учащийся может реализовать свои возможности. Индивидуализация обучения направлена на то, чтобы преодолеть несоответствие между уровнем учебной деятельности, который задают программы и реальными возможностями каждого учащегося. Учет особенностей учащегося носит комплексный характер и осуществляется на каждом этапе обучения иностранному языку.

Индивидуализация обучения в процессе преподавания иностранного языка предполагает дифференциацию (от франц. *différentiation*, от лат. *differention* – разница), т. е. такую форму организации учебной деятельности студентов, при которой учитываются их склонности, интересы и способности. Индивидуализация обучения предполагает также разработку систем заданий различной трудности и объема. В таких случаях целесообразно разделять учебный материал на основной – для всех учащихся и на варьируемый – для работы с группами и отдельными учащимися. По мере усвоения учащимися определенного учебного материала, развития его способностей, повышения интеллектуального уровня варьируемый материал меняется. Он может стать дополнительным, вспомогательным, промежуточным.

Колоссальными информационными возможностями и ресурсами при изучении иностранных языков обладает Интернет. Он создает уникальную возможность для изучающих иностранный язык пользоваться аутентичными текстами, слушать и общаться с носителями языка. Интернет способствует созданию естественной языковой среды. Важно помнить, что основной целью предмета «Иностранный язык» является формирование коммуникативной компетенции. В свою очередь, коммуникативная компетенция предусматривает формирование способности к межкультурному взаимодействию. В настоящее время именно эта цель является наиболее востребованной учащимися, изучающими иностранный язык. Даже если в дальнейшем специализация

выпускника не связана с контактами с иностранными специалистами, пользование всемирной сетью Интернет становится все более необходимым условием получения и передачи информации по любой специальности.

Специфика предмета "Иностранный язык" заключается и в том, что ведущим компонентом содержания обучения иностранному языку являются не основы наук, а способы деятельности – обучение различным видам речевой деятельности: говорению, аудированию, чтению, письму. В основе формирования умений в любом виде речевой деятельности лежат слухомоторные навыки. Следовательно, приоритет в обучении иностранному языку принадлежит устным упражнениям, то есть формированию умений говорения. Следует иметь в виду ещё одну особенность предмета "Иностранный язык", что обучать речевой деятельности можно лишь в живом общении.

Компьютерные телекоммуникации позволяют учащемуся вступать в живой диалог (письменный или устный) с реальным партнёром – носителем языка. Помимо этого коммуникативная компетенция тесным образом связана не только с лингвистической, а также с культуроведческой, в частности со страноведческой компетенцией. Следовательно, система обучения иностранному языку должна быть построена так, чтобы учащимся была предоставлена возможность знакомства с культурой страны изучаемого языка. Необходимо научить учащихся уважать проявления этой культуры, то есть быть способными к межкультурному взаимодействию. Эта задача решается с помощью отбора учебного материала и учёта дидактических свойств и функций каждого используемого средства обучения в соответствии с методическими задачами.

В использовании компьютерного обучения положительным является, прежде всего, его информативность. Велика его роль и в повышении мотивации обучения иностранному языку. Для занятий с использованием компьютера характерны самостоятельность учащихся в выборе материала, их активность и заинтересованность. Если учащиеся занимаются с интересом, то, как правило, и успехи их улучшаются. Они наглядно представляют себе, для чего им нужны хорошие языковые знания. С другой стороны, применение компьютерного обучения в процессе преподавания иностранного языка предполагает достаточно свободное владение компьютерными технологиями.

ОБУЧЕНИЕ РЕЧИ НА РУКОВОДИМОМ ЛАБОРАТОРНОМ ЗАНЯТИИ

В практике обучения иностранным языкам в вузе различают три основные формы занятий: аудиторные, домашние, лабораторные. Последние могут проводиться во внеаудиторное время без непосредственного руководства преподавателя или в аудиторное время под руководством преподавателя в специализированных классах.

Руководимое лабораторное занятие (РЛЗ) занимает промежуточное место между занятиями традиционно аудиторными и самостоятельными внеаудиторными лабораторными. Обучающая и контролирующая функция преподавателя непосредственно реализуется и на традиционно аудиторном занятии и на РЛЗ. Использование самоконтроля и получение учебной информации с помощью технических средств сближает РЛЗ с неруководимым лабораторным занятием. Вместе с тем РЛЗ – качественно новая форма занятий, обладающая специфическими методическими возможностями. Здесь обеспечивается интенсивная устная речевая практика одновременно всех студентов группы под руководством преподавателя в отличие от традиционных аудиторных занятий, где устное упражнение может выполняться только поочередно. Студенты могут также записать свою речь на магнитофон для последующего контроля и самоконтроля. Основные режимы работы на РЛЗ: индивидуально-групповой и парно-групповой.

Применение РЛЗ наиболее целесообразно на этапе совершенствования речевых навыков, где они развиваются параллельно с речевыми умениями.

Соответственно на РЛЗ необходимы упражнения, формирующие речевые навыки одновременно с развитием речевого умения. На РЛЗ преимущественно развиваются навыки и умения говорения. Для стимулирования высказывания студентов широко используется прослушивание звукозаписей, т. е. здесь развиваются навыки и умения не только говорения, но и аудирования.

Таким образом, основным содержанием РЛЗ должны быть упражнения для формирования устноречевых навыков с параллельным развитием умений устной речи, учитывающие методические возможности специализированного класса.

Проблема создания упражнений для РЛЗ начала серьезно разрабатываться только с начала 70-х годов. На РЛЗ высказывание студента

должно подняться до уровня сверхфразового единства. Обусловить высказывание студента можно частично путем использования опор различного характера и постановки коммуникативной задачи с использованием элементов театрализации.

Содержание упражнений, выполняемых на РЛЗ, варьируется в зависимости от этапа обучения, речевого навыка и других факторов. Однако структура упражнений остается примерно одинаковой. Оно имеет три основные фазы: рецептивную, операционную и фазу самоконтроля. В рецептивной фазе студент воспринимает определенную информацию, на основе которой он в дальнейшем строит свое высказывание, и задание преподавателя. В операционной фазе все учащиеся одновременно высказываются, записывая свою речь на магнитной пленке индивидуальных магнитофонов. Изготовление автофонограмм – необходимое условие реализации следующей фазы упражнения, в которой студенты прослушивают автофонограмму с целью самоконтроля и самокоррекции.

В зависимости от характера опоры, используемой для высказывания учащегося, все упражнения для РЛЗ можно разделить на четыре группы. Это упражнения: 1) со слуховой вербальной опорой; 2) со зрительной вербальной опорой; 3) со зрительной иллюстративной опорой; 4) со зрительно-слуховой иллюстративно-вербальной опорой.

В упражнениях первой группы источником информации является звучащий текст – фонограмма. В качестве слуховой вербальной опоры в упражнениях первой группы можно использовать краткие рассказы, отрывки из фонограмм, пьес, лингафонных курсов и других звуковых пособий. В любом случае фонограмма-опора должна быть абсолютно доступна для данного контингента учащихся.

Вторая группа упражнений выполняется на основе печатного текста (газетные и журнальные статьи, отрывки из художественных произведений). Хотя информация поступает по зрительному каналу, речевая реакция учащегося остается устной. Поэтому данная группа упражнений может быть использована только при условии высокого уровня развития навыков чтения. Упражнения со зрительной опорой на печатный текст могут найти широкое применение в процессе развития навыков и умений говорения на общественно-политическую тематику.

Упражнения третьей группы выполняются со зрительной опорой на иллюстративную наглядность (картинки, рисунки, кадры диафильмов). Студенту предлагается либо описать иллюстрацию, либо выступить в роли одного из действующих лиц, изображенных на ней. В пер-

вом случае нельзя ограничиваться заданием «опишите картинку», следует поставить речевую задачу.

В основе упражнений четвертой группы лежит кинофрагмент или кадры озвученного диафильма. Восприятие информации в рецептивной фазе происходит одновременно по двум каналам: зрительному и слуховому. Зрительное восприятие описываемых событий помогает и в операционной фазе.

Из всех описанных групп упражнений для обучения устной речи в условия РЛЗ наибольшее значение имеют упражнения 1 и 4 групп, так как благодаря поступлению информации по слуховому каналу в них обеспечивается слуховая наглядность.

Таким образом, обучать устной речи на РЛЗ следует посредством специальных упражнений, составленных с учетом методических возможностей данной формы занятия и направленных на совершенствование речевых навыков

*А. В. Зайцева
ПГПУ им. В. Г. Белинского*

СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ УПРАЖНЕНИЙ В ЛАБОРАТОРНЫХ РАБОТАХ

Формирование навыков и умений устной иноязычной речи студентов начального этапа обучения эффективно при выполнении ими упражнений коммуникативного характера. Эти упражнения имитируют процесс реального общения, в них на первый план выступает функциональная сторона речи, в высказываниях обучаемых присутствует речевая задача, речевая (а не грамматическая) цель.

В основе функционального подхода лежат правила перехода от данного содержания к различным формам его выражения. Знание того, какое высказывание уместно в данной ситуации, в определенной степени приобретает и знание формы. Формирование способности общения на иностранном языке облегчается при выполнении студентами коммуникативных упражнений. Следовательно, упражнения лабораторного задания должны носить коммуникативный характер. При выполнении коммуникативных упражнений внимание студента может концентрироваться на содержании речи в большей или меньшей степени.

Во время проводимых с преподавателем аудиторных занятий даже на самом ограниченном и несложном языковом материале можно выполнять упражнения значительной коммуникативной ценности. Так,

каждый студент может рассказать о своём городе. Во внеаудиторной самостоятельной работе со звукозаписью и упражнениях необходимо предусмотреть ключи, поэтому высказывания обучаемых должны быть однозначными по содержанию и форме. Это накладывает определенные ограничения на уровень коммуникативной ценности лабораторных упражнений. Такие упражнения невозможно поместить в лабораторное задание, так как высказывания всех студентов будут разными и их невозможно заранее обеспечить ключами, записанными на магнитной пленке.

Однозначности высказываний студентов помогут достичь такие способы: 1) подсказка слова или синтагмы, которые должен употребить студент; 2) предложение изменить высказывание диктора в соответствии с образцом; 3) указание языковой формы, которую должен употребить студент; 4) прямое указание на содержание ожидаемого высказывания; 5) построение студентом своего высказывания с опорой: а) на средства изобразительной наглядности; б) на содержание прослушанного; в) на содержание прочитанного текста; г) на условия окружающей действительности; д) на знание реального мира.

Выбор способов детерминации речевого высказывания, их последовательности в определенной мере зависит от этапа обучения: на начальном этапе упражнениям с высокой коммуникативной ценностью может предшествовать большее количество упражнений со слабой коммуникативной окраской. Это соотношение зависит от специфики данного языкового материала. Однако каждый цикл лабораторных заданий должен завершаться значительным количеством упражнений высокой коммуникативной ценности, по своему характеру приближающихся к естественным коммуникативным актам.

Коммуникативный характер упражнений в определенной степени зависит и от способа организации в нем обратной связи – от вида ключа. При выборе корректирующей информации следует учитывать два фактора – уровень самокоррекции по ключу данного вида и влияние ключа на степень коммуникативной ценности упражнения.

Выделяют ключи разных типов: полные, частичные, завуалированные, ключи-образцы, ключи-сигналы. Эти ключи могут быть звуковыми и печатными. С точки зрения коммуникативной направленности упражнения частичный ключ более ценен. В то время как полный ключ требует жесткой детерминации высказывания по форме и содержанию, частичный ключ допускает некоторое варьирование.

Имеет определенное значение и канал поступления информации. Звуковой ключ, начитанный на магнитной пленке, более соответствует

условиям речевого общения, чем печатный. Последний не гарантирует такого же уровня самокоррекции: его можно подсмотреть до выполнения упражнения, а это нежелательно (в случае звукового ключа такой опасности нет); при пользовании печатным ключом внимание студента все время переключается со звуковой информации на печатный текст. Учитывая эти соображения, считаем целесообразным применять в лабораторных работах полные и частичные ключи.

В заключение нужно отметить, что в фоноупражнениях коммуникативного характера на начальном этапе обучения в вузе следует широко использовать полные и частичные звуковые ключи. Возможно также применение завуалированных ключей, желательного типа (ключей-реакций). Для обеспечения однозначности высказываний студентов (по содержанию и форме) целесообразно в основном строить упражнения с прямым указанием на содержание ожидаемого высказывания, в опоре на средства изобразительной наглядности на содержание прослушанного или прочитанного студентом текста, на условия реальной обстановки или знание реальной действительности.

Однако коммуникативная направленность фоноупражнений с детерминированной речевой реакцией имеет ограничения. Когда речь идет о личной жизни обучаемого, о его вкусах, привычках невозможно обеспечить однозначность его высказывания. Такие беседы проводятся во время аудиторных занятий под руководством преподавателя. Коммуникативно направленные упражнения в звукозаписи, выполняемые самостоятельно в лаборатории обучения речи, могут только фундаментально подготовить студента к процессу общения на иностранном языке.

*Е. В. Луткова
ПГПУ им. В. Г. Белинского*

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В последние годы в теоретической и практической методике большое внимание уделяется вопросам, связанным с использованием иностранного языка как инструмента общения в диалоге культур и цивилизаций современного мира.

Правильная реализация социокультурного подхода на занятиях по иностранному языку обеспечивает усвоение языка в тесной связи с иноязычной культурой, которая включает в себя разнообразные по-

знавательные сведения об истории, литературе, архитектуре, быте, нравах, образе жизни и традициях народа страны изучаемого языка.

Реализация названного подхода на занятиях по иностранному языку должна носить системный и строго управляемый характер. Это объясняется следующими факторами.

В результате осуществления социокультурного подхода на занятиях по иностранному языку происходит обновление некоторых компонентов содержания обучения. Преподаватель подбирает актуальные и аутентичные тексты для аудирования и чтения. Эти тексты имеют большую познавательную и лингвострановедческую ценность. Используется иллюстративный материал для раскрытия содержания предлагаемых текстов (открытки, карты, меню, рекламные проспекты). Такие тексты и иллюстрирующие их материалы способствуют реализации важных принципов обучения иностранному языку (коммуникативность, наглядность, новизна).

Целенаправленная работа по реализации социокультурного аспекта на занятиях по иностранному языку способствует, с одной стороны, повышению интереса к предмету, а с другой – создает положительную мотивацию при усвоении языковых и при приобретении культуроведческой информации с помощью и на основе этих средств.

В ходе работы над культуроведческим материалом уточняется и совершенствуется система приемов работы над тем или иным аспектом речи, одновременно меняются приемы работы над тем или иным аспектом речи, одновременно меняются приемы работы с лингвострановедческой наглядностью, приобретаются и совершенствуются технические приемы работы со словом на основе использования на занятиях по иностранному языку лингвострановедческого справочника, путеводителя, рекламных материалов, детской энциклопедии на изучаемом языке.

Целенаправленная и постоянная работа по реализации социокультурного подхода на занятиях иностранным языком позволяет систематизировать виды упражнений, с помощью которых преподаватель обучает студентов извлекать из разных источников нужную информацию.

Социокультурный подход обеспечивает, кроме того, устойчивый, полезно планируемый результат в области практических навыков и умений на иностранном языке. Данный результат носит двусторонний характер. С одной стороны, создается прочная система навыков и умений по практическому применению языка как средства межличностного и межкультурного общения. С другой – в качестве полезного ре-

зультата такой учебной работы следует рассматривать приобретаемые студентом обширные культуроведческие знания.

Социокультурный подход вносит свой определенный вклад в формирование разных видов компетенций – языковую, речевую, социокультурную.

Работа по реализации социокультурного подхода на занятиях по иностранному языку не должна быть стихийной. Она должна быть управляемой. Для управления данным видом учебной деятельности можно использовать самые разнообразные средства. Это система специальных лингвострановедческих текстов и лингвострановедческие тесты.

В целях управления процессом реализации социокультурного подхода на занятиях по иностранному языку особое внимание уделяется подбору специальных текстов. Это не только материалы книжно-письменного характера, но и литературные тексты в виде стихов и песен.

Подобранные тексты, с одной стороны, дополняют содержание учебников по иностранному языку. С другой – система дополнительных текстов призвана расширить и углубить культуроведческую информацию, получаемую студентами на занятиях по иностранному языку.

Лингвострановедческий тест – это комплекс заданий, позволяющий выявить у студентов степень владения страноведческой и социокультурной информацией. Основные требования к тестам: а) доступность по содержанию используемого материала; б) простота по структуре; в) экономность по времени его выполнения; г) простота проверки выполненного задания; д) охват большого количества студентов одновременно. Такие тесты можно одновременно рассматривать как средство организации различных видов внеклассных мероприятий, проводимых на иностранном языке.

В заключение можно сказать, что целенаправленная работа по реализации социокультурного подхода на занятиях иностранным языком позволяет достичь не только практических целей обучения (умений читать, слушать и говорить), но и способствует решению образовательных, развивающих и воспитательных целей. Четко управляемая работа преподавателя по накоплению социокультурных и культуроведческих знаний обеспечивает студентам хорошее знание иноязычного фона. Это, в свою очередь, позволит студентам адекватно вести себя с носителем языка как представителем другой культуры.

ГЕРМАНИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Заимствования слов из других языков характерно для английского языка на протяжении всей его истории. В составе лексики английского языка более двух третей слов составляют заимствования из других языков. Заимствования отличаются фонетической дистрибуцией, не характерной для английского языка, а также необычным морфологическим членением и отсутствием мотивации лексического значения. Основным языком – источником заимствований остается французский язык. Новой тенденцией является рост заимствований из немецкого и японского языков, а также языков народов Африки и Азии.

Германизмов в английском языке оказалось больше, чем предполагалось. Интересен тот факт, что заимствования из немецкого языка пользуются все большей популярностью и существуют не только в устной форме, но и закрепляются письменно, имея фиксированное значение в художественной литературе, прессе и словарях. Так, заимствованное из немецкого языка слово *Schadenfreude* (злорадство) пользуется у англичан большим спросом: британцы, со злорадством потирающие руки при упоминании о плохом экономическом состоянии Германии, не упустят момента в этом случае употребить слово *Rezession* (спад, снижение). Но не только рядовые граждане Британии позволяют себе употреблять в разговоре немецкие заимствования. Однажды журналист "Sunday Times" в одном из своих репортажей неслестно отозвался о туристах, отдыхающих на Ривьере, употребив при этом германизм "bratwursty" (нем. *Bratwurst* – жареная колбаса).

Англичане, может быть, слишком часто употребляют немецкое слово "Angst" (страх), придавая ему несколько негативный оттенок и в статьях всеми уважаемого "Guardian" это слово встречалось неоднократно.

Многотиражный иллюстрированный журнал "Time Out" характеризует музыку британской группы *Popmusik Radiohead* как "классический английский angst pop".

Не только пресса пестрит немецкими словами. Известный бизнесмен Генри Хед называет состояние дел в Европейском Сообществе словом *Quatsch* (чушь). В обиходе политиков и бизнесменов давно находится слово *Zollverein* (таможенный союз), оно давно употребляется в английских словарях иностранных слов. В политических дискуссиях

можно часто услышать немецкое "ding an sich"(вещь в себе), когда имеется в виду суть дела.

Джон Симпсон, издатель известного словаря "Oxford English Dictionary", так говорит о заимствованиях из немецкого: "Мы, британцы, не боимся заимствовать иностранные слова. И никто не может препятствовать этому процессу. В конце концов, английский язык имеет глубокие германские корни..."

Многие слова в области музыки, философии и политики пришли из Германии, среди них *lieder* (песни), *zeitgeist* (дух времени), *ostpolitik* (восточная политика). С 1895 года англичане путешествуют с *rucksack* (рюкзаком) по *hinterland* (местности, прилегающей к промышленному центру). Юный британец может быть *wunderkind* (вундеркиндом) и ходить в *kindergarten* (детский сад). В живом диалоге можно повсеместно услышать немецкое *gemütlich* (приятный) и "Vorsprung durch Technik" (преимущество благодаря технике) (фраза взята из рекламы «Ауди»).

Лондонская вечерняя газета "Evening Standard" неоднозначно высказывается об открытом А. Шварценеггером ресторане «Планета Голливуд»: автор назвал PR-менеджера *gautleiter* ("гаутлейтер" – национал-социалистический руководитель области в фашистской Германии), а его сотрудниц *fräuleins* (барышня, девица).

Необходимо заметить, что процесс ассимиляции немецких заимствований проходит по-разному. Некоторые заимствованные наименования проходят сложный путь. Например, упомянутое нами слово *Zeitgeist*, заимствованное в 1831 году, было переведено как *time spirit*, но позднее (1884) употреблялось как *Zeitgeist* и лишь в 1921 году подверглось орфографической ассимиляции – *zeitgeist*.

Типичным является поступательное вживание в английский язык. Немецкое слово сначала существует в первоначальном виде и лишь позднее становится калькой или полукалькой, например:

Немецкое слово

Kriegsspiel

Gegenstein

Германизм

Kriegsspiel (1811)

war game (1828)

gegenstein (1880)

counter (1884).

Но отдельные заимствования переводятся сразу:

Eigenheit

akademische

Freiheit

Bockbier

ownhood

academic

freedom

bockbeer

Иногда возникает несколько вариантов перевода (калек) немецкого заимствования, например:

Немецкое слово	Германизм-калька
Übermensch	overman superman beyondman
Schweinehund	swine dog swine hound

Немецкие заимствования подвергаются определенному влиянию законов английского языка и это дает возможность говорить об ассимиляции на различных уровнях:

I.Формальная ассимиляция

а) фонетическая ассимиляция: большая часть заимствований сохраняет свое немецкое произношение при условии сохранения немецкого написания

hausfrau [haosfrao]
krimmer [krimэр]
nachtmusik[naxtmu:zik]

б) орфографическая ассимиляция:

– большинство германизмов пишутся со строчной буквы:

sorge
tendenz
stube
storm

– многие приспосабливаются к английскому правописанию

j > y – Junker > younker
Jodel > yodel
ei > i Kneipe > knipe
au > ou, ow Bauer > bower
u > oo Pudel > poodle
ü > u Glühwein > gluhwein
sch > sh, s schmausen > smouse
Schwindler > swindler
z > s spitz > spits
s > ss Greis > greiss
v > f Leitmotiv > leitmotif

в) грамматическая ассимиляция: в основном германизмы ассимилируются в соответствии с правилами английской грамматики, так при образовании множественного числа:

- 54 % немецких заимствований принимают английское окончание – (e)s: glockenspiels, ichlauts, twiners;
- 31 % имеют двойные окончания: возможны и немецкий, и английский варианты: inlaute и inlauts; autobahnen и autobahns; wunderkinder и wunderkinds;
- 15 % употребляется только с немецким окончанием множественного числа: krimmer, hefte, kanonen, trinklieder.

II. Лексико- семантическая ассимиляция.

Как правило, германизмы в английском языке употребляются в одном из всех его значений (в 7 случаях из 10)

Немецкое слово

Anlage

Ansatz

Betrieb

Plan

Veranlagung

angeborene Neigung

Becken

Schlüssel

Schale

Wasserbehälter

Schlaginstrument aus zwei

flachgewölbten Metallscheiben usw.

Германизм

anlage

1) the first accumulation of cells
in an embryo

becken

1) cymbals

В некоторых случаях (в 2 из 10) происходит расширение семантического поля заимствованного слова:

Немецкое слово

Alpenglühen

1) Rotleuchten der Alpengipfel
bei Sonnenuntergang

Германизм

alpenglow

1) a reddish glow seen near
sunset

2) sunrise on the summit of the Alps

3) mountains in general

Blitz (krieg)

Krieg, der mit blitzartiger

Schnelligkeit abrollt und

Rasch abgeschlossen wird

blitz

1) an intensive all-out arial
attack or campaign

2) a fast intensive nonmilitary campaign
3) (in football) a defense rush on a passer

Изменение значения происходит очень редко:

Немецкое слово

Германизм

Abraum

abraum

Erdschicht über

1) a red ochre used to darken

Bodenschätzen, Schutt,

mohogany

Abfall

Barutsche

barouche

zweigliedriger Wagen,

1) a four- wheeled shallow

zweigliedrige Kutsche

carriage

Большая часть германизмов обозначает научные понятия. Среди них особенно большое количество из области минералогии, биологии, химии, медицины, зоологии. Немало германизмов в сфере музыкологии (abgesang, alpenhorn, auftakt, bebung, becken, chorall), политики и государственного управления (ausschuss, ausgleich, ausländer, diktat), кулинарии (amarelle, bratchen, karpfen, kuchen, kohlrabi, kraut, torte, noodle, sauerkraut, marzipan, stolen, pretzl). Но кроме этого существуют заимствования из разговорного языка, являющиеся общеупотребительными: achtung, backfisch, bitte, blond beast, beer hall, buss, denkmal, Engländer, foot, lieder, frisch, autobahn, gasthaus, hausfrau.

Итак, английский язык продолжает и сейчас пополняться за счет заимствований, но в гораздо меньшей степени, чем это было в средние века и в эпоху Ренессанса. Из "принимающего" языка он превратился в "дающий", так как английский язык во второй половине двадцатого и в начале двадцать первого века стал языком общения (lingua franca). Как правило, заимствования в современном английском языке не являются абсолютными синонимами английских лексических единиц и не вытесняют их (как это было в средние века). Большей частью они являются стилистическими синонимами существующих в языке слов.

Примечания

1. Дубенец Э. М. Лингвистические изменения в современном английском языке. Спецкурс. Лекционный материал. Изд. МОПИ им. Н. К. Крупской, 1990.
2. Дубенец Э. М. Неологизмы в английском языке // ИЯШ. 1991, № 2.
3. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1989.
4. Ивлева Г. Г. Тенденции развития слова и словарного состава языка. М., 1986.
5. Лангнер Х. Пласты языка и социальные слои. Актуальные проблемы языкознания ГДР. / Пер. с нем. М., 1979.

6. Мыркин В. Я. В какой мере язык (языковая система) является отражением действительности // Вопросы языкознания. 1986. № 3.
7. Suddeutsche Zeitung. – Sept. 1993.

Словари

1. The Longman Register of New Words. Special Edition. М.: Русский язык, 1990.
 2. Longman Guardian New Words. Lnd., 1986.
 3. The Oxford Dictionary of New Words / Edited by E. Knowles with J. Elliot. Oxford University Press, 1998.
 4. Barnhart C. L., Steinmetz S., Barnhart R. K. The Second Barnhart Dictionary of New English. New York, 1980.
 5. Трофимова З. С. Dictionary of New Words and Meanings. Словарь новых слов и значений в английском языке. М.: Павлин, 1993.
-

Пензенский государственный педагогический университет
имени В.Г. Белинского

Материалы VII Социологических чтений
преподавателей, аспирантов и студентов
Межвузовский сборник научных трудов

Ответственный редактор – доктор филос. наук, проф. А.Б. Тугаров
Редактор – Л.И. Дорошина
Корректор – Л.И. Дорошина
Набор и верстка – А.С. Дудкин, Т.Г. Скороходова

План университета 2005 г. (Поз. 112)

Подписано к печати __.07.2005
Бумага писчая
Тираж 500 экз.

Формат
Заказ № 170/05
Цена С.110

Издательство ПГПУ им. В.Г.Белинского: 440026, Пенза, ул. Лермонтова, 37. Корп. 5. Комн. 466.

Отпечатано с готового оригинал-макета в полиграфии _____